

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Научный журнал

*Основан в 2023 году
Выходит 4 раза в год*

Учредитель и издатель:

690922,
г. Владивосток,
о. Русский,
п. Аякс, 10

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
свидетельство Эл № ФС77-85316 от 15 мая 2023 г.*

Главный редактор

МОДИНА Галина Ивановна, доктор филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Заместитель главного редактора

НИКОЛАЕВА Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Ответственный секретарь

ПИВОВАРОВА Екатерина Владимировна, канд. филол. наук,
доцент кафедры романо-германской филологии
Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Размещено на сайте 03.04.2025

FAR EASTERN PHILOLOGICAL JOURNAL

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Science Journal

Founder and Publisher:

Founded in 2023
Published 4 times a year

10 Ajax Bay,
Russky Island,
Vladivostok,
690922, Russia

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor),
certificate Эл № ФС77-85316 dated 15.05.2023*

Chief Editor

Galina I. MODINA, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Deputy Chief Editor

Olga V. NIKOLAEVA, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romance and Germanic Philology, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Executive Secretary

Ekaterina V. PIVOVAROVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Editorial address:

FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia

Published on 03.04.2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА Ольга Николаевна	доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
ЗАБИЯКО Анна Анатольевна	доктор филологических наук, профессор Амурского государственного университета, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры (Благовещенск)
МЕХТИЕВ Вургун Георгиевич	доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
ОСИПОВА Ольга Ивановна	доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (Владивосток)
ПЕРВУШИНА Елена Александровна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
УРМАНОВ Александр Васильевич	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск)

5.9.2. Литературы народов мира

ГАЛЬЦОВА Елена Дмитриевна	доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки новейшего времени, заведующий Научной лабораторией «Rossica: русская литература в мировом культурном контексте», профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
КИРЕЕВА Наталья Владимировна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск)
КИРИЧУК Елена Владиленовна	доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета (Омск)
ЛИТВИНЕНКО Нинель Анисимовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова (Москва)
ПИНКОВСКИЙ Виталий Иванович	доктор филологических наук, доцент кафедры литературы Северо-Восточного государственного университета (Магадан)
ХУЗИЯТОВА Надежда Константиновна	кандидат филологических наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

5.9.4. Фольклористика

КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна	доктор филологических наук, заведующий Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)
ХУСАИНОВА Гульнур Равиловна	доктор филологических наук, заведующий отделом фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа)
ЮША Жанна Монгеевна	доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

САДЧЕНКО Валентина Тарасовна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
СТАРОДУМОВА Елена Алексеевна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ШЕРЕМЕТЬЕВА Елена Сергеевна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ШАПОВАЛОВА Татьяна Егоровна	доктор филологических наук профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Московский государственный областной университет (Москва)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АНДРОСОВА Светлана Викторовна	доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (Благовещенск)
ЗАВЬЯЛОВА Виктория Львовна	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КАРПУХИНА Тамара Петровна	доктор филологических наук, профессор высшей школы европейской лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
БОНДАРЕВА Екатерина Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОХАН Ирина Николаевна	кандидат филологических наук, доцент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОРНИЛОВА Людмила Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МИХЕЕВА Ирина Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МОРЕВА Надежда Семёновна	кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СБОЕВ Александр Николаевич	кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ТИХОНЕНКО Валентина Александровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АВТУХОВИЧ Татьяна Евгеньевна	доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)
АЙ Хуэйжун	кандидат филологических наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна	доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
ИНЬКОВА Ольга Юрьевна	доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Женевского университета (Женева, Швейцария)
КЕЙДУН Ирина Борисовна	доктор философских наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия)
ЛЮ Чжицянь	кандидат филологических наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
САЙ На	кандидат филологических наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
СТОРОЖУК Александр Георгиевич	доктор филологических наук, профессор кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
ХАЧАТРИАН Наталья Михайловна	доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Ереванского государственного университета им. В. Брюсова (Ереван, Армения)

EDITORIAL TEAM

5.9.1. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olga N. ALEXANDROVA- OSOKINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature and Journalism, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk)
Anna A. ZABIYAKO	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Literature and World Art Culture, Amur State University (Blagoveshchensk)
Vurgun G. MEKHTIEV	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature and Journalism, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk)
Olga I. OSIPOVA	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian as Foreign Language, Far Eastern State Fishery University (Vladivostok)
Elena A. PERVUSHINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Alexander V. URMANOV	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)

5.9.2. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Elena D. GALTSOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Literature of Europe and America of Modern Times, Head of the Scientific Laboratory “Rossica: Russian Literature in the World Culture Context”, Professor of the Department of Foreign Literature History, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Natalia V. KIREEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)
Elena V. KIRICHUK	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Omsk State University (Omsk)
Ninel A. LITVINENK	Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Sholokhov Moscow State University for The Humanities (Moscow)
Vitaliy I. PINKOVSKY	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature, North-Eastern State University (Magadan)
Nadezhda K. KHUZIYATOVA	Candidate of Philological Sciences Professor, Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

5.9.4. FOLKLORE STUDIES

Tatyana V. KRAYUSHKINA	Doctor of Philological Sciences, Head of the Center for History of Culture and Intercultural Communication of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok)
Gulnur R. KHUSAINOVA	Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Folklore Studies, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (Ufa)
Zhanna M. YUSHA	Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the Folklore Sector of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)

5.9.5. RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

Valentina T. SADCHENKO	Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Language and Publishing, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk)
Elena A. STARODUMOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena S. SHEREMETYEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Tatyana E. SHAPOVALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University (Moscow)

5.9.8. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Svetlana V. ANDROSOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University (Blagoveshchensk)
Victoria L. ZAVYALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Tamara P. KARPUKHINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Higher School of European Linguistics and Intercultural Communication, Pacific State University (Khabarovsk)
Ekaterina V. BONDAREVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina N. KOKHAN	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Department of the English Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Lyudmila E. KORNILOVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina V. MIKHEEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda S. MOREVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Alexander N. SBOEV	Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Valentina A. TIKHONENKO	Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Tatyana E. AVTUKHOVICH	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)
Huirong AI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China) Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Elena E. VOITISHEK	Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)
Olga Y. INKOVA	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, University of Geneva (Geneva, Switzerland)
Irina B. KEIDUN	Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Zhiqiang LIU	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Na SAI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Alexander G. STOROZHUK	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Natalia M. KHACHATRYAN	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of World Literature and Culture, Yerevan State University named after V. Bryusov (Yerevan, Armenia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

О новом выпуске «Дальневосточного филологического журнала» 10

5.9.1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Первушина Е.А. Методологические ориентиры в определении понятия «переводная художественная литература» 11

Панченко Т.Ф. Имманентный анализ стихотворения И. Северянина «Томление бури» 23

5.9.2. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Ненарокова М.Р. Пересказы «Ромео и Джульетты» в XXI в.: тема «star-crossed lovers» 30

5.9.5. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Тюрин П.М. Особенности взаимодействия текстовой скрепы «напротив» с союзом «и» 46

5.9.8. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ

И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Петренко Е.А., Абрамова С.М. Временные формулы как способ организации легендарного повествования о граде Китеже 55

Косарева Е.К., Ма Т.Ю. Лексика эмоций в «Книге Притчей Соломоновых» (“The Book Of Proverbs”) на английском языке 62

Петренко Е.А., Аксютин А.С. Специфика жанровой природы и коммуникативно-прагматической организации «Сказание отца нашего Агапия» 71

Дыбовский А.С., Щепетунина М.В. Двухсимвольные фразеологизмы современного японского языка 81

Тихоненко В.А. Концептуальная диада «жизнь» – «смерть» в корейской фразеологии. 119

Титова О.К., Ерёмченко А.В. Анализ медиатекстов: стратегия и практическое применение. 128

Мухаметова А.И. Образы семьи Дурсли и Гарри Поттера в немецкоязычной версии романов Дж. К. Роулинг 136

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ОПЫТЫ

Белько Н.А. Специфика перевода юридического текста с английского языка на русский язык (на материале трудового договора) 143

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Николаева О.В., Модина Г.И., Пивоварова Е.В., Задорожная А.А., Колычева В.Б., Кохан И.Н., Михеева И.В., Мухаметова А.И., Ситникова И.А. Хроника II Международной научной конференции «Гармония и алгебра текста: филология, семиотика, аналитика» / под общ. ред. О.В. Николаевой, Г.И. Модина, Е.В. Пивоваровой 152

CONTENTS

FROM THE CHIEF EDITOR

About the new issue of the “Far Eastern Philological Journal” 10

5.9.1. RUSSIAN LITERATURE

Pervushina E.A. Methodological guidelines in defining the concept of “translated fiction” 11

Panchenko T.F. Immanent analysis of I. Severyanin’s poem “The Longing of the Storm” 23

5.9.2. WORLD LITERATURE

Nenarokova M.R. Retellings of “Romeo and Juliet” in the 21st century: the “star-crossed lovers” theme. 30

5.9.5. RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLE OF RUSSIA

Tiurin P.M. Interaction features of the text clip “opposite” with the conjunction “and”. 46

5.9.8. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Petrenko E.A., Abramova S.M. Temporal formulas as a way of organizing the legendary narrative about the city of Kitezh 55

Kosareva E.K., Ma T.Yu. Lexis of emotions in the “Book of Proverbs” in the English language 62

Petrenko E.A., Aksyutina A.S. The specificity of the genre nature and communicative-pragmatic organization of “The Tale of Our Father Agapius” 71

Dybovsky A.S., Shchepetunina M.V. Two-character phraseological compounds in contemporary Japanese 81

Tikhonenko V.A. The conceptual dyad “life” – “death” in Korean phraseology 119

Titova O.K., Eremenko A.V. Media texts analysis: strategy and practical application. 128

Mukhametova A.I. Images of the Dursleys and Harry Potter in the German translation of the J.K. Rowling’s novels 136

FIRST SCIENTIFIC EXPERIENCES

Belko N.A. Peculiarities of legal translation from English into Russian (based on the labour contract). 143

SCIENTIFIC EVENTS

Nikolaeva O.V., Modina G.I., Pivovarova E.V., Zadorozhnaya A.A., Kolycheva V.B., Kokhan I.N., Mikheeva I.V., Mukhametova A.I., Sitnikova I.A. Chronicle of the II International scientific conference “Harmony and algebra of the text: philology, semiotics, analytics” / ed. by O.V. Nikolaeva, G.I. Modina, E.V. Pivovarova 152

О НОВОМ ВЫПУСКЕ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемые авторы и читатели, мы рады представить Вам первый номер «Дальневосточного филологического журнала» за 2025 год.

В нём начата публикация статей участников II Международной научной конференции «Гармония и алгебра текста: филология, семиотика, аналитика», посвящённой 125-летию основания Восточного института на Дальнем Востоке. Публикация статей по докладам, прочитанным на конференции, будет продолжена в следующих номерах. В разделе «Научные события» представлена «Хроника» конференции, объединившей лингвистов, филологов, культурологов, историков и философов – тех, «кто работает с текстом и над текстом».

Раздел «Русская литература» открывается публикацией научного доклада доктора филологических наук Елены Александровны Первушиной о методологических основаниях в определении понятия «переводная художественная литература». Доклад был прочитан на открытом заседании кафедры русского языка как иностранного, посвящённом юбилею Елены Александровны – талантливого учёного и любимого многими поколениями студентов преподавателя.

*С пожеланиями успехов,
редакция «Дальневосточного филологического журнала»*

Елена Александровна Первушина

доктор филологических наук, доцент,
Почётный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации.
Член Шекспировской комиссии при Научном совете
«История мировой культуры» РАН

В списке публикаций Е.А. Первушиной 5 монографий,
более 90 научных статей, около 20 учебно-методических
работ. В их числе:

- Первушина Е.А. Особенности классицизма Александра Поупа: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 189 с.
- Первушина Е.А., Незамутдинов В.Н. История русской литературы (конец XIX–XX вв.): учебник: на рус. и япон. яз. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 260 с.
- Первушина Е.А. История зарубежной литературы XVII–XVIII веков: Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 92 с.
- Первушина Е.А. Сонеты Шекспира в России: переводческая рецепция XIX–XXI вв.: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 354 с.
- Лю Чжицян, Первушина Е.А. Заветная звезда Леонида Черкасского: о переводах китайских поэтов первой трети XX века: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2019. 164 с.
- Первушина Е.А. «Но смерть поправ, до будущих времен дойдет мой стих...» (сонеты Шекспира в русских переводах) // Шекспир У. Сонеты. М.: Наука: серия «Литературные памятники», 2016. С. 686–724.
- Первушина Е.А. Русские переводы комедии Шекспира «Love's Labour's Lost» // Уильям Шекспир. Пустые хлопоты любви: двуязычн. изд. М.: Наука, серия «Литературные памятники», 2020. С. 604–638.
- Первушина Е.А. Переводоведческие акценты в вузовском преподавании зарубежной литературы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия». 2021. № 2(22). С. 14–22.
- Первушина Е.А. Переводной Шекспир В.К. Кюхельбекера: аспекты возможных перспектив (К 225-летию со дня рождения поэта-декабриста) // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. С. 78–86.
- Первушина Е.А. «Ричард III» Шекспира в России // Шекспир У. Король Ричард III. М.: Наука: серия «Литературные памятники», 2023. С. 357–390.
- Первушина Е.А. Совокупность текстов или все-таки литература: о термине «переводная литература» // Эпох скрещенья: Литературные исследования от Средневековья до Нового времени. М.: ЛитФакт, 2023. С. 372–384.
- Первушина Е.А. О своеобразии лиризма Маршака-поэта и Маршака-переводчика // Знание. Понимание. Умение. 2024. № 4. С. 254–264.

Научный доклад

УДК 82.035

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/11-22>

Методологические ориентиры в определении понятия «переводная художественная литература»

Елена Александровна Первушина

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного,

pervushina.ea@dvfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5341-9580>

Аннотация. Доклад был прочитан на открытом заседании кафедры русского языка как иностранного, посвящённом юбилею Е.А. Первушиной. В нём речь идёт о поиске методологических оснований в определении понятия «переводная художественная литература». Феномен переводной художественной литературы представляется специфической разновидностью словесного творчества, выполняющей функцию интеграции переводимой и принимающей литератур в мировой литературный процесс.

Ключевые слова: художественный перевод, переводная художественная литература, литературоведческий аспект теории художественного перевода, переводная множественность

Для цитирования: Первушина Е.А. Методологические ориентиры в определении понятия «переводная художественная литература» // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 11–22.

Original article

Methodological guidelines in defining the concept of “translated fiction”

Elena A. Pervushina

Far Eastern Federal University,

Vladivostok, Russian Federation

Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as Foreign Language,

pervushina.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5341-9580>

Abstract. The report, held at the anniversary meeting of the Department of Russian as a Foreign Language, is devoted to the search for methodological foundations in defining the concept “translated fiction”. The phenomenon of translated fiction appears to be a specific kind of literary creation that performs the function of integrating translated and receiving literature into the world literary process.

© Первушина Е.А., 2025

Key words: literary translation, translated fiction, literary criticism aspect of the theory of literary translation, translation plurality

For citation: Pervushina E.A. Methodological guidelines in defining the concept of “translated fiction”. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 11–22. (In Russ.).

Я регулярно задаю студентам дважды один вопрос, но по-разному интонируя его. Первый: «Вы Шекспира ЧИТАЛИ?», в ответ сразу слышу утвердительное «да, конечно». Но после второго – «Вы ШЕКСПИРА читали?» – наступает обескураженное молчание. Ведь понятно: читали не Шекспира, а его переводческое перевоссоздание на русском языке. Такие произведения обычно называют переводами. Но слова «перевод» и «художественный перевод» обрели и продолжают обретать всё более усложняющуюся семантику: это и вид особого межкультурного эстетического творчества как такового, и деятельностный процесс этого творчества, и – только в том числе – сам результат переводческой деятельности, т.е. собственно переводные произведения. Поэтому точнее называть их не переводами, а произведениями переводной художественной литературы (далее – переводной литературы).

Выражение «переводная литература» – давнее, его значение со временем менялось. В середине XIX в. Н.Г. Чернышевский называл переводной литературой литературу иностранную, которую он считал ценностным ориентиром для развивающейся отечественной словесности [Об этом см.: 16, с. 504, 505].

Но в следующем столетии, когда начала своё становление теория художественного перевода, выражение «переводная литература» приобрело более сложное значение, становясь названием весьма специфического явления в истории филологической культуры. А.В. Фёдоров (1906–1997), один из основоположников указанной теории в России, переводной литературой назвал не произведения иностранной литературы, а литературу, представленную произведениями, переведёнными на свой язык и потому ставшими достоянием – подчеркну – собственной литературы [Об этом см.: 14, с. 6].

В конце столетия Юрий Давидович Левин (1920–2006), признанный специалист в области межлитературных связей и художественного перевода, заговорил уже об истории этой особой литературы и даже наметил концепцию этой истории, заявив: «История русской переводной литературы – это история поисков, постижения и воссоздания на родном языке произведений иноязычных писателей с целью освоить их достижения и тем самым обогатить отечественную культуру» [6, с. 4].

В настоящее время, когда теория художественного перевода стала самостоятельной научной дисциплиной, представление о переводной литературе приобрело значимость категориального характера. Тем не менее определение данного понятия требует серьёзных уточнений. В интернет-энциклопедии «Википедия» переводная литература обозначена как «совокупность текстов, первоначально написанных на одном языке, а потом переведённых на другой» [10]. Очевидно, что это не научная формулировка. Слово «текст» употреблено здесь как название текста вообще, без указаний на его разновидности, рассматриваемые в научных обзорах (письменный, устный, научный, художественный, молодёжный и т.д.). Также неконкретно здесь и слово «литература» – это название всего написанного, имеющего общественное значение. Эта дефиниция в некоторой мере может быть соотнесена с определением переводного текста в «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбина. Отличая предназначенный

для перевода от *переводного* или *выходного* текста, полученного в результате перевода, Нелюбин лаконично определяет последний: «1. Текст, полученный в результате перевода. 2. Текст на ПЯ» [7, с. 148].

Переводоведы-лингвисты могут работать с данными определениями, поскольку они сопоставляют тексты оригинала и перевода с целью выявления языковых соответствий. «Установление языковых соответствий – задача языкознания, но не предмет анализа художественного творчества», – сказал видный специалист в области художественного перевода середины прошлого столетия Г.Р. Гачечиладзе [4, с. 77]. Литературоведы исследуют главным образом аксиологические аспекты перевода, оценивая в переводном произведении его эстетическое соответствие оригиналу. Поэтому в литературоведческом аспекте переводоведческой теории процитированные дефиниции переводной литературы неприемлемы.

Вспомним: литературоведы употребляют слово «литература» как «сокращённое обозначение *художественной литературы*, качественно отличающейся от других видов литературы: научной, философской, информационной и т.п. Литература в этом смысле есть письменная форма *искусства слова*» [11, с. 219]. Словесная ткань художественного текста – а литературоведы изучают только такой вид текста – это языковая материализация творений указанного искусства. Поэтому здесь предпочитают говорить не о художественном тексте, а о художественном произведении, а в переводоведческих исследованиях – о переводных художественных произведениях, которые также «следует рассматривать как разновидность словесного искусства». Сложнейшая и многоаспектная сущность и функциональная специфика культурно-исторического бытования искусства не позволяют определять его совокупностью произведений. Как нельзя сказать, что живопись – это совокупность картин, так же невозможно считать, что литература, в том числе переводная литература, – это совокупность текстов. Это литература.

Интегративные тенденции современной филологической науки оставили в прошлом бурные споры между лингвистами и литературоведами о праве на монополию в изучении художественного перевода, и я не хочу абсолютизировать различия между указанными переводоведческими позициями. Однако признание концептуально важного исследовательского «равнения» на специфику каждого из этих подходов остаётся. И восприятие переводной литературы разновидностью искусства слова требует обязательного литературоведческого подхода. Однако в данной сфере рассматриваемое словосочетание ещё не приобрело статуса терминологически завершённого и категориально сформулированного научного понятия. Практика литературоведческой оценки переводных произведений до сих пор остаётся в русле устаревших позиций предписывающе оценочных подходов, выполняемых по принципу «это настоящий?» или чаще «это не настоящий?». Поэтому я полагаю необходимым попытаться обозначить методологические ориентиры в разработке такого определения. Естественно, обобщив сделанное специалистами.

Конечно, теория художественного перевода – наука молодая, многие спорные вопросы в ней остаются нерешёнными, однако основополагающие принципы литературоведческого аспекта переводоведения, в соответствии с которыми должен производиться анализ, безусловно, определены. Я буду исходить из них.

Прежде всего, это переводоведческий закон *отсутствия тождества между оригиналом и переводом*. Указанное тождество невозможно потому, что перевод проецирует переводимое произведение на эстетически *другую* почву *другой* национальной культуры, культуру-

логически другого времени и осуществляет это благодаря креативному потенциалу *другого* литературного языка. «Перевод представляет собой сообщение, пересказанное другим субъектом другому адресату в другой ситуации, то есть новое сообщение», – заявила Ю.Л. Оболенская [9, с. 567]. Поэтому важнейшее положение современной теории художественного перевода гласит: художественный перевод представляет собой *неизбежную* трансформацию оригинала. Анализ перевода Шекспира не может завершаться выводом о том, настоящий или не настоящий это Шекспир. Настоящим может быть только настоящий Шекспир.

Конечно, анализируя переводное произведение, литературовед обязательно рассмотрит степень его языковой адекватности или неадекватности оригиналу. Но итоговыми для него будут не эти показатели, а результаты его литературоведческого анализа переводного произведения. Я покажу это на примере перевода знаменитого 66-го сонета Шекспира, выполненного С.Я. Маршаком.

К сожалению, у нас до сих пор нет системно целостного анализа творческого наследия Маршака. Раздельно изучались Маршак как детский поэт, Маршак как «взрослый» поэт-лирик и совершенно особняком – Маршак как переводчик. Писатель горестно упрекал критиков: «Критики делят меня на детского поэта, переводчика, лирика и не видят, что я один и тот же... Настоящая поэзия требует *одного* человека» [цит. по: 12, с. 12]. Размышляя над этим, я пришла к выводу, что концептуально важным вопросом во взгляде на Маршака является вопрос о своеобразии его лиризма, хотя отдельные критики отрицали это качество в Маршаке и даже не признавали его поэтического таланта. Так считал Ю. Карачевский, полагая, что Маршак никогда не был поэтом. Поэт ощутим в богатстве и глубине лирического пафоса, а Маршак «ни разу не вскрикнул, не заплакал, не выругался. Поэтому он стал детским поэтом» [5, с. 247]. Однако сам М.Л. Гаспаров уверенно заявил: «настоящий Маршак – это Маршак-лирик», сделав парадоксальный вывод: «лирика Маршака безлична, и по вариантам видно, как поэт сам стремится к этой безличности» [3, с. 426]. Приведу свой пример того, как действительно скрывает, прячет несомненный лирик Маршак свой внутренний мир. Сравним рукописный и опубликованный варианты его стихотворения «Звёзды в окне».

Рукописный вариант

Ни в чём заметной перемены:
 День изо дня, из года в год
 Передо мной слепые стены
 И надо мной безмолвный свод.
 Но в неподвижной, тесной раме
 Всегда открытого окна
 Сверкают звёзды вечерами,
 Как золотые письма.
 Душе, потерянной во мраке
 И онемевшей в тишине,
 Отрадны символы и знаки,
 К ней приходящие извне.
 В оконном синем полукруге,
 Припоминая, узнаёшь
 Многоугольники и дуги –
 Вселенной огненный чертёж.

Опубликованный вариант

Так много звёзд теснится в раме
 Меж переплётами окна.
 Они сверкают вечерами,
 Как золотые письма.
 В оконном тесном полукруге,
 Припоминая, узнаёшь
 Многоугольники и дуги –
 Вселенной огненный чертёж.
 [8, с. 52].

Душа знакомой внемлет речи
И видит трепет вечных сил
И расхождения, и встречи
Недосягаемых светил.
[8, с. 835].

В рукописном варианте стихотворения очевидно лирическое напряжение соответственно настроенного лирического героя. Но в печатной версии все лирически окрашенные фрагменты («Душе, потерянной во мраке / И онемевшей в тишине, / Отрадны символы и знаки, / К ней приходящие извне»; «Душа знакомой внемлет речи / И видит трепет вечных сил...» и др.) бесследно исчезли, а вместе с ними – и трепетное пространство внутреннего мира героя. Автор предпочёл *утаить*, *умолчать* его.

Причины подобного поведения убедительно охарактеризовал Е.Г. Эткинд, указавший на судьбу целого писательского поколения, обречённого на творческое молчание, вследствие чего произошёл знаменитый поэтический «исход» многих советских поэтов в литературные переводы [об этом см.: 17, с. 148]. А в переводах Маршак не прячется, наделив героя своего переводного 66-го сонета той личностью, которую в оригинальных стихах скрывал. Сопоставим этот перевод с оригиналом.

1. Tired with all these, for restful death I cry	Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж
2. As, to behold desert a beggar born,	Достоинство, что просит подаюnya,
3. And needy nothing trimm'd in jollity,	Над простотой глумящуюся ложь,
4. And purest faith unhappily forsworn,	Ничтожество в роскошном одеянье,
5. And gilded honour shamefully misplaced,	И совершенству ложный приговор,
6. And maiden virtue rudely strumpeted,	И девственность, поруганную грубо,
7. And right perfection wrongfully disgraced,	И неуместной почести позор,
8. And strength by limping sway disabled,	И мощь в плену у немощи беззубой,
9. <u>And art made tongue-tied by authority,</u>	И прямоту, что глупостью слывёт,
10. And folly doctor-like controlling skill,	И глупость в маске мудреца, пророка,
11. And simple truth miscall'd simplicity,	<u>И вдохновения зажатый рот,</u>
12. And captive good attending captain ill.	И праведность на службе у порока.
13. Tired with all these, from these would I be gone,	Всё мерзостно, что вижу я вокруг...
14. Save that, to die, I leave my love alone.	Но как тебя покинуть, милый друг?!

Известно, что стихотворение Шекспира выстроено как градационное перечисление пороков жизни, настолько страшной, что лирический герой не в состоянии переносить её и даже готов умереть, если бы не тревога об остающемся в одиночестве друге. Обратите внимание: Шекспир перечислил в сонете 11 пороков (строки со 2-й по 12-ю), но Маршак больше – 12 (строки со 2-й по 13-ю). Самостоятельно введённая им формулировка итогового в этом списке обобщения – «Всё мерзостно, что вижу я вокруг» – выполняет в стихотворении важную функцию, подчёркивая и усиливая в нём *экспрессию яркой лирической окраски*. Весьма показательным и то, что переводчик опустил кольцевую шекспировскую анафору «Tired with all these...», а вместе с этим – и оригинальный мотив смертельно уставшего от ужасов жизни лирического героя. Именно таким он представлен в переводе 66-го сонета, выполненным Б.Л. Пастернаком. Тема смертельно уставшего от жизни Шекспира глубоко осмыслена

Ю.О. Домбровским, особенно в его «Новеллах о Шекспире». Однако герой переводного стихотворения Маршака, эмоционально настроенный иначе и более решительно, чем даже оригинальный, призывает смерть не потому, что устал, – ему «невтерпёж», он гневается. Именно эти новые лирические акценты способствовали определённому жанровому преобразованию переводного сонета. Вопрос о жанровой трансформации сонетов Шекспира у Маршака спорный. Есть мнение, что Маршак изменил жанр шекспировских сонетов, сделав их романсами. Я полемизирую с этим мнением, полагая, что переводы такого мастера, каким был Маршак, – несомненные сонеты, но так же, как оригинальные, они богаты оттенками и разнообразием их жанрового варьирования. Его переводческие модуляционные версии не всегда совпадают с оригиналом и с вариантами других переводчиков. Так, шекспировский 32-й сонет-просьба, сонет-моление у Маршака стал сонетом-девизом, сонетом-наставлением. Трагедийно глубокий 73-й сонет Шекспира у Маршака звучал элегией. 66-й сонет в переводе Б.Л. Пастернака – это сонет-исповедь, но у Маршака – сонет-филиппика. Шекспировский 66-й сонет-исповедь у Маршака стал сонетом-обличением, сонетом-филиппикой.

Но вернусь к теме переводной литературы. Признание отсутствия тождества между оригиналом и переводом ставит перед исследователями важный вопрос национальной идентификации переводного произведения. Какой литературе оно принадлежит – оригинальной, переводимой, либо принимающей?

Долгое время данный вопрос оставался спорным. С одной стороны, ещё в XIX веке было высказано широко распространившееся убеждение в том, что иностранные произведения, переведённые на русский язык, несомненно, принадлежат русской литературе. С другой стороны, оставалось несомненным и то, что оригинал по отношению к его переводу всегда сохранял первичность, что признаёт приоритетность исходной национальной принадлежности. Поэтому не менее убеждённо звучало и противоположное мнение: переведённое произведение должно рассматриваться только как явление оригинальной, переводимой литературы. Эту позицию защищают многие авторы, она остаётся безусловной, хотя и своеобразной аксиомой и в массовом читательском восприятии, и в эдиционной практике. Кто бы ни был автором издаваемого переводного текста «Гамлета», на обложке и титульном листе книги стоит имя автора оригинального текста – Шекспира. Эта позиция жива и в преподавательской практике, если наши студенты, нисколько не сомневаясь, считают, что читали Шекспира.

Однако на рубеже XX и XXI столетий ситуация изменилась, и исследовательские подходы к изучению феномена переводной литературы теперь разрабатываются за пределами альтернативных границ, диктуемых законами классической логики. Чрезвычайно важное заявление сделал Р.Р. Чайковский, сказавший о необходимости рассматривать вопрос о статусе переводной литературы в свете *идеи мировой литературы* и решать его в соответствии с *онтологической природой переводной литературы* [об этом см.: 15, с. 39].

Концептуально важная для сравнительного литературоведения *категория мировой (всемирной) литературы* в последнее время рассматривается исторически развивающейся системной общностью взаимосвязанных и взаимно соотносимых литературных явлений, выявляющих закономерности органически единого *наднационального* литературного процесса.

Онтологическая природа переводной литературы определяется важной культуросозидательной функцией, которую она выполняет, интегрируя национальные литературы в мировой литературный процесс. Благодаря переводной литературе произведения словесности-экс-

портёра выходят за границы собственного национального и временного контекста, продолжая свою креативную жизнь в новом субстанциональном измерении. Но и литература-импортёр, приобщаясь к художественным достижениям других культур, тоже преобразалась, становясь органической частью наднационального художественного контекста.

Таким образом, вопрос о национальной принадлежности произведений переводной литературы Чайковский поставил более масштабно – как проблему её *категориального статуса* в системном соотношении с переводимой и принимающей литературами. «С возникновением художественного перевода, – заявил учёный, – начинают существовать три литературы: национальная литература исходного языка, переводная литература и литература принимающего языка (т.е. вторая национальная литература). Переводная литература, следовательно, предстаёт в виде некоей *третьей литературы*» [15, с. 263]. Подчеркнём и уточним: не совокупности текстов, а именно отдельной особой литературы как разновидности искусства слова. Эта литература живёт и развивается по своим самостоятельным специфическим законам. Выделю главные.

Исключительной особенностью переводной художественной литературы, свидетельствующей о её онтологической природе и самобытности её креативного статуса, признано *явление переводной множественности*, т. е. «факт реального сосуществования в переводной литературе двух и более переводов одного и того же оригинала» [15, с. 155]. Возможность указанной множественности обусловлена прежде всего самой спецификой художественного перевода, которому «присущ феномен множественности» [13, с. 227]. Безусловным источником множественности переводческих трактовок оригинала является его интеллектуально-эстетическое богатство. Однако как ни значительно художественное содержание оригинала, заданное его автором и культурным контекстом современной ему эпохи, невозможно в полной мере понять и оценить истинную ценность этого произведения, имманентно замыкаясь в нём самом. «Автор, – писал М.М. Бахтин, – пленник своей эпохи, своей современности. Последующие времена освобождают его из этого плена» [1, с. 332]. При этом в самой природе переводной литературы заложена устремлённость к постоянной обновляемости переводческих вариантов, ей присущ феномен множественности. Чем выше художественный потенциал оригинала, тем большее количество авторов включается в процесс его переводческой рецепции. В исходной словесности этот оригинал существует как *единственное* художественное творение *одного* автора. Но его переводческая проекция в литературе переводной предстаёт во *множестве* аранжирующих переводческих вариантов *многих* авторов. Бесконечность против бесконечности, как сказал Бахтин. Переводная литература, таким образом, предстаёт своеобразным художественным феноменом, в особом пересечении времён и культур, разворачивающим идейно-эстетический потенциал оригинала.

Между оригиналом и всеми его переводными версиями возникает особая креативно-аксиологическая связь. Когнитивным результатом взаимовлияния оригинального произведения-донора, написанного на исходном языке, и переводного произведения-реципиента как его художественной проекции в новом языковом решении является их *своеобразная креативно-смысловая консолидация в условно абстрактном пространстве мировой (всемирной) литературы*. Чрезвычайно показательно в этом плане высказывание известного специалиста в области литературоведческого переводоведения П.М. Топера (1923–2006) о том, что «под содержанием художественного произведения мы можем понимать сумму не только всех на сегодняшний день вычитанных из текста, но и всех потенциально, объективно возможных значе-

ний». Показательно, что учёный привёл это высказывание цитатой из Н.С. Гумилёва, сказавшего: «Для того, чтобы вполне понять какого-либо поэта, надо его прочесть переведённым на все языки» [13, с. 229]. Интересно предполагать, что мысли об условно абстрактном пространстве *всемирной* литературы (в её современном толковании, о котором говорилось выше) соотносимы с идеей известного философа и переводоведа В.В. Бибихина (1938–2004), который рассматривал перевод как способ существования некоего *общечеловеческого языка*. «Оригинал затерян, заперт в своей конкретной форме, – заявлял исследователь. – Переводимость спасает его из этой ограниченности» [2, с. 14]. Реализацией этого условного пространства является множественность переводов. Одним из самых репрезентативных образцов переводной множественности в истории русской переводной литературы стала отечественная переводческая сонетиана Шекспира, и я горжусь тем, что мне удалось доказать это.

Конечно, своеобразие творческого кредо создателей переводной литературы определяется их безусловным пониманием её вторичности по отношению к исходной литературе. Но как заметил П.М. Топер, понятие «вторичности» в этом случае «не несёт в себе непосредственно оценочного смысла». Учёный уверен в том, что каждый из переводчиков, «создавая свою “версию” литературного произведения, <...> создаёт как бы новый “второй оригинал”, который замещает подлинник, а не просто интерпретирует его» [13, с. 222]. Реально состоявшиеся высокие художественные достижения мастеров отечественной школы литературного перевода XX столетия исключали отношение к переводческой деятельности как к литературному ремеслу и взгляд на переводчика как на всего лишь посредника оригинального автора. Этот труд многими признан литературным *сотворчеством*, в лучших его проявлениях конгениальным оригиналу.

Однако говоря о переводной литературе, мы говорим и о её особенной способности становиться органической частью принимающей словесности. Переводная литература в такой мере обладает собственной креативной энергетикой и собственными художественными резервами, что на определённой стадии развития начинает отпускать свои идеи и своих персонажей в самостоятельную жизнь за пределами собственно переводных текстов. Поскольку данное положение практически ещё не рассматривалось, мы сочли возможным представить свои наблюдения по этому поводу.

Указанные тенденции особенно заметно активизировались на рубеже XX–XXI столетий в условиях постмодернистского размывания представлений о законченности художественного произведения и его жанре. Атмосфера характерного скептического разочарования и устремлённости к художественному плюрализму в поиске новых творческих подходов нашла своё органичное воплощение в своеобразных эстетических мутациях и стилевых диффузиях, в ироничной подмене формы антиформой, замысла – случаем, цели – игрой. Интертекстуальные переводческие игры смыслами, композиционными элементами и словами переводных произведений открывали возможности продолжения художественной жизни указанных смыслов, элементов и мотивов в оригинальных писательских проектах переводчиков.

Чрезвычайно показателен в этом отношении творческий эксперимент одного из лучших отечественных переводчиков Игн. М. Ивановского (1932–2016). Креативным следствием его своеобразной переводческой рецепции сонетов Шекспира стала пьеса «Сонеты Шекспира». Особенно интересна в ней последняя интермедия «Охота на лисицу», где действующими лицами являются персонажи, названные автором ОН и ОНА. В них легко узнаются Прек-

расный Друг и Смуглая Дама из шекспировских сонетов. Однако интермедия Ивановского принципиально отличается от произведений, тематически и сюжетно связанных с этими сонетами: комедии Б. Шоу «Тёмная леди сонетов», новеллы Ю.О. Домбровского «Смуглая леди», стихотворения В.Э. Рецептера «Прощание с Мэри Фиттон». Названные авторы обращались к событиям *реальной* исторической ситуации и популярной в своё время исследовательской идее о Мэри Фиттон как о *реальном* прототипе загадочной Смуглой леди. Но ОН и ОНА Ивановского не из исторической реальности – они плод его когнитивной писательской фантазии, рождённой в процессе переводческого осмысления шекспировских стихов и перевоссоздания их на русском языке. Фабульная история персонажей в интермедии выстроена в свете творческой гипотезы переводчика – по его версии, все сонеты (а не только №№ 127–152) в шекспировском поэтическом собрании посвящены героине. Естественно, для Ивановского это повод акцентировать любовный мотив, начинающийся в самом начале интермедии при весьма эффектном столкновении героев. Каждый из них знал, что является прототипом одного из двух поэтических кумиров Шекспира в его сонетах, но не предполагал, кто мог послужить прообразом второго. Но теперь и ОН, и ОНА ошеломлены: каждый понимает, что лицом к лицу встретился с этим другим. Это узнавание происходит у Ивановского благодаря введению в пьесу текстов шекспировских сонетов. Чтобы объяснить переживаемое волнение, ОН начинает цитировать один из них, ОНА подхватывает цитату, и волшебная магия этих поэтических строк завораживает и сближает их. Важно подчеркнуть, что драматическая напряжённость и лирическая трепетность этого «цитатного» диалога возможны только в переводном варианте Ивановского, подмена цитируемых фрагментов другими переводческими версиями немедленно семантически разрушает создаваемую ситуацию.

Принципиально другую переводческую игру осуществил талантливый писатель и переводчик Ю.И. Лифшиц (1957–2021). Главным автором его переводческого выбора был Шекспир, и именно Шекспир стал для Лифшица источником креативной энергии, не умещавшейся в текстовых границах его переводов. Особенно в переводах «Сонетов», в которых переводчик тонко уловил экспрессию диалога между героями этого поэтического собрания. Так, в первых 17 сонетах, в которых, как принято считать, Поэт уговаривает Друга жениться, чтобы повторить свою красоту в сыне, Лифшиц услышал голос другого героя. Голос женщины, одержимой неразделённой любовной страстью к этому красавцу и, конечно, мечтающей о брачном союзе с ним. Поэтому, открыв интертекстуальные перспективы новых смысловых лабиринтов, Лифшиц начал создавать не только сами сонетные переводы, но и их имитативные вариации, написанные разностопным нерифмованным ямбом, характерным для шекспировских драм. До конца своих дней Лифшиц писал эти «монологи», всё более увлекаясь идеей создания на их основе своей фантазийной пьесы, рассказав об этих намерениях в личных беседах. К несчастью, не успел.

Если Лифшиц изыскивал возможности диалоговых отношений между героями сонетов, другой современный переводчик – С. Кадетов – сам вступил в своеобразный креативный диалог с великим писателем, создавая свои встречные «реплики». Особенно интересна его «Реплика на 73 сонет», ставшая, с одной стороны, предупреждающе-протестным ответом тем, кто своими переводами подменил пафос высокой шекспировской скорби обезличивающей банальной унылостью, а с другой – контрастным поэтическим фоном, снимающим опасность подобной унылости в переводе 73-го сонета, выполненном самим Кадетовым. В переводе он постарался сохранить содержание знаменитых метафор Шекспира, создающих скорбную кар-

тину поздней осени, соотносимую с увяданием жизни лирического героя сонета. Но в реплике всё было наоборот: стены храма уже не мертвы, «органичной фугой» оживают хоры, а лирический герой, как феникс, восстаёт из пепла.

Таким образом, переводная литература – это категориально значимое понятие в теории художественного перевода. Концептуально важным методологическим ориентиром в её определении является осознание этой литературы не совокупностью отдельных переведённых текстов, а специфической разновидностью искусства слова. Поэтому изучение переводной литературы не может быть ограничено прагматикой текстового сопоставления оригинала с его переводной версией или множеством версий. Подобный анализ – только начало когнитивно глубокого *филологического, т.е. в значительной мере литературоведческого*, постижения новой креативной жизни оригинальных творений. Ведь перенесённые на другую культурно-хронологическую почву, они стали реальностью чрезвычайно самобытного и влиятельного явления филологической культуры – переводной *литературы*, которая выполняет онтологически важную культуросозидательную функцию интеграции переводимой и принимающей литератур в мировой литературный процесс.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Бибихин В.В. К проблеме определения сущности перевода // Тетради переводчика. Вып. 10. М.: Междунар. отнош., 1973. С. 3–14.
3. Гаспаров М.Л. Маршак и время // М. Гаспаров. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. С. 410–432.
4. Гачичеладзе Г. Вопросы теории художественного перевода. Тбилиси: Лит. да хеловнеба, 1964. 262 с.
5. Карабчиевский Ю.А. О Маршаке // Ю.А. Карабчиевский. Воскресение Маяковского. Эссе. М.: Русские словари, 2000. С. 243–250.
6. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 298 с.
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.
8. Маршак С.Я. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1973. 912 с.
9. Оболенская Ю.Л. Перевод как форма взаимодействия литератур // Введение в литературоведение. М.: Высш. школа, 2004. С. 562–574.
10. Переводная литература. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Переводная_литература (дата обращения: 10.02.2025).
11. Рунин Б.М. Литература // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1967. С. 219.
12. Смирнова В.В. Самуил Яковлевич Маршак // С.Я. Маршак. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1973. С. 5–46.
13. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001. 252 с.
14. Федоров А.В. Русские писатели и проблемы перевода // Русские писатели о переводе. XVIII–XX вв. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 6–27.

15. Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода. Магадан: Изд-во СВГУ, 2008. 182 с.
16. Чернышевский Н.Г. Библиография // Полн. собр. соч.: В 15 т. Т 4. М.: ГИХЛ, 1948. С. 502–680.
17. Эткнд Е. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб.: Академический проект, 2001. 495 с.

References

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of literary creativity. M.: Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.).
2. Bibikhin V.V. On the problem of determining the essence of translation. *Tetradī perevodchika*. Vol. 10. M.: International Relations Publishing House, 1973. P. 3–14. (In Russ.).
3. Gasparov M.L. Marschak and time. *M. Gasparov. On Russian poetry: analysis, interpretation, characteristics*. Saint-Petersburg: Azbuka Publ., 2001. P. 410–432. (In Russ.).
4. Gachicheladze G. Questions of literary translation theory. Tbilisi: Lit. da helovneba Publ., 1964. 262 p. (In Russ.).
5. Karabchievskii Yu.A. About Marshak. *Yu.A. Karabchievskii. The Resurrection of Mayakovsky. Essay*. M.: Russian Dictionaries Publ., 2000. P. 243–250. (In Russ.).
6. Levin Yu.D. Russian translators of the XIX-th century and literary translation development. L.: Nauka Publ., 1985. 298 p. (In Russ.).
7. Nelyubin L.L. Explanatory Translation Dictionary. M.: Flinta Publ., Nauka Publ., 2003 320 p. (In Russ.).
8. Marshak S.Ya. Poems. L.: Sov. Pisatel Publ., 1973. 912 p. (In Russ.).
9. Obolenskaya Yu.L. Translation as a form of literary interaction. *Introduction to Literary Criticism*. M.: Vysshaya Shkola Publ., 2004. P. 562–574. (In Russ.).
10. Translated literature. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80-%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0 (accessed: 10.02.2025). (In Russ.).
11. Runin B.M. Literature. *Short literary encyclopedia*. Vol. 4. M.: Soviet Encyclopedia Publ., 1967. P. 219. (In Russ.).
12. Smirnova V.V. Samuil Yakovlevich Marshak. *S.Ya. Marshak. Poems*. L.: Sov. Pisatel Publ., 1973. P. 5–46. (In Russ.).
13. Toper P.M. Translation in the system of comparative literature studies. M.: Nasledie Publ., 2001. 252 p. (In Russ.).
14. Fedorov A.V. Russian writers and problems of translation. *Russian writers on translation. XVIII–XX centuries*. L.: Sov. Pisatel Publ., 1960. P. 6–27. (In Russ.).
15. Chaikovskii R.R. The basics of literary translation. Magadan: Publishing House of North Eastern State University, 2008. 182 p. (In Russ.).
16. Chernyshevskii N.G. Bibliography. *The complete works in 15 vol*. Vol. 4. M.: State Publishing House of Fiction, 1948. P. 502–680. (In Russ.).
17. Ehtkind E. Notes of a non-conspirator. Barcelona prose. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2001. 495 p.

Статья поступила в редакцию / Received 12.03.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 12.03.2025

Принята к публикации / Accepted 16.03.2025

Научная статья

УДК 821.161.1 (82.32)

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/23-29>

Имманентный анализ стихотворения И. Северянина «Томление бури»

Татьяна Фёдоровна Панченко

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,

panchenko.tf@dvfu.ru

Аннотация. Имманентный анализ представляет собой начальную стадию анализа художественного текста, с которой начинается преодоление мнимой ясности поэтического произведения. Цель статьи – показать методику имманентного анализа на примере работы со стихотворением Игоря Северянина «Томление бури» и обозначить возможности дальнейшего контекстного литературоведческого исследования. В статье рассмотрены роль названия, основные образы в их взаимодействии, организация психологизма лирического сюжета, особенности хронотопа, а также связь смысла с ритмикой и метрикой.

Ключевые слова: И. Северянин, «Томление бури», имманентный анализ, лирический сюжет, форма и содержание

Для цитирования: Панченко Т.Ф. Имманентный анализ стихотворения И. Северянина «Томление бури» // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 23–29.

Original article

Immanent analysis of I. Severyanin's poem “The Longing of the Storm”

Tatiana F. Panchenko

Far Eastern Federal University,

Vladivostok, Russian Federation

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department

of Russian Language and Literature, panchenko.tf@dvfu.ru

Abstract. Immanent analysis is the initial stage of the analysis of a literary text, from which the overcoming of the imaginary clarity of a poetic work begins. The purpose of the article is to demonstrate the methodology of immanent analysis using the example of working with Igor Severyanin's poem “The Longing of the Storm” and to outline the possibilities of further contextual literary research. The article examines the role of the title, the main images in their interaction, the organiza-

tion of the psychologism of the lyrical plot, the features of the chronotope, as well as the connection of meaning with rhythm and metrics.

Key words: I. Severyanin, “The Longing of the Storm”, immanent analysis, lyrical plot, form and content

For citation: Panchenko T.F. Immanent analysis of I. Severyanin’s poem “The Longing of the Storm”. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 23–29. (In Russ.).

Ю.М. Лотман в работе «Анализ поэтического текста» в качестве основного предмета исследования определял *художественный текст как таковой* [Курсив автора. – Т. П.], так как именно он позволяет уяснить специфику художественности при выполнении главной функции искусства – эстетической. Первый подход к изучению художественного произведения, по его мнению, «исходит из представления о том, что сущность искусства скрыта в самом тексте и каждое произведение ценно тем, что оно есть то, что оно есть» [4, с. 15]. Ю.М. Лотман назвал этот анализ «монографическим», поскольку он позволяет «выявить внутреннюю структуру произведения, его художественную организацию, определённую и порой значительную часть заключённой в тексте художественной информации» [4, с. 9].

В современной науке такой анализ принято называть имманентным, в отличие от видов контекстного анализа художественного целого, расширяющих значение произведения: биографического, историко-культурного, общественно-политического, философского и пр. С ним связан второй подход к изучению художественного целого, который «подразумевает взгляд на произведение как на часть, выражение чего-то более значительного, чем самый текст: личности поэта, психологического момента или общественной ситуации» [4, с. 15].

В практике литературоведения первичный имманентный анализ должен дополняться проекционным (термин В.В. Виноградова) [2], включающим знание истории создания произведения и литературной судьбы автора, его мировоззрения и творческого кредо, а также представление о литературном процессе и в особенности о соответствующем этапе развития художественной литературы. Эта важная фоновая внетекстовая информация позволит точнее и глубже интерпретировать эстетический смысл текста. Но начальным этапом вхождения в текст, а значит – понимания, остаётся именно имманентный анализ, позволяющий ощутить магию притягательности текста (особенно – лирического), желание вступить в диалог с поэтом, отозваться на его «слово».

Тематический принцип жанрового определения поэзии очень часто не способствует пониманию: одни и те же стихотворения могут оказаться в разных тематических группах. Так, рассматриваемое нами стихотворение Игоря Северянина «Томление бури» оказывается то в рубрике «о природе», то «о любви», то «о жизни».

Цель настоящего исследования: опираясь на методологические принципы анализа, описанные Ю.М. Лотманом, показать возможности имманентного изучения стихотворения Игоря Северянина «Томление бури».

Сосны качались, сосны шумели,
Море рыдало в бело-седом,
Мы замолчали, мы онемели,
Вдруг обеззвучел маленький дом.

Облокотившись на подоконник,
 В думе бездумной я застывал.
 В ветре галопом бешеным кони
 Мчались куда-то, пенился вал.

Ты на кровати дрожко лежала
 В полуознобе, в полубреду.
 Сосны гремели, море рыдало,
 Тихо и мрачно было в саду.

Съёжились листья жёлтых акаций.
 Рыжие лужи. Карий песок.
 Разве мы смели утром смеяться?
 Ты одинока. Я одинок.

1915 г.

В название стихотворения вынесен оксюморон, который соединяет две противоположные стихии: стихию природы (буря) и стихию человеческой души (томление), что подготавливает необычную поэтическую ситуацию. Слово «томление» первое в названии, значит, поэт сознательно подчёркивает антропологический приоритет перед природным. Начало имманентного анализа – работа со словарями. На сайте Sinonim.org [8] приводятся четыре значения слова «томление»: «мучение, страдание»; «мучительное беспокойство, ощущение душевной тревоги, тоски»; «состояние неги, истомы, приятной расслабленности»; четвёртое отмечено пометой *спец.* (кулинарное или металлургическое – в других словарях) и означает действие по глаголу *томить* (в 7 и 8 знач.) и *томиться*. В 4 и 5 значениях мы их не рассматриваем. Энциклопедический словарь по педагогике и психологии добавляет другой смысл: «*страдание в случае лишения чего-л., ожидания*» [7]. «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова отмечает и «*изнуряющее, тягостное страдание*», и «*приятную расслабленность*», и «*измождённость*» [2]. То есть слово в самом себе содержит прямо противоположные семы, передающие двойственное, и даже множественное, состояние духа.

Буря тоже имеет разные последствия: и очистительные, и разрушительные – как в природе, так и в душе. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова буря – это и «*ненастье разрушительной силы*», и «*стихийное массовое проявление чувств*» [1; 6; 8]. Соединяя такие сложные коннотации в одно смысловое поле, мы настраиваемся на то загадочное состояние, которое переживает лирический герой в ситуации расставания с любимой.

Ведущими образами в стихотворении являются образы природы (сосны, море, ветер, волны, сад) и внутреннего состояния, обозначенного личными местоимениями «я», «мы», «ты» и топосом постепенно ограничивающегося, замыкающегося пространства: «дом» – «подоконник» – «кровать». Природа представлена живой, одушевлённой (сосны шумели, гремели, море рыдало, ветер мчался бешеным галопом, листья съёжились), активно реагирующей на изменяющееся состояние любовных отношений. Нельзя сказать, что природа – фон, обозначающий место действия героев. Состояние природы психологично: такая функция уподобления человеческого состояния природному известна с фольклорных (дописьменных) времён и проявляется в форме образного параллелизма. Дальнейшее развитие этот приём получил в эпоху сентиментализма.

Кроме одушевления природы и соотнесения её состояния с духовным миром человека, отмечаем общий композиционный приём антитезы, пронизывающий всё стихотворение. Антитеза тесно связана с поэтикой оксюморона, состоящего из несопоставимых элементов, отмеченных при анализе названия. И таким образом, мы видим противопоставление звучащей природы и онемевших возлюбленных; бешеной гонки природы и застывших людей. Психологизм стихотворения углубляется структурным построением строфы: по два стиха каждой строфы относятся к миру природы, по два – к миру человека. Организация строфики кольцевая: первый и четвёртый катрен содержат «прямой» («классический», как у Лермонтова, например, в «Парусе») порядок следования: природа–человек. Второй и третий – имеют инверсионное построение: человек–природа. Вероятно, это можно объяснить тем, что драматизм ситуации спровоцирован не стихией природы (бури), а стихией прихотливой человеческой души – природой человеческого томления, состоянием героя, одновременно и страдающего от неразделённой любви, и испытывающего наслаждение, негу от этого чувства. Тем более что каждому из возлюбленных отведено по одной строфе: вина обоих в расставании, в разрыве отношений равная.

Мотив постепенного разъединения, отдаления возлюбленных друг от друга, своего рода «расчленение» МЫ на Я и ТЫ, составляет лирический сюжет стихотворения («*МЫ замолчали, МЫ онемели... НАШ дом опустел*; и далее: «*В думе бездумной Я застывал*», «*ТЫ на кровати дрожко лежала*», «*ТЫ одинока. Я одинок*»). Мотив умирающей любви заканчивается расставанием, одиночеством. Это подчёркивается особой поэтологической организацией двух разных пространств: вертикального, в которой находится лирический герой Я, и горизонтального её – ТЫ («*Облокотившись на подоконник, <...> Я застывал*», «*ТЫ на кровати <...> лежала*»).

На стилистическом уровне организации содержания и формы (смысла и метрики) мы видим стяжение: во-первых, времени конца лета («*листья жёлтых акаций*») и осени («*рыжие лужи*»), во-вторых, внутреннего состояния лирических героев, одинаково переживающих опустошение, ощущение тишины («*Мы замолчали, мы онемели. <...> обеззвучел <...> дом*»), и бушующей стихии за окном («*Море рыдало. Сосны шумели*»). Единый взгляд на жизнь, который свойствен взаимной, гармоничной любви, утерян. Об этом свидетельствует и поэтическая символика стихотворения. Например, образ акации часто используется для выражения романтических чувств. В «Словаре символов» Дж. Тресиддера сказано: «Красные и белые цветы акации символизируют двуединство жизни и смерти» [6], но жёлтая акация в эстетике Серебряного века символизирует ушедшие чувства. Листья акации съжились – произошло увядание природы, смерть всех былых чувств.

По мере того, как человеческие чувства «истончаются», всё больше одушевляется природа («*В ветре галопом бешеным кони/ мчались...*», «*Сосны гремели, море рыдало*»), ритм убыстряется. Поэтические строки чётко делятся на два полустишия, организуемых логэдом (дактиль и хорей), подчёркивая четыре ударения в каждой строке. В человеческих же отношениях происходит остановка: «дума» становится «бездумной» (повтор корневой морфемы как бы замедляет движение мысли), дважды поэт использует приставку «полу-», которая свидетельствует о состоянии полужизни и полусмерти как героини, так и героя: «в полуознобе» (она), «в полубреду» (он). Строки как бы «растягиваются»: наблюдаем появления стоп пеона-4, передающего «замирание» сердечного биения. Сильнее всего автор прописывает Его состоя-

ние: он ещё не разлюбил её: в этот критически-поэтический миг, в момент финального расставания, он помнит цвет её волос, отражающийся в «рыжих лужах», и цвет карих глаз в «карем» песке.

Развитие лирического сюжета происходит так стремительно и неожиданно, что влечёт за собой рождение нового слова – окказионализма «дрожко». Героиня «дрожко лежала», словно вот-вот должна закончиться агония, как и любовь между ними, которая с каждой строчкой умирает на наших глазах. Можно предположить, что появление окказионализмов в творчестве Игоря Северянина не дань моде, не футуристический «новояз», а психологическая мотивировка той необычной и драматической ситуации, в которой каждый раз оказывается человек, познающий себя и мир через любовное томление. И последняя строка «Ты одинока. Я одинок» есть не что иное, как свершившийся разрыв, лишённый каких-либо надежд на примирение. Это точка, конец, поэтому парцелляция здесь, как нож, как граница, отрезающая, отрывающая ТЫ от Я.

Несмотря на умирание чувств, герои пытаются отодвинуть миг расставания. Это подчёркнуто в композиции стихотворения. Стихотворные строки делятся по смыслу и интонации на две части – по две стопы дактиля в каждой. При этом вторая стопа короче на один слог – стяжённая, словно «сломанная». Эта «сломанность» отражает внутреннее состояние героев на смысловом и композиционном уровнях построения стихотворения. Цезура после второго дактиля неизбежна. Самые психологически напряжённые стихи, как отмечалось, содержат всего по два ударения: 1) «*Мы замолчали, мы онемели*», 2) «*Облокотившись на подоконник*», 3) «*В полуознобе, в полубреду*», 4) «*Ты одинока. Я одинок*». Но если первый и третий стихи соответствуют состоянию героев, то второй и особенно четвёртый акцентируют внимание только на лирическом герое, который, вероятно, себя считает основным виновником разлуки. Отметим традицию романтической поэзии в использовании перекрёстной рифмовки, организующей своеобразную игру мужскими и женскими клаузулами, чтобы передать непредсказуемость как стихии природы, так и человеческой души.

Таким образом, имманентный анализ, организованный по методике «медленного чтения», максимально соответствует природе стихотворения, не предусматривающей редуцирования не только слов, но и отдельных звуков. Постепенное проникновение в смысл авторского текста не разрушает, а лишь поддерживает магию авторского слова, ту тайну, загадку души лирического героя, который на рубеже XIX–XX вв. часто являлся alter ego автора. Так создаётся диалог от «души к душе», на какой рассчитывает каждый поэт, для которого «читатель – как тайна, как в землю закопанный клад» (А.А. Ахматова).

Имманентный анализ строится на понимании единства содержания и формы художественного целого, потому что мотивы, темы, образы неразрывно связаны с композицией, лирическим сюжетом, организацией ритма, использованием определённого метра, строфы и др.

Имманентный анализ не замыкается в себе самом: напротив, он открывает завесу следующих «ярусов» разбора по методике литературоведческого анализа, например, М.Л. Гаспарова [4]: 1) верхний уровень анализа – *идейно-образный* (идеи и эмоции, образы и мотивы); 2) средний уровень – *стилистический* (анализ лексики и синтаксиса); 3) нижний – *фонический* (метрика, ритмика, рифма, строфика).

Намеченные нами контекстные возможности биографического характера (изучение истории конкретных человеческих отношений поэта и его возлюбленных), историко-культурно-

го взаимодействия, включающего собственно поэтологические возможности организации романтического и неоромантического мироощущения, связь с классическим романтизмом (В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов и др.) и современными модернистскими исканиями поэтов Серебряного века (А.А. Блок, А.А. Ахматова и др.), а также эксперименты с разными жанровыми модификациями (сонет, ноктюрн, триолет, элегия), создание собственных «поэз» могут быть предметом последующих отдельных исследований литературоведческого, в целом многоаспектного, анализа.

Список литературы

1. *Большой толковый словарь русского языка*. Томление. Буря. / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб, 2014. URL: <https://gramota.ru/poisk?query> (дата обращения: 15.02.2025).
2. *Виноградов В.В.* Лингвистический анализ поэтического текста (Спецкурс по материалам лирики А.С. Пушкина) / Публ., подг. текста и коммент. Н.Л. Васильева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3–4. С. 304–355.
3. *Гаспаров М.Л.* «Снова тучи надо мною...». Методика анализа стихотворного текста // Русская речь. 1997. № 1. С. 9–20. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/1997-1/9-20> (дата обращения: 15.02.2025).
4. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
5. *Тресиддер Д.* Акация // Словарь символов. Пер. с англ. М., 1999. 448 с. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/2.htm (дата обращения: 15.02.2025).
6. Толковый словарь русского языка. Буря / Под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=3728> (дата обращения: 15.02.2025).
7. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. Сайт «Академик». URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/19183/ (дата обращения: 01.03.2025)
8. Sinonim.org. Томление. URL: <https://sinonim.org/t> (дата обращения: 01.03.2025).

References

1. The large explanatory dictionary of the Russian language. Longing. Storm. Ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, 2014. URL: <https://gramota.ru/poisk?query> (accessed: 15.02.2025). (In Russ.).
2. *Vinogradov V.V.* Linguistic analysis of poetic text (Special course on the lyrics of A.S. Pushkin). Published, text preparation and commentary by N.L. Vasiliev. Dialogue. Carnival. Chronotope, 2000, no. 3–4, pp. 304–355. (In Russ.).
3. *Gasparov M.L.* “Clouds above me again...” Methods of analysis of poetic text. *Russkaya Rech*, 1997, no. 1, pp. 9–20. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/1997-1/9-20> (accessed: 15.02.2025). (In Russ.).
4. *Lotman Yu.M.* Analysis of poetic text: Structure of verse. L.: Education, 1972. 271 p. (In Russ.).
5. *Tresidder D.* Dictionary of symbols. Acacia. Translated from English. M., 1999. 448 p. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/2.htm (accessed: 15.02.2025). (In Russ.).

6. Explanatory dictionary of the Russian language. Storm. Ed. by D.N. Ushakov. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=3728> (accessed: 15.02.2025). (In Russ.).

7. Encyclopedic dictionary of psychology and pedagogy. Website “Academician”. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/19183/ (accessed: 01.03.2025). (In Russ.).

8. Sinonim.org. Torment. URL: <https://sinonim.org/t> (accessed: 01.03.2025). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 21.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 02.03.2025

Принята к публикации / Accepted 06.03.2025

Научная статья

УДК 82.09

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/30-45>

Пересказы «Ромео и Джульетты» в XXI в.: тема “star-crossed lovers”

Мария Равильевна Ненарокова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Российская Федерация

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Аннотация. Статья посвящена анализу трёх романов современных американских писательниц. Романы являются литературными пересказами трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Цитата “star-crossed” из данной трагедии используется как название трёх романов. Небольшие изменения, внесённые в цитату, отражаются в развитии их сюжета. Использование известной цитаты определяет общие черты романов: сходные имена персонажей, повороты сюжета, аллюзии. Главная тема романов – любовь, преодолевающая трудности. Создавая литературные пересказы, авторы изменили второстепенные детали, ввели новых героев, которые рассказывают о происходящем со своих точек зрения. В отличие от шекспировской трагедии романы имеют счастливый конец. Возможность узнать исходный текст позволяет заинтересовать подростков творчеством Шекспира и сохранить трагедию «Ромео и Джульетта» в кругу чтения современной молодёжи.

Ключевые слова: современная американская литература, У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», цитата, исходный текст, литературный пересказ, аллюзия

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Пересказы «Ромео и Джульетты» в XXI в.: тема “star-crossed lovers” // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 30–45.

Original article

Retellings of “Romeo and Juliet” in the 21st century: the “star-crossed lovers” theme

Maria R. Nenarokova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow,
maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Abstract. The article focuses on the analysis of three novels by contemporary American writers. The given novels are literary retellings of W. Shakespeare's tragedy "Romeo and Juliet". The quote "star-crossed" from the tragedy in question is used as the title for each of the three novels. Small changes made to the quote are reflected in the development of the novels' plot. The use of the famous quote determines the common features of the novels: similar character names, plot twists, common allusions. The main theme of the novels is love overcoming difficulties. When creating literary retellings, the authors changed minor details and introduced new characters telling the story from their own points of view. Unlike Shakespearean tragedy, novels have a happy ending. Recognizing the source text makes it possible to interest teenagers in Shakespeare's plays and keep the tragedy "Romeo and Juliet" in the reading range of modern youth.

Key words: modern American literature, W. Shakespeare, "Romeo and Juliet", quote, source text, literary retelling, allusion

For citation: Nenarokova M.R. Retellings of "Romeo and Juliet" in the 21st century: the "star-crossed lovers" theme. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 30–45. (In Russ.).

Драматургия Шекспира является одной из основ англоязычной культуры, её «золотым стандартом» [15, р. 95], среди литературных памятников по востребованности занимая второе место после Библии Короля Иакова [19, р. 2]. Пьесы Шекспира не только входят в круг чтения современных носителей английского языка, они также «постоянно ставятся на сцене, экранизируются, переводятся, обсуждаются, реконструируются и анализируются не только в Европе, но и во всём мире» [28, р. 109]. Аллюзии на произведения Шекспира пронизывают всю современную англоязычную культуру: «Отрывки его самых известных произведений – чаще всего «Ромео и Джульетта» или «Гамлет» – появляются в рок-песнях, телевизионных рекламных роликах и печатной рекламе» [15, р. 94]. «Универсальная природа сюжета» [28, р. 111] шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта» привела к тому, что история веронских влюблённых стала восприниматься как «общепризнанный эталон любовной истории нашего времени, прочно укоренившееся клише» [22, р. 34]. Текст пьесы разошёлся на цитаты: так, в «Словаре цитат», составленном Дж.М. и М.Дж. Коэнами и вышедшем в 1964 г. в издательстве «Пенджин Букс», зарегистрировано пятьдесят девять цитат из «Ромео и Джульетты», которые вошли в повседневную речь англичан.

Первой по списку идёт цитата из сонета, который служит прологом к I акту трагедии: "A pair of star-crossed lovers" [16, р. 347] – «Пара влюблённых, счастью которых препятствуют звёзды», то есть судьба. Согласно данным "Oxford English Dictionary", отражающего стандарты английского языка, прилагательное "star-crossed" возникло в конце XVI в. [29], но другие словари дают более определённую информацию – 1585–95 [18] или 1597 г. [27]. Как правило, в качестве источника, в котором впервые обнаружено это прилагательное, называется трагедия «Ромео и Джульетта» [29].

Значение прилагательного "star-crossed" для современников Шекспира было и объёмнее, и конкретнее, чем в наши дни. Оно было связано с увлечением астрологией, которая «составляла неотъемлемую часть мировоззрения эпохи Возрождения» [14, р. 662]. В XVI в. можно было говорить не только о «народной астрологии» [20, р. 144], которая подразумевала знание примет, важных для ведения сельского хозяйства, но и об астрологических предсказаниях, в соответствии с которыми заказчики таких предсказаний строили свою жизнь. К аст-

рологам обращались самые разные члены английского общества: от королей династии Тюдоров [14, р. 662] до простолюдинов. Большую роль в жизни человека играла так называемая «карта рождества» (“nativity chart”) [20, р. 155], которая отражала расположение планет в момент его появления на свет, предсказывая «черты его личности, особенности характера и судьбу» [20, р. 155]. Слыша или читая пролог к I акту «Ромео и Джульетты», современники Шекспира понимали, что, согласно предсказаниям астрологов, сделанным для юных влюблённых, расположение светил в момент их рождения, возможно, было благоприятно для каждого из них по отдельности, но не соединилось в единую гармоничную картину и, следовательно, предсказывало несчастье и гибель. Это значение и выражало прилагательное “star-crossed”.

С течением времени значение созданного Шекспиром прилагательного развивалось, и сегодня, по данным английских толковых словарей, оно имеет общее значение «обречённый на неудачу»: «тот, кому препятствует неудача, злосчастный» [30; 18], «несчастный» [27; 34], «неудачливый» [13; 12]. Один раз встречается и первоначальное определение: «тот, кому не благоприятствуют звезды» [27]. В качестве иллюстрации во всех словарях используется цитата из Шекспировской трагедии: “a pair of star-crossed lovers take their life” [27] – «пара влюблённых, которым препятствуют звезды, происходят [от враждебных семей]» или в сокращённом виде “star-crossed lovers” [например, 13; 12] – «влюблённые, которым препятствуют звезды».

Цитата “A pair of star-crossed lovers” [16, р. 347] стоит в списке словаря Коэнов на первом месте не только потому, что она встречается буквально в первых строках трагедии, но и, возможно, потому, что она первой приходит на ум носителям английского языка и культуры, когда речь идёт о влюблённых, чьи отношения отягощены внешними обстоятельствами. Свидетельством этому может послужить отрывок из романа Сюзанн Харпер «Клуб Джульетты» (“The Juliet Club”, 2008). По сюжету две подружки-старшеклассницы обсуждают личную жизнь третьей, Кейт, и из её писем узнают, что та встретила на шекспировском семинаре в Вероне с юношей, который оказался сыном исследовательницы Шекспира, но соперницы отца Кейт, также шекспироведа, в науке:

«Он сын закланной противницы её отца!» – с нескрываемой радостью воскликнула Сара.

«Сара», – начала Энн, и в её голосе прозвучала нотка предупреждения.

«Влюблённые, которым препятствуют звёзды (star-crossed lovers)!» [24, р. 99].

Как видим, обстоятельства знакомства юноши и девушки немедленно приводят собеседницам на мысль всем известную цитату из знаменитой трагедии.

Прилагательное, созданное Шекспиром, часто используется в названиях книг, относящихся к массовой литературе, которые рассказывают о трудностях, подстерегающих влюблённых на пути к счастью. По данным сайтов Abebooks.com и Amazon.com, таких книг более 2800 и более 4000 названий соответственно. При этом среди современных пересказов «Ромео и Джульетты», а на сегодняшний день на сайте Goodreads [23] насчитывается 122 наименования, только три автора использовали знаменитую цитату в названиях своих произведений.

Мелинда Тауб, получившая несколько литературных премий за свои книги, имеет университетское образование, пишет сценарии для телевидения и театра [26]. Её роман «По-преж-

нему во власти роковой звезды»¹ (“Still Star-crossed”, 2013) относят к так называемой «подростковой литературе» (“young adult literature”), рассчитанной на читателей 14–21 года. Жанр романа можно определить как исторический детектив с ярко выраженной любовной темой. Книги автора романа «Во власти роковой звезды» (“Star-Crossed”, 2017) Барбары Ди, известной американской писательницы [10], также относят к «подростковой литературе», но её роман написан в очень популярном жанре школьной повести (“school story”). В рамках этого же жанра создан и роман «Победа над роковой звездой» (“Crossed Stars”, 2021) Пенелопы Фрид, профессиональной балерины, которая после завершения карьеры танцовщицы «решила начать записывать истории, складывающиеся в её голове, вместо того, чтобы рассказывать их своим ученикам во время занятий балетом» [31].

Находясь на «сильной позиции» [2, с. 27] текста, заглавия книг первыми обращают на себя внимание читателя. В случае рассматриваемых нами трёх литературных пересказов «Ромео и Джульетты» заглавия оказываются ещё и «литературными аллюзиями» [1, с. 65], призывая читателя отправиться «в дальнее плавание по волнам различных традиций, эпох и культур» [1, с. 65]. Можно сказать, что, выбирая культурно окрашенное название для своего произведения, автор ждёт от своего потенциального читателя определённых фоновых знаний и культурного уровня, которые помогут ему воспринимать информацию в двух планах: с одной стороны, читать новонаписанное сочинение, с другой – опознавать и вспоминать прототекст, вдохновивший писателя на создание пересказа [4, с. 83]. Одна из функций заголовка определяется как «интригующая» [5, с. 163]. Опознавая знакомую цитату, читатель не только может предположить, что источником вдохновения для автора стала знаменитая трагедия Шекспира, а истории, разворачивающиеся в книге, посвящены несчастной любви или трудностям, с которыми сталкиваются влюблённые, но и вправе ожидать новой истории, пусть в ней и угадывается текст-источник [4, с. 83].

Роман М. Тауб «По-прежнему во власти роковой звезды» (“Still Star-crossed”, 2013) является сиквелом шекспировской трагедии, повествуя о том, что происходило «на улицах прекрасной Вероны» [33, р. 3] вскоре после похорон несчастных влюблённых и даже после того, как на кладбище были установлены их золотые статуи, что связывает начало романа с концом шекспировской трагедии. У Шекспира в знак примирения семей Монтеки даёт обещание: «Из золота ей статую воздвигну. / Пусть людям всем, пока стоит Верона, / Та статуя напоминает вновь / Джульетты бедной верность и любовь» [8]. По сюжету романа М. Тауб союз двух семей, враждовавших прежде, должен быть скреплён браком их наследников, чтобы в Вероне, наконец, наступил мир. Однако есть силы, которые хотят войны, действуют исподтишка и вновь разжигают вражду между Монтеки и Капулетти, поскольку от руки таинственного убийцы в маске гибнут юноши из обеих семей. Наследники семей Бенволио Монтеки и Розалина Тиримо, племянница сеньора Капулетти, первая любовь Ромео, (у Шекспира эпизодический и внесценический персонажи соответственно) вынуждены дать согласие на брак друг с другом против своего желания. Им же приходится проводить собственное расследование, чтобы найти злоумышленников и положить конец вражде и недоверию между двумя семь-

¹ Традиция русских переводов «Ромео и Джульетты» начинается в 1-ой пол. XIX в. Последний по времени перевод выполнен в 2018 г. Кириллом Шатиловым [6]. Не все переводчики смогли адекватно передать или сохранить в переводе прилагательное *star-crossed*. При передаче на русский язык названий романов был учтён перевод Аполлона Григорьева, сделанный в 1864 г.: «...под роковой звездой...» [7].

ями. Сестра Розалины Ливия влюбляется в недостойного человека, и эта любовь приводит её на грань жизни и смерти. Погибает старая няня Джульетты. Принц Эскал, устраивая брак между Бенволио и Розалиной, осознаёт, что любит девушку, но не может отступить от своего плана примирения Монтекки и Капулетти. С каждым поворотом сюжета читатель всё яснее понимает, что смерть Ромео и Джульетты не принесла облегчения веронцам, что и город, и все его жители находятся «по-прежнему во власти роковой звезды». Изменение, внесённое в цитату, добавление наречия “still” («по-прежнему»), полностью оправдано развитием сюжета сиквела.

В качестве названия своего романа «Во власти роковой звезды» (“Star-Crossed”, 2017) Барбара Ди взяла лишь прилагательное, созданное Шекспиром, “star-crossed”. Роман рассказывает о жизни тринадцатилетних подростков, мальчиков и девочек, в течение одного учебного года и о постановке «Ромео и Джульетты», в которой все они участвуют. При чтении романа на мысль скорее приходит современное значение этого слова – «обречённые на неудачу». Ни один персонаж этого романа не достигает исполнения своих желаний: главной героине, Мэтти Монаган (аллюзия на фамилию Монтекки), нравится мальчик по имени Илайджа, но он приглашает на бал в День святого Валентина Люси, одну из подруг Мэтти, а не её саму. Другая подруга Мэтти, Тэсса, влюблена в героя всей школы, Лайэма, но и он не отвечает ей взаимностью, а ухаживает за их одноклассницей Джеммой. Девочка по имени Уиллоу Каплан (аллюзия на фамилию Капулетти) жаждет быть лидером класса, центром всеобщего внимания, но её дурной характер и заносчивость приводят к тому, что одноклассники стихийно собираются отметить успех спектакля не в доме Уиллоу, а у Мэтти, которая является своего рода антиподом Уиллоу. Темой романа становится не описание различных случаев безответной любви, а становление характера главной героини, которая в начале повествования является всего лишь «одной из трёх подруг, которые всегда держались вместе» [17, р. 1], а в конце, когда, по сюжету, проходит год, перед взором читателя предстаёт повзрослевшая Мэтти, сформировавшаяся как личность, уверенная в своих силах талантливая актриса, при этом не утратившая своих душевных качеств.

Из трёх книг роман Пенелопы Фрид «Победа над роковой звездой» (“Crossed Stars”, 2021) с точки зрения строения сюжета наиболее близко следует исходному тексту, но заглавие вступает в противоречие с содержанием шекспировской трагедии. Сложное прилагательное “star-crossed” трансформируется в словосочетание “crossed stars”. Учитывая значение глагола “to cross” – «перечёркивать», то есть «ставить крест на чём-то», словосочетание “crossed stars” (букв. «перечёркнутые звёзды») можно понять как «судьба, которую удалось изменить». Почти до последних глав романа (а их тридцать девять) о влюблённых старшеклассниках Ромео Монтомери и Джулиет Каплан можно сказать, что они повторяют судьбу Ромео и Джульетты из трагедии Шекспира: семьи юноши и девушки враждуют, хотя живут в соседних домах; дядя и тётя, в семье которых живёт Джулиет, всячески препятствуют её встречам с Ромео; молодые люди встречаются тайно; в ресторан, где проходит их свидание, внезапно приезжают родители Джулиет вместе с её дядей и тётей; пытаясь убежать от них, Ромео и Джулиет попадают в аварию и едва не погибают; жизнь Джулиет спасает то, что во время аварии Ромео крепко обнял её; так их и находят, полумёртвых, в объятиях друг друга. Такое развитие событий до некоторой степени предсказывается окружением юных влюблённых. Одноклассник Ромео, добивающийся внимания Джулиет, говорит, обращаясь к девушке: «Ромео и Джульетта, да?»

Может быть, мне стоит украсть тебя у него, чтобы мы смогли избежать трагедии?» [21, р. 40]. Однако развязка истории современных Ромео и Джулиет совершенно иная, чем ожидается: Ромео предпринимает попытку самоубийства, правда, неудачную, а Джулиет впервые в жизни серьёзно говорит с родителями, объясняя им, что пойдёт на всё, лишь бы остаться с любимым, даже подаст документы в худшую школу городка Оук Хиллз, где они живут, куда её, примерную ученицу, конечно, примут, к ужасу семьи. И семья сдаётся: Джулиет и Ромео учатся в одном классе, они постоянно вместе и готовы преодолеть все трудности, которые могут ещё выпасть им на долю. В заключительном диалоге героев озвучивается вывод, к которому молодые люди приходят вместе: *«Уморить всех в конце пьесы – легкий выход из положения. Вот жить долго и счастливо гораздо труднее. – А это то, чем мы сейчас занимаемся? – Надеюсь, что да»* [21, р. 152]. Возвращаясь к названию книги “Crossed Stars” – «судьба, которую удалось изменить», читатель одновременно вспоминает шекспировских влюблённых, которые смогли противостоять своей судьбе лишь своей смертью, и понимает, что современным влюблённым, возможно, придётся долго преодолевать какие-то препятствия на жизненном пути, но главный шаг они уже сделали: какой бы ни была их судьба, это их общая судьба, и уже по одной этой причине это судьба счастливая.

Все три романа несут в себе черты литературного пересказа, или адаптации, краткое определение которой дала Линда Хатчен, автор первого значительного исследования на эту тему: *«Адаптация – это повторение, но повторение без копирования»* [25, р. 7]. Основой этих романов, относящихся к так называемой «подростковой» литературе (“young adult literature”), становится произведение, которое, с одной стороны, входит в сокровищницу мировой культуры, с другой – автоматически ассоциируется «в современном мире с молодёжной культурой» [22, р. 39]. Иными словами, трагедия «Ромео и Джульетта» отвечает главному требованию, предъявляемому к источникам литературных пересказов, – это один из «краеугольных камней великой литературы» [4, с. 82]. Перерабатывая исходный классический текст, современные авторы прибегают к трём стратегиям, определяющим общее направление их работы: «можно поменять главного героя, от лица которого идёт рассказ, можно выбрать иное время, место или культуру, в рамках которой будет происходить действие, можно, наконец, переписать повествование в совершенно новом жанре» [3, с. 97]. Как правило, авторы литературных пересказов используют две или даже три стратегии сразу. Адаптация всем известного литературного произведения подразумевает его узнаваемость в новосозданном тексте [4, с. 83]. Так, М. Тауб с первых предложений своего сиквела сообщает, что действие происходит в средневековой Вероне, что завязкой действия является продолжающаяся вражда между двумя знатными веронскими семьями Монтекки и Капулетти. Для создания сиквела нужны новые главные герои со своим восприятием происходящего, поэтому и история вражды двух веронских семей видится в непривычном ракурсе (явление фокализации). В адаптациях Б. Ди и П. Фрид действие переносится в наши дни, поэтому читателю приходится сосредоточиться, чтобы увидеть повторение структуры сюжета шекспировской трагедии в рассказах о современных подростках. Изменение времени и места действия (анахронизация повествования) подчёркивает важность тем, затронутых в исходном тексте, их вневременную отнесённость. Литературный пересказ подразумевает также изменение жанра исходного текста и даже смешение разных жанров в новом произведении [4, с. 83]. В случае рассматриваемых романов драматический текст был переложён прозой, М. Тауб создала произведение, сочетающее в себе

черты исторического, любовного и детективного романов, тогда как Б. Ди и П. Фрид работали в жанре школьной повести. Новый жанр или смешение жанров позволяют изменить тональность всего произведения, затронуть темы, важные для современной читательской аудитории [4, с. 83; 3, с. 98], что тоже является одним из характерных признаков литературного пересказа: так, например, Джулиет, героиня романа П. Фрид «Победа над роковой звездой» (“Crossed Stars”), отстаивает своё право на выбор жизненного пути. *«Меня нельзя назвать неблагодарной. Я не устраиваю истерику. Я говорю – я прошу вас выслушать меня. <...> Я люблю вас обоих, но я не ваша кукла, которую можно нарядить и выставить на всеобщее обозрение. Я хочу прожить свою жизнь, а не вашу»* [21, р. 235], – говорит Джулиет родителям. Такое поведение было немыслимо для шекспировской Джульетты.

При пересказе классического произведения не может быть не затронута система персонажей. Каждая из писательниц, создавших адаптации «Ромео и Джульетты», пошла своим путём. Создавая продолжение шекспировской трагедии, М. Тауб должна была расширить круг персонажей, поскольку события, описываемые в романе, выходят не только за пределы двух семей, но и за пределы Вероны, что вполне оправдано, поскольку (по шекспировскому сюжету) Ромео высылают из родного города. Имена новых персонажей связывают исходный текст и его прозаическую адаптацию. В 1-й сцене I акта трагедии есть эпизод, когда к Ромео обращается слуга из дома Капулетти. Слуга должен по списку обойти приглашённых на бал-маскарад в доме своего хозяина, но, не умея читать, ищет помощи у незнакомца: *«Синьор, умеете ли вы читать? <...> умеете ли вы читать по писаному?»* [8]. Ромео соглашается помочь незадачливому гонцу и зачитывает вслух имена гостей: *«Синьор Мартино с супругой и дочерью. Граф Ансельмо и его прекрасная сестрица. Вдовствующая синьора Витрувио. Синьор Плаченцио с его прелестными племянницами. Меркуцио и его брат Валентин. Мой дядя Капулетти с супругой и дочерью. Моя прекрасная племянница Розалина. Ливия. Синьор Валентио и его двоюродный брат Тибальт. Люцио и резвушка Елена»* [8].

Этот список стал источником новых персонажей в романе М. Тауб, причём три имени были даны семье главной героини. Используя возможности фокализации, то есть рассказывая историю с точки зрения конкретного персонажа [9, с. 113, 115], писательница выбирает в качестве главной героини Розалину, первую любовь Ромео. Младшая сестра Розалины получает имя Ливия. Сёстры Розалина и Ливия живут из милости у своей тётушки, герцогини Витрувио, тётки синьора Капулетти. Характеристика, которую даёт ей в этом списке Шекспир, *The lady widow of Vitruvio* [32] («Вдовствующая синьора Витрувио»), подразумевает и благородное происхождение героини, и её положение в обществе («вдова»). Поскольку в трагедии больше никаких сведений о синьоре Витрувио нет, писательница получила полную свободу действий и создала довольно противоречивый образ властной, богатой и капризной старухи, имеющей собственное мнение по всем важным вопросам. Так, когда синьор Капулетти пытается добиться помощи старой герцогини в устройстве брака между Монтеки и Капулетти по воле герцога Эскала, та вовсе не спешит ответить согласием. По словам раздосадованного главы семьи Капулетти, *«от старухи Витрувио помощи не дождётся... Она говорит, если мы собираемся выдать замуж её воспитанницу, не посоветовавшись с ней, конечно, нам не понадобится её помощь, чтобы осуществить своё намерение»* [33, р. 78]. Но когда Ливия, желая покинуть Верону и отправиться ко двору сестры Эскала Изабеллы в Арагон, сталкивается с необходимостью искать кого-то, кто будет её сопровождать, именно тётушка становится её

спутницей. Хотя пожилая дама в качестве причины своего согласия выдвигает «ужасную распущенность» [33, р. 324] девушек из рода Капулетти: «тайный брак, общение с предателями, ношение мужской одежды» [33, р. 324], Розалина видит в глазах сестры «отблеск её прежнего веселья» [33, р. 324] и понимает, что родственницы найдут общий язык. Характер Ливии, имя которой Шекспир упоминает только в списке приглашённых, полностью придуман писательницей. Возможно, создать этот персонаж писательнице помогли другие драматические произведения XVI в., например пьесы современника Шекспира Джона Флетчера, в частности «Укрощённый укротитель» (“The Tamer Tamed”, 1611), где имя «Ливия» носит младшая сестра главной героини, молодая девушка, которая, как и Ливия в романе М. Тауб, мечтает о браке с любимым человеком, но не может соединиться с ним против воли семьи [11]. У М. Тауб Ливия влюбляется в графа Париса, который, как оказывается, выжил после дуэли с Ромео, но, узнав, что Парис возглавил заговор против законного правителя Вероны герцога Эскала, девушка публично рассказывает о его планах и тем самым даёт возможность герцогу организовать оборону города и отразить нападение мятежников. Ещё несколько эпизодических персонажей получают имена из шекспировского списка, среди них Люцио и брат Меркуцио Валентин, которые в романе М. Тауб мужественно участвуют в обороне Вероны от мятежников. Люцио получает рану в бою и на предложение Бенволио Монтеки, наследника дома Монтеки и жениха Розалины, вернуться в город, поскольку он уже выполнил «мужскую работу на этот день» [Тауб, р. 305], с достоинством отвечает: «Это всего лишь царапина. <...> Я не вернусь домой, как трус» [33, р. 305]. Можно сказать, что мир той Вероны, которую создаёт в своём романе М. Тауб, более многолюден, чем шекспировский, но конечные строки списка действующих лиц трагедии («Горожане Вероны, родственники обоих домов, мужчины и женщины, маски, стража, часовые и слуги» [8]) позволяют писательнице населить свою Верону новыми героями.

Действие романа Б. Ди «Во власти роковой звезды» (“Star-Crossed”, 2017) перенесено в наши дни, в маленький американский город, героями романа являются тринадцатилетние подростки, мальчики и девочки, учащиеся в восьмом классе обычной американской средней школы. Б. Ди использовала шекспировскую трагедию не так прямолинейно, как М. Тауб: по всему тексту романа разбросаны аллюзии, которые заставляют вспомнить события шекспировского повествования, но словно бы в преломлении современности. Так, на первых страницах романа читатель встречает слово «Верона», но это не географическое название, а имя хозяйки кафе-мороженого, куда с удовольствием заходят после занятий герои книги. Само кафе называется “Verona’s” («У Вероны»), что заставляет читателя вспомнить место действия «Ромео и Джульетты». По сюжету в течение учебного года школьники, герои романа, под руководством учителя литературы должны поставить какую-либо пьесу, и выбор учителя пал на «Ромео и Джульетту», поскольку, по его словам, его тринадцатилетние ученики поймут эту пьесу лучше, чем их родители, и даже лучше, чем он сам, поскольку эта пьеса рассказывает «о влюблённом восьмикласснике» [17, р. 60]. Роли были распределены так, что по большей части они соответствовали характерам учеников. Можно сказать, что в романе сложились две параллельные системы персонажей: каждому школьнику соответствовал шекспировский герой, влияя на развитие его или её характера. Забияку Тибальда играет Уиллоу Каплан, заносчивая девочка с дурным характером, фамилия которой напоминает об одной из веронских семей, Капулетти, а роли друзей Ромео, Меркуцио и Бенволио, достаются подругам Мэтти Монаган,

главной героини романа. Сама она сначала выбирает роль Париса, отражающую её собственное положение среди одноклассников – далеко не в центре всех событий. *«Мне нравится Парис. Мне его жалко. Я думаю, он любит Джульетту, даже если он её и не интересуется»* [17, р. 60], – объясняет она свой выбор учителю. Но так как Мэтти лучше всех знает текст трагедии, она способна заменить заболевшего одноклассника, играющего Ромео. Её жизнь начинает постепенно меняться. Апогей изменений приходится на день спектакля, когда после выступления Мэтти называют *«самой яркой звездой труппы»* [17, р. 258] и она удостоивается *«бурных аплодисментов»* [17, р. 258]. При том, что нужно хорошо знать исходный текст, чтобы понимать многочисленные аллюзии на него в романе Б. Ди, довольно большие фрагменты из ролей Париса, Джульетты и Ромео, адаптированные к современному состоянию английского языка (минимум архаизмов, отсутствие устаревших грамматических форм), могут заинтересовать юного читателя и пробудить у него интерес к оригиналу шекспировской трагедии.

В отличие от Б. Ди автор последнего рассматриваемого в статье романа «Победа над роковой звездой» (“Crossed Stars”, 2021) П. Фрид, создавая имена своих персонажей, взяла за основу имена шекспировских героев, видимо, чтобы связь между исходным текстом и её романом была несомненна. Так, Ромео Монтеки стал Ромео Монтгомери, Джульетта Капулетти – Джулиет Каплан, Меркуцио выступает под именем Маркус, а Бенволио – Бенни. Семьи Монтгомери и Каплан живут рядом, но враждуют по причине, которую в семьях не принято обсуждать. В системе персонажей появляется двоюродная сестра Джулиет Розалина, прототип которой – *«прекрасная ... Розалина»* [8] – упоминается всего одиннадцать раз в трагедии Шекспира и не участвует в действии. В пересказе П. Фрид находится место и для графа Париса, которого теперь зовут Перри Сент-Клер. Его семья, как и шекспировский Парис, занимает высокое положение в местном обществе. Персонажи романа своими поступками как бы отвечают на вопрос, который в трагедии задаёт Джульетта: *«Что в имени?»* [8]. Тени шекспировских имён определяют направление жизни современных юношей и девушек: Ромео дружит с Маркусом и Бенни, Розалина не хочет принимать ухаживаний Ромео, Джулиет до приезда к дяде и тёте в маленький городок Оук Хиллз жила замкнутой жизнью посольского ребёнка, поскольку её отец находится на дипломатической службе в Турции и странах Ближнего Востока, и никогда не принимала никаких решений самостоятельно, Перри Сент-Клер стремится ухаживать за Джулиет с надеждой жениться на ней через несколько лет, поскольку, по его мнению и по мнению его отца, этот брак соединит две семьи, занимающие достойное положение в обществе. *«Наш союз имеет смысл»,* говорит он девушке, *«У моего отца отличные связи, у твоего отца отличные связи. Я президент класса и подающий в школьной бейсбольной команде. Ты красивее других девчонок в школе. Мы бы прекрасно подошли друг другу»* [21, р. 71]. Интересно, что характер Ромео Монтгомери до его встречи с Джулиет лицом к лицу соответствует ассоциациям, которые вызывает имя «Ромео» в современной англоязычной культуре: *«Имя “Ромео” уже давно вошло в английский язык, хотя, как это ни странно, его значение совершенно противоположно тому, которое придавал ему Шекспир: “влюблённый, верный до смерти”.* “Ромео” сегодня, – с большой буквы или без неё, – это ловелас, соблазнитель, привычно коллекционирующий женщин, а не юноша, настолько преображённый необычностью своей любви, что он предпочитает смерть с возлюбленной жизни без неё» [22, р. 34]. Ромео, по просьбе Розалины, переписывался с Джулиет, когда она жила с родителями на Ближнем Востоке, и та, читая его рассказы о школьной жизни, составила список девочек, с которыми

Ромео встречался с тринадцати лет: «*Сара Демпси, Марисса, Лили, Клэр № 1, Мелоди, Мелани, Мелисса... Хейли, Хлоя, Клэр № 2, снова Сара Демпси, Хезер, снова Мелоди, Клэр № 3 (чем тебя так привлекают девочки по имени Клэр?) и Лейси. ...А ты тоже составляешь список ...?*» [21, р. 16]. Встретившись с Джулиет лично, Ромео, как если бы под влиянием своего имени повторяет внутреннее перерождение шекспировского героя: «*Рози забыта. Не то, чтоб «забыта» в прямом смысле этого слова, но сама идея, что она может быть кем-то большим, чем просто друг, ушла безвозвратно. Исчезла. Это глупо*» [21, р. 39]. На протяжении почти всего повествования шекспировские имена определяют судьбу героев: растёт взаимное притяжение Ромео и Джулиет, и в то же время происходит обострение вражды между соседями – Монтгомери и Капланами. И только когда Джулиет осмеливается сама решать свою судьбу, магия имён теряет силу: хотя родители настаивают на её отъезде к ним, в американское посольство в Турции, девушке удаётся не только остаться жить в Оук Хиллз, но и не разлучиться с любимым.

Ориентируясь на трагедию «Ромео и Джульетта» как на исходный текст, авторы трёх рассматриваемых романов воссоздают строение сюжета шекспировского текста, наполняя его по необходимости новым содержанием. Некоторые сцены повторяются во всех трёх романах. Одной из них является сцена на площади Вероны (акт I, сцена 1), которая открывается диалогом двух слуг из дома Капулетти, Самсона и Грегори. Перебрасываясь шуточками, которые задевают не только мужчин из дома Монтекки, но и женскую часть семьи («*возьму верх над любым мужчиной, над любой девкой из дома Монтекки*» [8], говорит Самсон), они внутренне настраивают себя на конфликт с представителями враждебного им семейства. Когда появляются Абрам и Бальтазар, слуги Монтекки, начинается поединок, который пытается остановить Бенволио Монтекки: «*Стойте, дурачьё! Мечи в ножны вложите! / Не знаете, что делаете вы!*» [8]. Ему это не удаётся, схватка только разгорается.

Сходные эпизоды помещены в начало всех трёх романов. Ближе всего к оригиналу оказывается переработка вышеупомянутой сцены в романе М. Тауб, что не удивительно: роман является продолжением шекспировской трагедии, действие в нём происходит в Вероне примерно через три недели после гибели Ромео и Джульетты. Бенволио Монтекки, после смерти Ромео наследник дома Монтекки, вечером прогуливается по улицам Вероны, вспоминая, как он и его погибшие друзья – Ромео и Меркуцио – совсем ещё недавно «*бродили по Вероне бок о бок, хвастаясь своими подвигами, затеявая ссоры и ища приключений. Бенволио почти мог вообразить, что друзья и сейчас были рядом с ним*» [33, р. 22]. Если вспомнить сцену поединка из шекспировской трагедии, то можно предположить, что читатель видит действие, разворачивающееся одновременно с тем, которое описал Шекспир: ведь в трагедии Бенволио появляется на сцене в разгар конфликта, следовательно, можно предположить, что он находился неподалёку и оказался на площади, услышав звуки боя. М. Тауб также подготавливает читателя к тому, что сейчас два временных плана совпадут: «*... его рука сжала рукоять меча, как если бы он был не уверен, хочет ли он предупредить стычку или начать её*» [33, р. 23]. В следующее мгновение «*женский вскрик прорезал ночной воздух*» [33, р. 23], и Бенволио бросается на крик. Оказавшись на кладбище, где были похоронены Ромео и Джульетта, он видит пятерых юношей, стоящих тесной группой, и узнаёт среди них своих родственников: «*Орлино, Мариус и Труччо были молодые кузены Монтекки. <...> Он подошёл ближе, и – да, конечно, – в свете факела блеснула сталь. Его молодые родственники отражали атаки двух других юно-*

шей с обнажёнными шпагами. Бенволио выругался про себя. Перевязи обоих противников украшал герб Капулетти» [33, р. 23]. Количество сражающихся практически повторяет расположение сил в 1-й сцене I акта трагедии с той лишь разницей, что в романе М. Тауб стычка происходит поздним вечером, почти ночью, а кладбище и днём не бывает особенно многолюдно, и у Бенволио есть прекрасная возможность решить дело миром: «“Стойте!” прорычал он» [33, р. 23]. Но Орлино Монтекки выкрикивает оскорбление: «Ублюдочная девка Капулетти!» [33, р. 23], и Бенволио вдруг видит, что у ног сражающихся на земле лежит женщина, которую Орлино пытается ударить шпагой. Ситуация является аллюзией на упомянутый выше диалог Самсона и Грегори, из которого явствует, что женщинам как из дома Монтекки, так и Капулетти нужно опасаться за свою жизнь и честь. Бенволио, как и в трагедии, приходится сражаться, но в романе Тауб он стремится обезоружить всех участников стычки – и Монтекки, и Капулетти, – чтобы спасти незнакомку.

Как уже неоднократно говорилось выше, действие романов Б. Ди и П. Фрид перенесено в современную Америку, поэтому структура шекспировского эпизода сохраняется, но содержание меняется кардинально. Рассматриваемый эпизод положен в основу первой главы романа Б. Ди. Действие происходит в людном месте, но не на площади, а в кафе-мороженом, которое называется по имени хозяйки «У Вероны». Три тринадцатилетние девочки-подружки, Мэтти Монаган, Тесса и Люси, заходят после школьных занятий поесть мороженого и поговорить о том, что их волнует, а это и безответная влюблённость Мэтти, и главная новость дня: Уиллоу Каплан, одноклассница подруг, пригласила к себе на празднование Хэллоуина только Тессу и Люси, но по непонятной причине не позвала Мэтти. Девочки сочувствуют подруге, и Тесса предлагает выход из ситуации: «Ты бы просто могла прийти в какой-нибудь крутой маске» [17, р. 4]. Мальчик, который нравится Мэтти, тоже приглашён на праздник к Уиллоу, и это решает дело. Теперь и вторая подруга Мэтти, Люси, присоединяется к Тессе: «Пойди на праздник к Уиллоу, надень карнавальный костюм и как следует понаблюдай за Илайджей» [17, р. 7]. Появление в кафе-мороженом подруг Уиллоу Каплан оказывается своего рода вызовом Мэтти, Тессе и Люси, поведение обеих групп становится аллюзией на поведение слуг Монтекки и Капулетти в шекспировской трагедии. С одной стороны, читатель видит провокационное поведение подружек Уиллоу, относившихся «к такому типу девочек, которые вечно шептались друг с другом, и что бы они ни говорили, это совсем не хотелось слышать» [17, р. 7], с другой – из трёх подруг Тесса наиболее остро реагировала на поведение Уиллоу и её «прихвостней» [17, р. 7]. Даже если Мэтти и Люси хотели бы избежать обмена колкостями, они не могли уйти из кафе без Тессы, а та, увидев подруг Уиллоу, сразу приготовилась к бою: «Особенность Тессы была в том, что иногда её выключатель заедало. Это бывало, когда рядом были люди, которые не замечали её крутости» [17, р. 8]. Перепалка между двумя группами девочек напоминает стычку между слугами Монтекки и Капулетти с той только разницей, что в ход идут не шпаги, а оскорбления и насмешки:

Тесса подняла брови. «Ты думаешь, я на тебя плююсь? Почему я должна даже хотеть взглянуть на тебя?»

«Кто знает?», – сказала Шарлотта, ухмыляясь. «Может, тебе интересно, как это – не быть уродиной». <...>

«Я уродина? Это ты похожа на жабу, уродливая и ядовитая. Лик твой не достоин загара» [17, р. 8–9].

В разгар обмена репликами в кафе входит Уиллоу. Её приход напоминает появление на сцене Тибальта, который говорит Бенволио: «С мечом в руках – о мире говорить? / Мне даже слово – это ненавистно» [8]. Так и первыми словами Уиллоу были: «Тесса, если ты оскорбила мою подругу –» [17, р. 10], после чего конфликт разгорается с новой силой. Только вмешательство хозяйки кафе, Вероны, прекращает ссору девочек, подобно тому как приказ герцога Эскала в шекспировской трагедии останавливает сражение на городской площади.

Аллюзии на 1 сцену I акта «Ромео и Джульетты» читатель узнаёт и в дружеской потасовке друзей в начале романа П. Фрид: «Я ударяю Маркуса в живот достаточно сильно, чтобы доказать, что я прав. <...> Бенни стоит, прислонившись к шкафчикам в раздевалке, наблюдая, как мы с Маркусом шутя боксируем. Маркус пинает меня в колено, прежде чем я успеваю отскочить. Мы ещё немного забавляемся поединком, уверенные, что Бенни даст нам знать, когда появится учитель» [21, р. 1]. Хотя сходство между исходным текстом и литературным пересказом невелико, роман П. Фрид начинается стычкой, хоть и дружеской.

Три романа, которым посвящено исследование, являются литературными пересказами знаменитой трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Шекспировская цитата “star-crossed”, использованная в качестве заглавия трёх романов, подчёркивает, что эти произведения объединяет главная тема – любовь, сопровождаемая жизненными трудностями. Выбор названия книги во многом определяет её тему и развитие её сюжета, однако в двух случаях из трёх (романы М. Тауб и П. Фрид) изменения текста цитаты намекают читателю на отличия в развитии сюжетов, а один случай (роман Б. Ди) является свидетельством развития значения прилагательного “star-crossed”, созданного Шекспиром. Использование всем известной цитаты, с одной стороны, направляет писательниц в выборе имён их героев и героинь, поворотов сюжета, сохраняемых в их романах, в переосмыслении отдельных эпизодов, в использовании аллюзий на отдельные реплики шекспировских персонажей. Однако особенность литературного пересказа состоит в том, что его автор может по своему усмотрению менять второстепенные детали исходного текста, вводить новых героев, рассказывающих о событиях книги со своих точек зрения, дописывать иной конец повествования. Все три романа, в основу которых положена шекспировская трагедия, имеют счастливый конец, но при чтении легко определить, какое классическое произведение вдохновляло писателей. Романы, относящиеся к так называемой «подростковой» литературе, смогут пробудить интерес к шекспировской трагедии и помочь её сохранению в круге чтения современной молодёжи.

Список литературы

1. Лунькова Л.Н., Мигдаль И.Ю. Паратекстуальность заглавия художественного текста // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 60–66.
2. Морева А.В. Динамика развития заглавия паратекстового элемента (на материале немецкой литературы путешествий XVIII–XIX вв.) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 1. С. 27–39.
3. Ненарокова М.Р. «Путь паломника для XXI века»: пересказ Дэвида Харакала // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2024. Том 10(76). № 2. С. 96–103.
DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-1679-2024-10-2-96-103>

4. Ненарокова М.Р. О стратегиях литературного пересказа (на материале предисловий к изданиям «Пути Паломника» Джона Баньяна XVIII–XXI вв.) // Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации / отв. ред. М.Р. Ненарокова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 79–102. DOI: <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0777-9-79-102>
5. Столярова И.В. Многозначность «сильных позиций» текста (на материале рассказов Т. Толстой) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3(19). С. 162–170.
6. Шейкспир У. Трагедия Ромео и Джульетты. Новый, правильный перевод. Пер. К.А. Шатилова.
URL: https://kartaslov.ru/книги/Уильям_Шейкспир_Трагедия_Ромео_и_Джульетты_Новый_правильный_перевод/1 (дата обращения: 26.01.2025).
7. Шекспир У. Ромео и Джульетта (пер. А. Григорьева). URL: https://lib.ru/SHAKE-SPEARE/shks_romeo7.txt (дата обращения: 26.01.2025).
8. Шекспир У. Ромео и Джульетта (пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник)
http://az.lib.ru/s/shekspir_w/text_1060.shtml (дата обращения: 26.01.2025).
9. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
10. Barbara Dee. URL: <https://www.simonandschuster.com/books/Star-Crossed/Barbara-Dee/9781481478496> (дата обращения: 16.01.2025).
11. Brillante K. The Ideal Elizabethan Marriage (Or Naught): How Fletcher's Comedy, The Tamer Tamed Serves as a Sequel, Homage and Riposte to Shakespeare's The Taming of the Shrew. https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=si_etds (дата обращения: 29.01.2025).
12. Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/star-crossed> (дата обращения 16.01.2025).
13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/star-crossed> (дата обращения: 16.01.2025).
14. Carey H.M. Henry VII's Book of Astrology and the Tudor Renaissance // Renaissance Quarterly. 2012. Vol. 65. № 3. P. 661–710.
15. Castaldo A. "No More Yielding than a Dream": The Construction of Shakespeare in "The Sandman" // College Literature. 2004. Vol. 31. № 4. Shakespeare and Popular Culture (Fall, 2004). P. 94–110.
16. Cohen J.M., Cohen M.J. The Penguin Dictionary of Quotations. London: Penguin Books, 1964. 664 p.
17. Dee B. Star-Crossed. New York: Aladdin, 2017. 277, [18] p.
18. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/star-crossed> (дата обращения: 16.01.2025).
19. Dunan-Page A. "Introduction." The Cambridge Companion to Bunyan. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. P. 1–9. (In English).
20. Eamon W. Astrology and Society // A Companion to Astrology in the Renaissance. Edited by Brendan Dooley Leiden-Boston: Brill, 2014. P. 141–191.
21. Freed P. Crossed Stars. Columbia (Maryland): Robynne Edwards, 2021. 260 p.
22. Garber M. Shakespeare and Modern Culture . New York: Anchor Books, 2008. 366 p.

23. *Goodreads*. URL: https://www.goodreads.com/list/show/96600.Romeo_and_Juliet_Retellings (дата обращения: 16.01.2025).
24. *Harper S.* The Juliet Club. New York: Greenwillow Books, 2008. 402 p.
25. *Hutcheon L.* A Theory of Adaptation. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. 232 p.
26. *Melinda Taub*. URL: <https://www.hachettebookgroup.com/contributor/melinda-taub> (дата обращения: 16.01.2025).
27. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/star-crossed> (дата обращения: 16.01.2025).
28. *Oggiano E.* The Shakespeare Brand in Contemporary “Fair Verona” // Multicultural Shakespeare: Translation, Appropriation and Performance. Vol. 23(38). Pp. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.18778/2083-8530.23.07>
29. *Oxford English Dictionary*. URL: https://www.oed.com/dictionary/star-crossed_adj?tl=true (дата обращения: 16.01.2025).
30. *Oxford Learner’s Dictionaries*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/star-crossed> (дата обращения: 16.01.2025).
31. *Penelope Freed*. URL: <https://www.amazon.com/stores/Penelope-Freed/author/B08Q76Z31W> (дата обращения: 16.01.25).
32. *Shakespeare W.* Romeo and Juliet. URL: <https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/romeo-and-juliet/read/> (accessed: 31.01.2025).
33. *Taub M.* Still Star-Crossed. New York: Delacorte Press, 2013. 344 p.
34. *Vocabulary.com*. URL: <https://www.vocabulary.com/dictionary/star-crossed> (дата обращения: 16.01.2025).

References

1. *Lunkova L.N., Migdal I.Yu.* Paratextuality of the title of a literary text. *Questions of modern linguistics*, 2023, no. 6, pp. 60–66. (In Russ.).
2. *Moreva A.V.* Dynamics of development of the title of a paratextual element (based on the material of German travel literature of the 18th–19th centuries). *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 27–39. (In Russ.).
3. *Nenarokova M.R.* “The Pilgrim’s Progress for the 21st Century”: a retelling by David Harakal. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences. Scientific journal*, 2024, vol. 10(76), no. 2, pp. 96–103. DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-1679-2024-10-2-96-103>. (In Russ.).
4. *Nenarokova M.R.* “On the Strategies of Literary Retelling (the Prefaces to the Editions of ‘The Pilgrim’s Progress’ by John Bunyan in the 18th–21st Centuries as a Case Study).” *English classical literature in world culture: receptions, transformations, interpretations*, ex. ed. M.R. Nenarokova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 79–102. DOI: <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0777-9-79-102>. (In Russ.).
5. *Stolyarova I.V.* Polysemy of “strong positions” of the text (based on the stories of Tolstaya). *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2014, no. 3(19), pp. 162–170. (In Russ.).

6. *Shakespeare W.* The Tragedy of Romeo and Juliet. New, correct translation. Trans. K.A. Shatilov. URL: https://kartaslov.ru/книги/Уильям_Шейкспир_Трагедия_Ромео_и_Джульетты_Новый_правильный_перевод/1 (accessed: 26.01.2025)
7. *Shakespeare W.* Romeo and Juliet (trans. A. Grigoriev). URL: https://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_romeo7.txt (accessed: 26.01.2025).
8. *Shakespeare W.* Romeo and Juliet (trans. T.L. Shchepkina-Kupernik). URL: http://az.lib.ru/s/shekspir_w/text_1060.shtml (accessed: 26.01.2025).
9. *Schmid V.* Narratology. M.: Languages of Slavic culture, 2003. 312 p.
10. Barbara Dee. URL: <https://www.simonandschuster.com/books/Star-Crossed/Barbara-Dee/9781481478496> (accessed: 16.01.2025).
11. *Brillante K.* The Ideal Elizabethan Marriage (Or Naught): How Fletcher's Comedy, The Tamer Tamed Serves as a Sequel, Homage and Riposte to Shakespeare's The Taming of the Shrew. URL: https://academicworks.cuny.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=si_etds (accessed: 29.01.2025).
12. *Britannica Dictionary.* URL: <https://www.britannica.com/dictionary/star-crossed> (accessed: 16.01.2025).
13. *Cambridge Dictionary.* URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/star-crossed>. (accessed: 16.01.2025).
14. *Carey H.M.* Henry VII's Book of Astrology and the Tudor Renaissance. Renaissance Quarterly, 2012, vol. 65, no. 3, pp. 661–710.
15. *Castaldo A.* "No More Yielding than a Dream": The Construction of Shakespeare in "The Sandman". College Literature, 2004, vol. 31, no. 4, pp. 94–110.
16. *Cohen J.M., Cohen M.J.* The Penguin Dictionary of Quotations. London: Penguin Books, 1964. 664 p.
17. *Dee B.* Star-Crossed. New York: Aladdin, 2017. 277, [18] p.
18. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/star-crossed> (accessed: 16.01.2025).
19. *Dunan-Page A.* "Introduction." The Cambridge Companion to Bunyan. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 1–9.
20. *Eamon W.* Astrology and Society. A Companion to Astrology in the Renaissance. Edited by Brendan Dooley. Leiden-Boston: Brill, 2014. Pp. 141–191.
21. *Freed P.* Crossed Stars. Columbia (Maryland): Robynne Edwards, 2021. 260 p.
22. *Garber M.* Shakespeare and Modern Culture. New York: Anchor Books, 2008. 366 p.
23. *Goodreads.* URL: https://www.goodreads.com/list/show/96600.Romeo_and_Juliet_Re-tellings (accessed: 16.01.2025).
24. *Harper S.* The Juliet Club. New York: Greenwillow Books, 2008. 402 p.
25. *Hutcheon L.* A Theory of Adaptation. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. 232 p.
26. *Melinda Taub.* URL: <https://www.hachettebookgroup.com/contributor/melinda-taub/> (accessed: 16.01.2025).
27. *Merriam-Webster Dictionary.* URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/star-crossed>. (accessed: 16.01.2025).
28. *Oggiano E.* The Shakespeare Brand in Contemporary "Fair Verona". Multicultural Shakespeare: Translation, Appropriation and Performance, vol. 23 (38), pp. 109–125. DOI: <https://doi.org/10.18778/2083-8530.23.07>

29. *Oxford English Dictionary*. URL: https://www.oed.com/dictionary/star-crossed_adj?tl=true (accessed: 16.01.2025).
30. *Oxford Learner's Dictionaries*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/star-crossed>. (accessed: 16.01.2025).
31. *Penelope Freed*. URL: <https://www.amazon.com/stores/Penelope-Freed/author/B08Q76Z31W> (accessed: 16.01.2025).
32. *Taub M. Still Star-Crossed*. New York: Delacorte Press, 2013. 344 p.
33. *Vocabulary.com*. URL: <https://www.vocabulary.com/dictionary/star-crossed> (accessed: 16.01.2025).

Статья поступила в редакцию / Received 20.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 25.02.2025

Принята к публикации / Accepted 25.02.2025

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/46-54>

Особенности взаимодействия текстовой скрепы «напротив» с союзом «и»

Павел Михайлович Тюрин

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы,

tyurin.pm@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5000-9757>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия текстовой скрепы «напротив» с союзом «и». Данная текстовая скрепа часто вступает во взаимодействие с другими служебными словами, и союз «и» является одним из наиболее распространённых её «спутников». Используясь в сочетании с этим союзом, «напротив» может как сохранять самостоятельность, так и формировать новую текстовую скрепу «и напротив». Способность сочетаться с союзом «и» слово «напротив» сохраняет и при употреблении в формате скрепы-фразы. В этом случае всегда наблюдается формирование единой скрепы «и напротив».

Ключевые слова: текст, текстовая скрепа, скрепа-фраза, служебные слова, союз

Для цитирования: Тюрин П.М. Особенности взаимодействия текстовой скрепы «напротив» с союзом «и» // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 46–54.

Original article

Interaction features of the text clip "opposite" with the conjunction "and"

Pavel M. Tiurin

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Department of Russian language and literature,

tyurin.pm@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5000-9757>

Abstract. The article examines interaction features of the text clip "opposite" with the conjunction "and". This text clip often interacts with other official words, and one of its most common "companions" is the conjunction "and". When used in combination with this conjunction, "opposite" can both maintain independence and form a new textual bond "and opposite". The ability to combine with the conjunction "and" retains the word "opposite" when used in the format of a clip phrase. In this case, the formation of a single clip "and opposite" is always observed.

Key words: text, text clip, clip phrase, official words, conjunction

For citation: Tiurin P.M. Interaction features of the text clip "opposite" with the conjunction "and". *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 46–54. (In Russ.).

Текстовые скрепы являются одним из важнейших средств формирования внутритекстовых связей. Их основная функция заключается в реализации связности текста, однако эти языковые средства не образуют единого грамматического класса и при этом могут сочетать в себе самые разнообразные грамматические свойства и служебные функции, которые могут реализовываться как на уровне высказывания, так и на уровне текста. Кроме того, омонимами большого количества текстовых скреп являются слова знаменательных частей речи. Все эти факторы привели к тому, что текстовые скрепы долгое время не становились объектом серьёзных лингвистических исследований и рассматривались только в контексте пунктуации и анализа вводно-модальных слов, а их текстообразующие функции детально не изучались.

Целью данного исследования стало выявление особенностей сочетаемости текстовой скрепы и скрепы-фразы «напротив» с союзом «и». Достижению поставленной цели способствует **решение ряда задач:** рассмотреть функциональные возможности скрепы «напротив» и особенности сочетаемости её контекстных модификаций с союзом «и», выявить смысловые отношения между левым и правым контекстами скрепы «напротив» в условиях её сочетаемости с союзом «и», проанализировать влияние контекста на степень семантической слитности компонентов «и» и «напротив», а также влияние пунктуационного оформления и функционирования в формате скрепы-фразы на степень формальной слитности данных компонентов, выявить механизмы формирования единой текстовой скрепы «и напротив».

Материалом исследования послужили тексты различных функциональных стилей и жанров, извлечённые методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка и других источников.

Исследования текстовых скреп стали активно появляться только в последние десятилетия, однако достаточно большое количество подобных единиц уже получило разноаспектное описание. В частности, текстовым скрепам посвящены отдельные разделы в монографиях кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета [3; 5]. Выработаны и общие параметры описания текстовых скреп. Эта концепция нашла отражение в работе А.Ф. Прияткиной и Е.А. Стародумовой [7, с. 134–141]. Однако стоит отметить, что эти параметры могут незначительно варьироваться в зависимости от специфики конкретной текстовой скрепы.

В то же время полифункциональность рассматриваемых единиц, отсутствие у них единой грамматической природы создают определённые трудности их описания. Так, в лингвистике до сих пор нет единого термина для описания данных единиц. Термины «текстовая скрепа» и «скрепа-фраза» мы используем как наиболее удачные с опорой на работы А.Ф. Прияткиной, которая использует термин «текстовая скрепа» для описания лексико-фразеологических единиц, выражающих отношения между частями текста, а скрепами-фразами называет разновидность текстовых скреп, интонационно выделяемых в самостоятельное высказывание [6, с. 334–344]. Однако М.И. Черемисина называет скрепами любые служебные слова, формирующие сложное предложение [2, с. 179]. Для обозначения экспликаторов внутритекстовых связей могут использоваться термины «релятив» [4], «коннектор» [1, с. 125] и др.

Слово «напротив» можно в полной мере отнести к полифункциональным единицам, т.к. его юнкционные функции могут реализовываться и на уровне текста, и на уровне высказывания [8, с. 144]. При этом в тексте «напротив» может выражать отношения противопоставления (противопоставление двух ситуаций) в чистом виде и в сочетании с причинными отношениями, когда ситуацию, описанную в правом контексте скрепы, можно рассматривать не только как противопоставленную ситуации из левого контекста скрепы, но и как объясняющую её [8, с. 144].

Отличительной особенностью текстовой скрепы «напротив» является её способность сочетаться с достаточно широким кругом других служебных единиц – союзов и даже некоторых текстовых скреп, причём в таких сочетаниях может участвовать только вариант, эксплицирующий отношения противопоставления в чистом виде. Ни одного примера сочетаемости с другими служебными словами варианта, эксплицирующего одновременно отношения противопоставления и причинные отношения, нами обнаружено не было. Наиболее распространёнными являются сочетания «напротив» с союзами «и» и «но». Вот один из наиболее типичных случаев сочетания «напротив» с союзом «и»: *Сам стиль культурологического изложения в статьях «Путешествие Екатерины II в Крым как спектакль и проект» А.П. Люсого, «Колыска Чичикова, или о странствиях души» А.К. Якимовича и, особенно, «Радищев: попытка вернуться в Московскую Русь» В.К. Кантора таков, что перед читателем будто бы разворачивается герменевтический процесс разгадывания некоей тайны культуры, протекающий нелинейно, с забегами вперед и возвращениями назад, с авторскими путешествиями от себя к себе, в ходе которых раскрывается Другой (Гоголь у Якимовича, Радищев у Кантора) и «другие» (Византийский текст русской культуры, «структурирующий» путешествие Екатерины в Крым, Крымский и Кавказский тексты русской литературы XIX века). **И, напротив,** особый характер линейности, своего рода аскетичность фактографического стиля некоторых текстов, прежде всего, упомянутого выше текста В.П. Шестакова и его статьи «Путешествие Екатерины Дашиковой в Англию и Шотландию», дают повод усомниться в тривиальном «объективизме» данных культурно-исторических исследований и предположить их аналитически-философскую «субстанцию» [НКРЯ]. В этом случае «напротив» противопоставляет ситуации в левом и правом контекстах текстовой скрепы: стиль культурологического изложения одной группы авторов протекает нелинейно и благодаря этому будто бы разворачивается как герменевтический процесс разгадывания некоей тайны культуры, что, судя по всему, придаёт ему объективность, в то время как особый характер линейности, своего рода аскетичность фактографического стиля некоторых текстов другой группы авторов дают повод усомниться в тривиальном «объективизме» данных культурно-исторических исследований и предположить их аналитически-философскую «субстанцию». При этом нетрудно заметить, что «и» в данном контексте утрачивает самостоятельность и при исключении из контекста слова «напротив» логические связи в тексте разрушаются. В то же время нельзя говорить и о том, что «и» здесь становится усилительной частицей. Это текстовый союз, который показывает сосуществование двух ситуаций (в данном случае – двух подходов к описанию), но эти ситуации (подходы) противопоставлены, о чём свидетельствует наличие «напротив». Таким образом, можно говорить о том, что текстовый союз и скрепа здесь выступают как единый комплекс, который выражает два вида отношений между левым и правым контекстом (сосуществование и противопоставление) и позволяет в полной мере реализовать замысел автора.*

В некоторых случаях союз «и» может сохранять значительно большую степень самостоятельности. *Такой прогресс серьёзно расширил покупательскую географию Зелёнки, хотя предпочтение аукциона или рынка – дело вкуса. И там, и тут имеются свои плюсы и минусы. Многие владивостокцы распробовали аукционы. И, напротив, немало жителей других регионов по-прежнему предпочитают приехать во Владивосток и самогонот отправиться на свежеекупленной «японке» восвояси – экстремальный вид спорта, называемый «путешествие по федеральной трассе»* [Василий Авченко. Правый руль]. Здесь снова показаны две ситуации: с одной стороны – жители Владивостока стали чаще покупать автомобили на аукционах и меньше на авторынке «Зелёный угол», а с другой – жители других регионов по-прежнему приезжают на этот авторынок за машинами лично. Скрепой «напротив» автор, видимо, хотел показать, что такие типы поведения покупателей диаметрально противоположны, но при этом используется и союз «и», который говорит об одновременном сосуществовании этих двух типов поведения. При этом исключение «напротив» из контекста не приводит к полному разрушению логических связей и вызывает лишь утрату явной противопоставленности двух ситуаций (типов поведения покупателей), хотя это противопоставление можно компенсировать определённой интонацией.

Интересно заметить, что подобное явление может наблюдаться не только в тексте, но и в пределах одного высказывания, причём в простом предложении с однородными членами: *При сопоставлении с нормой к концу обучения фиксируется незначительное уменьшение доли латентной стадии и стадии реализации и, напротив, примерно такое же увеличение доли стадии контроля и коррекции* [НКРЯ]. В данном случае «напротив» противопоставляет разные группы результатов обучения – латентная стадия и стадия реализации с одной стороны и стадия контроля и стадия коррекции с другой стороны. При этом очевидно, что здесь союз «и» полностью сохраняет свою самостоятельность и может быть использован без «напротив», обозначая сосуществование двух групп результатов, но исключение последнего приведёт к утрате отношений противопоставления.

В рассмотренных выше примерах «напротив» отделяется от «и» запятой, что говорит о его формальной самостоятельности даже в тех случаях, когда «и» теряет свою самостоятельность и выстроить без «напротив» отношения между левым и правым контекстами не может. Однако определённая самостоятельность прослеживается и на семантическом уровне, т.к. каждый из компонентов выражает свой тип отношений между контекстами (противопоставление у «напротив» и сосуществование у «и»). Однако пунктуационное оформление текстовой скрепы может быть и иным.

Сила душевная может «разрывать» человека: в качестве примеров о. Васильев приводит Н.С. Лескова и его литературных героев, обладающих обостренным чувством справедливости, поиском евангельских соответствий, но при этом не способных смиренно принять реально существующую церковность. И напротив, сила душевная может сотворить человека святого [НКРЯ]. В данном случае «напротив» уже не отделяется от «и» запятой, что говорит об отсутствии формальной самостоятельности у данных компонентов и их объединении в единую текстовую скрепу. Правда, и в этом случае можно заметить, что данные компоненты сохраняют семантическую автономность, причём исключение «напротив» не разрушает логические связи между левым и правым контекстами полностью. Здесь показаны две противоположные ситуации: сила душевная может «разрывать» человека, т.е. фактически разрушать его,

но сила душевная может и сотворить человека святого, т.е. создать особый тип человека. Эти ситуации могут сосуществовать, хоть и являются в определённой степени противоположными, поэтому «напротив» здесь можно считать факультативным компонентом, который скорее подчёркивает, усиливает противопоставленность ситуаций. Таким образом, за каждым из компонентов закреплена экспликация определённых смысловых отношений между левым и правым контекстами, однако формально эти компоненты формируют одну текстовую скрепу.

Но смысловая самостоятельность «и» сохраняется далеко не всегда: *Мне нравится версия, по которой «Европа» восходит к ассирийскому «ер» (первое тысячелетие до н. э.), что означает «сумеречный», «вечер», «там, где заходит солнце», «запад». И напротив, «asis», означает «светлый», «блестящий», «утро», «там, где восходит солнце», «восток» [НКРЯ].* В данном случае автор стремился противопоставить Европу как нечто тёмное, мрачное и Азию как нечто светлое. Это противопоставление не является очевидным и без «напротив» теряется, т.е. «напротив» здесь не просто усиливает противопоставление, оно его напрямую выражает и не может быть исключено из контекста без ущерба для содержания. В качестве причины такой степени «обязательности» слова «напротив» по сравнению с предыдущим случаем можно назвать то, что там использовался лексический повтор (слово «сила») в сочетании с контекстными антонимами «разрывать» и «сотворить», которые в определённой мере могут эксплицировать отношения противопоставления. В последнем же примере противопоставляются в первую очередь Европа и Азия, что поддерживается только рядом слов, большинство из которых антонимами не являются, и такое противопоставление нельзя считать очевидным, для его формирования нужен специальный показатель, которым становится «напротив». Это говорит о том, что здесь видны и формальные, и семантические признаки формирования единой текстовой скрепы «и напротив».

Определение степени семантической самостоятельности «и» и «напротив» является достаточно трудной задачей, особенно это касается выявления условий, которые влияют на эту степень самостоятельности. Так, в примере *Почти все, кто занимался гуманитарными науками эпохи постмодернизма, были очень пессимистичны, говорили о крушении, ослаблении своих позиций. Только социологи были бодрыми. И напротив, очень оптимистичны были представители естественных наук, они говорили, что наконец-то освободились от своих ужасных пут* [НКРЯ] «напротив» может быть исключено без разрушения смысловых отношений между левым и правым контекстами, правда, для их сохранения нужна определённая интонация с акцентом на слове «оптимистичны», что не удастся реализовать в письменной речи. Здесь противопоставление эксплицируется не только антонимами, но и порядком слов, т.к. при исключении «напротив» с постановкой на первое место подлежащего приводит к полной потере противопоставления (ср.: *Почти все, кто занимался гуманитарными науками эпохи постмодернизма, были очень пессимистичны. И очень оптимистичны были представители естественных наук – Почти все, кто занимался гуманитарными науками эпохи постмодернизма, были очень пессимистичны. И представители естественных наук были очень оптимистичны*). Таким образом, степень самостоятельности компонентов текстовой скрепы «и напротив» зависит от лексического наполнения левого и правого контекстов, порядка слов и интонации (фразового ударения) в правом контексте. Формальная же самостоятельность связана с пунктуационным оформлением. В устной речи этому пунктуационному оформлению соответствует наличие или отсутствие достаточно длительной паузы между «и» и «напротив».

В редких случаях наблюдается включение в состав единой текстовой скрепы «и напротив» усилительной частицы «даже»:

*Да, это чувство, это не мысль. Оно безлично, потому что движется не к лицу, не к духу, а к группе людей со свойственными этим людям повадками (мужик не любит шляпу интеллигента, я не люблю, что Стахович, член гос. совета, ест простоквашу, играет в футбол – чувство направлено на шляпу, на простоквашу, на красный широкий затылок «лечащегося» Стаховича, но не на лицо). **И даже, напротив**, это чувство исключает личное отношение [НКРЯ].*

В приведённом примере элемент «напротив» является обязательным, т.к. отношения противопоставления выражает только он, однако в скрепу внедряется частица «даже», которая усиливает это противопоставление, позволяя добиться определённой степени экспрессивности. При этом «напротив» отделяется от остальных компонентов скрепы запятой, что, вероятно, продиктовано стремлением автора сделать акцент на этом слове, ещё больше усилив противопоставление. Это позволяет говорить о том, что формальный критерий разграничения единой текстовой скрепы «и напротив» и сочетания текстовой скрепы «напротив» с союзом «и» является недостаточным, и семантический критерий необходимо учитывать в первую очередь.

Обращают на себя внимание и другие немногочисленные примеры, в которых компоненты «и» и «напротив» целенаправленно разделяются автором формально с помощью тире:

*Я понимаю, что ввести сословность сейчас – значит поделить страну на рабов и господ, опустить в рабство (и, может, даже не в рабство, а в смерть) остатки тех сословий: учителей, врачей, инженеров, – которые были созданы социальной стратификацией социализма, на которых держалась производительная жизнь общества. **И – напротив**, поднять до «аристократии» то отребье, что всплыло во время «рыночных реформ» [НКРЯ].* Элемент «напротив» здесь является факультативным, т.к. противопоставление поддерживается антонимами: *ввести сословность сейчас – значит поделить страну на рабов и господ, опустить в рабство остатки тех сословий, которые были созданы социальной стратификацией социализма. И – напротив, **поднять** до «аристократии» то отребье...* Очевидно, что «напротив» выполняет усилительную функцию (усиливает противопоставление, формирует определённую экспрессивность, которая поддерживается и лексикой). При этом здесь обязательным элементом становится «и», т.к. без него теряется взаимосвязь двух ситуаций (унизить кого-то и при этом возвысить другого), что может быть обусловлено наличием неполного предложения в правом контексте. Т.е. несмотря на формальное разделение «и» и «напротив» наблюдается очень высокая степень их семантической спаянности, поэтому даже в таких условиях можно говорить о формировании единой текстовой скрепы «и напротив».

Формирование текстовой скрепы «и напротив» может сопровождаться её функционированием в формате скрепы-фразы.

*Но гораздо важнее увидеть другое: требования Закона что в Ветхом, что в Новом Завете могут привести к законничеству, к формализации жизни, а значит – к отпадению от святости. **И напротив**: как в Новом, так и в Ветхом Завете святость осуществляется через веру – осознанное устремление человека к Богу, а не формальное исполнение писанных или неписанных требований [НКРЯ].*

Здесь «напротив» является обязательным элементом, т.к. без него отношения противопоставления полностью теряются. При этом пунктуационное оформление (наличие после

скрепы двоеточия) предполагает наличие достаточно длинной паузы, что соответствует наличию у «и напротив» позиции скрепы-фразы. Такая позиция скрепы только усиливает степень семантической и формальной слитности её компонентов.

Пунктуационное оформление при этом может варьироваться: *За такое глухое, непроходимое непонимание Матвеевых достоинств её следовало презирать, но у Матвея почему-то этого не получалось. **И напротив** – при Людкином появлении Матвей деревенел, слова застревали комом в горле, язык становился предательски неповоротлив; коленные, локтевые и прочие суставы утрачивали гибкость, и он с ужасом понимал, что превращается в бессмысленного тупого болванчика, в лучшем случае достойного равнодушия, а в худшем – жалости* [НКРЯ]. В данном примере отношения противопоставления реализованы только за счёт элемента «напротив» в составе скрепы-фразы, т.к. эти отношения не поддерживаются никакими другими лексико-грамматическими средствами. О позиции скрепы-фразы здесь говорит наличие после скрепы тире, которое соответствует интонационному оформлению с достаточно длительной паузой. Помимо этого, позиция скрепы-фразы в некоторых случаях предполагает постановку точки после скрепы: *Во всеобщем «безумии сынов человеческих» есть и доля твоей (как ты сладостно выразился) придурочности. Мир вечно тревожен и тем живет». **И даже напротив того**. Мы часто бываем неправдивы, чтобы не причинять друг другу излишней боли. Он же постоянно правдив»* [НКРЯ]. В данном примере представлен вариант «напротив того», который был достаточно распространён до начала XIX в., а в наши дни используется очень редко. Здесь «и напротив того» представляет единое целое, исключение одного из элементов которого разрушает связь между левым и правым контекстами. При этом для усиления экспрессивности используется внедрённая в состав скрепы частица «даже».

Таким образом, текстовая скрепа «напротив» в сочетании с союзом «и» может функционировать как самостоятельно, так и объединяться с ним в новую текстовую скрепу «и напротив». При этом можно говорить о семантической и формальной слитности компонентов скрепы «и напротив». Формальная слитность определяется интонационным и пунктуационным оформлением, а семантическая зависит от возможности исключения из состава скрепы одного из элементов без ущерба для связи между левым и правым контекстами. Такая возможность связана с лексико-грамматическим наполнением левого и правого контекстов, при этом наличие семантической слитности не всегда сопровождается формальными показателями единства «и напротив». Существенную трудность в разграничении сочетания скрепы «напротив» и союза «и» и единой скрепы «и напротив» создают случаи, когда компоненты единой скрепы разделяются пунктуационно и/или усилительной частицей «даже». В таких случаях в первую очередь, на наш взгляд, следует учитывать семантическую слитность, которая говорит о формировании единой скрепы с факультативными элементами, выполняющими усилительные, экспрессивные функции. Ещё одним формальным показателем единой текстовой скрепы «и напротив» является её функционирование в формате скрепы-фразы. При таком употреблении данной единицы во всех обнаруженных случаях зафиксирована и семантическая слитность.

Список литературы

1. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. С. 111–137.

2. Колосова Т.А., Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1987. 205 с.
3. *Лексикографические портреты служебных слов: монография* / Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов, Е.Н. Гускина, К.А. Журавлева, Г.М. Крылова, Т.В. Конченко, Н.Т. Окатова, Т.В. Петроченко, А.Ф. Прияткина, И.В. Семенова, Г.Н. Сергеева, И.Н. Токарчук, П.М. Тюрин, З.В. Шереметьева, Е.А. Шнырик, Вэй Хуэйминь, Лан Шо, Ли Ляньмэй, Сон Ен Иль; отв. ред.: Е.А. Стародумова, Е.С. Шереметьева, В.Н. Завьялов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2022. [322 с.]. ISBN: 978-5-7444-5325-1. Текст: электронный. DOI: <https://doi.org/10.24866/7444-5325-1>
4. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
5. *Служебные слова в лексикографическом аспекте: монография* / Е.А. Стародумова, В.Н. Завьялов, Е.С. Шереметьева, И.Н. Токарчук, Г.М. Крылова, Г.Н. Сергеева, Е.А. Шнырик, А.Ф. Прияткина, Н.Т. Окатова, Г.Д. Зайцева, П.М. Тюрин, Е.В. Откидыч, Т.В. Конченко, В.В. Гавриленко; отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, П.М. Тюрин. Электрон. дан. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 1 CD-ROM. Систем. требов.: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память от 256 МБ, Windows (XP; Vista; 7 и т.п.). Загл. с экр.
6. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) / Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 334–344.
7. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.
8. Тюрин П.М. Полифункциональная единица «напротив» в современном русском языке // Казанская наука. 2024. № 1. С. 143–145. URL: <https://www.kazanscience.ru/ru/sbornik>. (дата обращения: 28.12.2024).

References

1. Dressler V. Text syntax. *New in foreign linguistics*. Issue 8. Moscow: Progress, 1978, pp. 111–137. (In Russ.).
2. Kolosova T.A., Cheremisina M.I. Essays on the theory of complex sentences. Novosibirsk: Nauka: Siberian Branch, 1987. 205 p. (In Russ.).
3. *Lexicographic portraits of official words: monograph* / E.A. Starodumova, E.S. Shermetyeva V.N. Zavyalov, E.N. Guskina, K.A. Zhuravleva, G.M. Krylova, T.V. Konchenko, N.T. Okatova, T.V. Petrochenko, A.F. Priyatkina, I.V. Semenova, G.N. Sergeeva, I.N. Tokarchuk, P.M. Tyu-rin, Z.V. Sheremetyeva, E.A. Shnyrik, Wei Huimin, Lan Sho, Li Lianmei, Song Yong II; ed.: E.A. Starodumova, E.S. Shermetyeva, V.N. Zavyalov. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2022. [322 p.]. ISBN: 978-5-7444-5325-1. Text: electronic. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24866/7444-5325-1>
4. Lyapon M. V. Semantic structure of a complex sentence and text. On the typology of intertextual relations. M.: Nauka, 1986. 200 p. (In Russ.).

5. *Official words in the lexicographic aspect: monograph* / E.A. Starodumova, V.N. Zavyalov, E.S. Sheremetyeva, I.N. Tokarczuk, G.M. Krylova, G.N. Sergeeva, E.A. Shnyrik, A.F. Priyatkina, N.T. Okatova, G.D. Zaitseva, P.M. Tyurin, E.V. Otkidych, T.V. Konchenko, V.V. Gavrilenko; ed. by E.S. Sheremetyeva, E.A. Starodumova, P.M. Tyurin. Electron. dan. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2017. (In Russ.).

6. *Priyatkina A.F.* Textual "clips" and "clips-phrases" (on expanding the category of service units of the Russian language). *Russian syntax in the grammatical aspect (syntactic relations and constructions). Selected works.* Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2007. P. 334–344. (In Russ.)

7. *Priyatkina A.F., Starodumova E.A.* Textual clips in the "Dictionary of official words". *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 2, pp. 134–141. (In Russ.).

8. *Tiurin P. M.* The multifunctional unit "opposite" in modern Russian. *Kazan Science*, 2024, no. 1, pp. 143–145. URL: <https://www.kazanscience.ru/ru/sbornik>. (accessed: 28.12.2024). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 10.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 11.02.2025

Принята к публикации / Accepted 13.02.2025

Научная статья

УДК 81.112

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/55-61>

Временные формулы как способ организации легендарного повествования о граде Китеже

Елена Александровна Петренко¹, София Михайловна Абрамова²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
petrenko.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1269-5136>

²Студент кафедры русского языка и литературы, abramova.sm@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются текстовые и речевые средства формирования категории темпоральности в старообрядческом памятнике второй половины XVIII века «Книга, глаголемая летописец». Новизна исследования обусловлена малой степенью изученности образцов книжно-славянской письменности с точки зрения формирования категории темпоральности, её обусловленности коммуникативно-прагматическими установками автора текста. Анализ коммуникативно-прагматической структуры памятника позволяет утверждать, что ведущей коммуникативной стратегией книжника является нарративная. В тексте она реализуется с помощью введения в повествование устойчивых формул-синтагм темпоральной семантики, свойственных древнерусскому летописанию. Были выявлены два вида формул: формулы, фиксирующие событие и его время на событийной линии повествования, и формулы, позволяющие повествователю передать его экспрессивную оценку.

Ключевые слова: категория темпоральности, книжный дискурс, коммуникативная стратегия, формулы-синтагмы, номинатор, коррелятор

Для цитирования: Петренко Е.А., Абрамова С.М. Временные формулы как способ организации легендарного повествования о граде Китеже // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 55–61.

Original article

Temporal formulas as a way of organizing the legendary narrative about the city of Kitezh

Elena A. Petrenko¹, Sophia M. Abramova²

^{1,2} Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

¹Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, petrenko.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1269-5136>

² Student, Department of Russian Language and Literature, abramova.sm@dvfu.ru

---

© Петренко Е.А., Абрамова С.М., 2025

Abstract. The article examines the textual and speech means of forming the category of temporality in the Old Believer monument of the second half of the XVIII century “The Russian Chronicler (Kniga, glagolemaya letopisets)”. The novelty of the research is due to the low degree of study of the samples of Slavonic book writing from the point of view of the formation of the temporality category, its conditionality by the communicative-pragmatic attitudes of the author of the text. The analysis of the communicative-pragmatic structure of the artifact allows us to assert that narrative is the leading communicative strategy of the scribe. It is realized in the text through the introduction of stable formulas-syntagmas of temporal semantics peculiar to Old Russian chronicle writing. Two types of formulas were identified: formulas fixing the event and its time on the event line of the narrative and formulas allowing the narrator to convey his expressive evaluation.

Key words: category of temporality, book discourse, communicative strategy, syntagmic formulas, nominator, correlator

For citation: Petrenko E.A., Abramova S.M. Temporal formulas as a way of organizing the legendary narrative about the city of Kitezh. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 55–61. (In Russ.).

Легендарное повествование о граде Китеже представлено в старообрядческом памятнике второй половины XVIII века «Книга, глаголемая летописец», состоящем из двух довольно разнородных, а потому обособленных и самостоятельных частей. Первая рассказывает об историческом персонаже и вполне документальных событиях – князе Георгии Всеволодовиче, строительстве им града Китежа и нашествии Батыя. При этом, по мнению исследователя этого памятника В.Л. Комаровича, она представляет собой компиляцию из местных преданий о татаро-монгольских набегах и противостоянии им, а также из переработанных фрагментов местных летописных записей [4, с. 23–29]. Вторая часть, которая называется «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже», наполнена эсхатологическими мотивами и представлениями о земном рае, сложившимися на основе содержания древнейших апокрифов и рассказов старообрядцев-бегунов о Беловодье и других святых местах, где можно скрыться в ожидании второго пришествия.

Объектом изучения предстаёт текст памятника, обладающий специфической коммуникативно-прагматической структурой, композицией и языковым воплощением. **Предметом исследования** являются текстовые и речевые средства формирования категории темпоральности, в частности временные формулы-синтагмы.

Проблемным является вопрос об интерпретации памятника как принадлежащего средневековому церковно-религиозному книжно-письменному дискурсу. Время окончательного создания памятника, несмотря на выявленные связи с текстами более ранних эпох, датируется второй половиной – концом XVIII века, а это, как известно, время активного формирования и нового этапа литературной традиции, и складывания литературного русского языка на национальной основе. Однако текст памятника создавался в особой среде и в специфических исторических условиях – его авторами были старообрядцы-бегуны, спасавшиеся от преследования на берегах озера Светлояр [4, с. 38–40]. Их духовные ориентиры были обращены в прошлое, к религиозным и книжным традициям эпохи до раскола Русской православной церкви, то есть до второй половины XVII века.

Описываемый дискурс и речевые практики, развивающиеся в нём, сложились в эпоху первых, кирилло-мефодиевских, переводов Священного христианского писания на славянский язык и затем распространились в пространстве *Slavia Orthodoxa*. Его признаками являются: наличие мегатекста христианской культуры, когда книжные тексты создаются как развитие и репрезентация идей, заложенных в тексте Священного писания; реализация коммуникативных отношений автора и читателя как воздействие проповедника, глашатая вечных истин на поучаемого в вере, наставляемого; вербализация идей с помощью языковых средств церковнославянского языка [1, 3, 6, 9, 11].

В связи с этим мы можем реконструировать основную коммуникативную цель (интенцию) автора текста следующим образом – придать легенде о граде Китеже историческую достоверность и вписать повествование о нём в рамки, хронологические и сущностные, средневекового славянского книжного дискурса. Её решение достигается путём реализации коммуникативных стратегий, также свойственных древнерусскому книжнику как субъекту данного дискурса, а не писателю Нового времени [1, с. 102].

Поскольку частная коммуникативная задача создателя текста произведения понимается им тоже в соответствии с представлениями древнерусского книжника – соединить временные линии христианской истории и истории жизни конкретного человека, или, точнее, увидеть частную историю князя Георгия Всеволодовича в глобальной христианской истории, то ведущей коммуникативной стратегией можно признать нарративную.

Главным способом текстового воплощения нарративной стратегии является формирование временной оси повествования путём взаимодействия событийной и перцептивной темпоральных линий, другими словами, создание темпоральности текста [9, с. 99].

Событийная линия (объективное, диктумное время) – это линия общего летописного повествования, вектор которого направлен из далёкого прошлого в будущее. Общей точкой его отсчёта является начало христианской истории. История персонажа, Георгия Всеволодовича, является её частью, одним из её отрезков. По мнению Д.С. Лихачёва, «средневековые русские представления о времени называли прошлые события “передними” и располагали время не эгоцентрически, а в едином, каждый раз своём ряду – от их начала до настоящего, “последнего времени”» [7, с. 262].

Перцептивная линия (субъективное, модусное время) – это линия восприятия времени и описываемых в повествовании событий автором и читателем. Это линия, способная замедлять повествование и даже останавливать его [2, с. 11].

Маркерами, фиксирующими события на временной оси, оказываются формулы-синтагмы темпоральной семантики, которые сложились и получили широкое распространение в текстах древнерусского летописания [3, с. 140]. Их использование в тексте XVIII века позволяет автору повторить «технологию» создания средневекового исторического повествования и заявить о своей принадлежности к книжно-славянскому дискурсу.

Формулы-синтагмы – это речевые клише, которыми пользовался древнерусский книжник для формирования каркаса текстов разных жанров. Обладая устойчивостью (инвариантным лексическим составом), по мнению В.В. Колесова, языковые формулы варьировались, реализуясь в виде речевых синтагм в конкретном тексте, не утрачивая свою способность к узнаванию читателем. Участники средневекового книжного дискурса, автор и читатель, располагали набором таких формул-синтагм, которые помогали, с одной стороны, создавать текст,

с другой – правильно его прочитывать, интерпретировать [3, с. 140–143]. Воспроизводимость текста и его фрагментов, а также опора на историческую традицию создания оригинальных и переводных произведений в таком случае оказываются важными свойствами средневековой славянской книжной практики в отличие от уникальности и неповторимости авторского высказывания Нового времени. Временные формулы, рассматриваемые нами, задействованы в речевой реализации нарративной стратегии и представляют собой функциональное взаимодействие лексических и грамматических средств, формирующих темпоральность текста.

В результате исследования текста нами были выделены следующие разновидности временных формул:

1. Формулы, фиксирующие событие и его время на событийной линии повествования.

1.1 Лексическими показателями времени выступают *номинаторы – предложно-падежные сочетания, указывающие на определённую точку на временной оси* [5, 8, 10]. Такая семантика лексического показателя времени соотносится с общим грамматическим значением предиката временной формулы, выраженного формой аориста.

- И пребысть в великом пощении и воздержании, и пребысть лѣто едино **в вѣчный покой отиде, в лѣта 6671-го, месяца февраля в 11 день. И погребен бысть** сыном его благовѣрным и великим князем Георгием.

- **Бысть же сие в лѣта 6671. Изволи** святыи благовѣрный и великий князь Георгий Всеволодович ехать к благовѣрному князю Михаилу Черниговскому.

- **На утрое же воста** той нечестивый царь на град той с вои своими, приступом приступи и взя его.

В представленных примерах употребление абсолютных временных лексических операторов и глагола в форме аориста 3 лица полностью соответствуют такой нарративной тактике древнерусского книжника, как *констатирующий нарратив* [9, с. 104].

Однако отличительной чертой данного текста от сопоставимых с ним текстов летописной традиции Средневековья является использование номинатора события в конце временной формулы, а не в начале.

- И поеха по градом, и егда приеха в Нов-град, **повелѣ** строити церковь во имя Успения пресвятыя владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии **в лѣто 6672**.

- И **повелѣ** благовѣрный князь Георгий во градѣ том Ростовѣ церковь строити во имя Успения пресвятыя владычицы нашей Богородицы и присно девы Марии **в лѣто 6672, месяца мая, в 23 день**.

- И **начаша** же град той каменный строити **в лѣто 6673, месяца мая в 1 день, на память святаго пророка Иеремия и иже с ним. И строитца** град той **три лѣта, и построиша** его **в лѣто 6676, месяца сентября в 30 день**, на память святаго священномученика Григория Великия Армении.

- [И егда прииде ко граду тому, нападе на град той со множеством своих, и взя той град Большой Китеж, что на берегу озера Свѣтлояра,] и **уби** благовѣрнаго князя Георгия **месяца февраля в 4 день**.

1.2 Лексическими показателями времени выступают так называемые корреляторы – наречия и предложно-падежные сочетания, определяющие положение темпоральных фактов на временной оси по отношению друг к другу [5, 8, 10].

• Святой же благовѣрный князь Всеволод **первые княжи** в Великом Новѣ-градѣ. **Егда же бысть время, возропташа** новгородцы на нь и рѣша сами собою промежь себе, яко князь наш, не крещен сый, владѣет нами крещеными.

Коррелятор **первые** и сочетание **егда же бысть время** регулируют таксисное соотношение предикатов **княжи** и **возропташа** на временной оси в категориях «раньше-позже». Такое функционирование временных формул также вполне характерно для реализации констатирующего нарратива древнерусским книжником. На способность воспроизводить временную формулу указывает и тот факт, что в противопоставлении событий, обозначенных предикатами и корреляторами, участвует частица **же** – одно из сильных синтаксических средств создания повествования, имеющих в распоряжении древнерусского книжника.

• [Он же прииде в Киев к дяде своему Ярополку и сказа ему все, за что изгнан бысть новгородцы. Он же, слышав от него, и вѣда ему Вышград.] **И ту молим бысть** от псковичь княжити у них, и прииде к ним во град Псков. **И по времени восприя** благодать святаго крещения, и **наречен бысть** во святом крещении Гавриил.

В этом примере представлено функционирование корреляторов **ту** и **по времени**. При этом интересно их расположение на временной оси. Коррелятор в виде указательного местоимения с синкретичной пространственно-временной семантикой, включённый в формулу **и ту бысть молим**, как бы завершает связь последовательно предшествующих событий, обозначенных аористами 3 лица **прииде, сказа, вѣда** (*‘в тот момент, когда Ярополк дал Всеволоду во владение Вышгород, уже взмолились псковичи’*). Коррелятор **по времени** открывает новую череду событий (*‘спустя время принял крещение и наречен был именем Гавриил’*).

1.3 Разновидностью временных формул, активно использующихся в исследуемом тексте, являются синтагмы с конструкцией сложноподчинённого предложения местоименно-соотносительного типа с союзным средством «егда-тогда», компоненты которого выступают корреляторами.

• **И егда изволи** благовѣрный князь Георгий ехати во свое мѣсто, **тогда** благовѣрный князь Михаил **повеле** грамоту написати и свою руку приложи к грамотѣ.

• **И егда** благовѣрный князь Георгий **поеха** во свое отечество и град, **тогда** благовѣрный князь Михаил с великою честью **отпущаше** его и **провошаше**.

Как видно из примеров, корреляторы «егда-тогда» фиксируют на временной оси как последовательно расположенные события, в составе речевой формулы обозначенные формами аориста, так и способны описывать одновременные действия. Во втором случае задействованы формы имперфекта в значении относительного времени, что соответствует нормам церковнославянского языка и употреблению глагольных предикатов в рамках реализации коммуникативной тактики констатирующего нарратива.

2. Формулы, описывающие не столько факт события, сколько позволяющие повествователю передать его экспрессивную оценку. Такие формулы участвуют в формировании перцептивной временной линии повествования.

• **И пироваше много дней.**

• Благовѣрный же князь Георгий Всеволодовичь **егда приеха** во град свой, прежереченный Псков, и **много дни пребысть** в молитвѣ, в постѣ же и бо бдѣнии, и много милостыни раздая нищим, и вдовицам, и сиротам. **По построении же** градов тех **поживе лѣт 75.**

В формулах данного типа используется номинатор, привязывающий событие к определённой точке временной оси, но предикаты не передают последовательность событий в прошлом, не продвигают, а останавливают ход повествования, сосредоточивая внимание читателя на важности чувственного проживания момента.

• **Быст в лѣто 6747.** Попущением Божиим грѣх ради наших **прииде** на Русь воевати нечестивый и безбожный царь Батый. И **разоряше** грады и огнем **пожигаше**, церкви Божия также **разоряше** и огнем **пожигаше** же. Людей же мечю **предаваше**, а младых дѣтей ножом **закалаше**, младых дѣв блудом **оскверняше**. И **бысть** плач велий.

В последнем примере автор прибегает к риторической традиции плетения словес, торжественного, эмоционального повествования. Здесь активно используется повтор однородных предикатов: аористов (**быст, прииде, бысть**) и имперфектов (**разоряше, пожигаше, предаваше, закалаше, оскверняше**). Временные формулы такого типа участвуют в речевой реализации коммуникативной тактики *оценочного нарратива* [9, с. 112].

Проведённый анализ функционирования временных формул в тексте произведения «Книга, глаголемая летописец» показал, что восстановленная старообрядцами XVIII века на основе народных преданий и обрывочных летописных записей легенда о граде Китеже соответствует историческому повествованию как типу речевого произведения, реализуемого в рамках книжно-письменного дискурса. На это указывает позиция автора/создателя текста, набор коммуникативных стратегий и тактик, а также речевая и текстовая их реализация.

Список литературы

1. Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
3. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
4. Комарович В.Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 184 с.
5. Кронгауз М.Л. Структура времени и значение слов // Логический анализ языка: Избранное. 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 276–281.
6. Кузнецов И.В. Риторические стратегии литературного дискурса (на материале русской словесности XI–XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2009. 43 с.
7. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 372 с.
8. Мосенцов В.В. Временные операторы в семантической структуре высказывания и текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1990. 20 с.
9. Петренко Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики древнерусского книжника и языковые средства их реализации в «Повести о Варлааме и Иосафе»: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 198 с.
10. Потаенко Н.А. Категория времени и её выражение в лексико-семантической системе языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
11. Пиккио Р. Slavia orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. 720 с.

References

1. Zhivov V.M. Features of the reception of Byzantine culture in ancient Rus'. *Research in the field of history and prehistory of Russian culture*. M.: Languages of Slavic Culture, 2002. P. 73–115. (In Russ.).
2. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. M., 2004. 544 p. (In Russ.).
3. Kolesov V.V. Old Russian literary language. L.: Publishing house Leningrad University, 1989. 296 p. (In Russ.).
4. Komarovich V.L. The Kitez legend. Experience in studying local legends. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1936. 184 p. (In Russ.).
5. Krongauz M.L. The structure of time and the meaning of words. *Logical analysis of language*. Selected works. 1988–1995. M.: Indrik, 2003. P. 276–281. (In Russ.).
6. Kuznetsov I.V. Rhetorical strategies of literary discourse (based on the material of Russian literature of the 11th–19th centuries). Abstract of Doctor's degree thesis. Moscow, 2009. 43 p. (In Russ.).
7. Likhachev D.S. Poetics of Old Russian literature. L.: Nauka, 1967. 372 p.
8. Mosentsov V.V. Temporal operators in the semantic structure of statements and texts. Abstract of Ph. D. thesis. Kharkov, 1990. 20 p. (In Russ.).
9. Petrenko E.A. Communicative strategies and tactics of the Old Russian scribe and linguistic means of their implementation in "The Tale of Varlaam and Josaph". Ph. D. thesis. Vladivostok, 2011. 198 p. (In Russ.).
10. Potaenko N.A. The category of time and its expression in the lexical-semantic system of language. Ph. D. thesis. M., 1981. (In Russ.).
11. Picchio R. Slavia orthodoxa: Literature and language. M., 2003. 720 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 04.03.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 09.03.2025

Принята к публикации / Accepted 11.03.2025

Научная статья

УДК 81`33

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/62-70>

Лексика эмоций в «Книге Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) на английском языке

Екатерина Константиновна Косарева¹, Татьяна Юрьевна Ма²

^{1,2} Амурский государственный университет,

Благовещенск, Российская Федерация

¹ Ассистент кафедры перевода и межкультурной коммуникации, kosareva.ektr@mail.ru

² Доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой перевода

и межкультурной коммуникации, tdovnar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9012-3840>

Аннотация. В статье рассматриваются 4 базовые эмоции, представленные в «Книге Притчей Соломоновых» на английском языке (“The Book of Proverbs”) посредством лексических эмотивов *love, fear, anger, joy* и их дериватов. Выявлено 100 единиц, репрезентирующих лексику эмоций. Эмотивы в притчах актуализируют одноимённые эмоциональные концепты, выполняющие важную роль в создании эмотивной тональности текста. При этом любовь ассоциируется с мудростью, страх – с уважением к Богу, радость – с праведным образом жизни, а гнев требует контроля. Притчи дают ответы на вопросы о духовных ценностях, нравственном поведении и смысле человеческого существования посредством обращения к его эмоциональной сфере, поэтому эмотивы оказываются ключевой категорией лексических единиц в одной из важнейших учительных книг Ветхого Завета.

Ключевые слова: лексика эмоций, эмотив, эмотиология, базовые эмоции

Для цитирования: Косарева Е.К., Ма Т.Ю. Лексика эмоций в «Книге Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) на английском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 62–70.

Original article

Lexis of emotions in the “Book of Proverbs” in the English language

Ekaterina K. Kosareva¹, Tatyana YU. Ma²

^{1,2} Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation

¹ Assistant, Department of Translation and Intercultural Communication, kosareva.ektr@mail.ru

² Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Translation and Intercultural Communication, tdovnar@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9012-3840>

Abstract. This article examines four basic emotions represented in the English version of “The Book of Proverbs” by means of the lexical emotives *love, fear, joy* and *anger*, along with their derivatives. One hundred units representing the lexis of emotions were identified. The emotives in

the proverbs actualize the emotional concepts that play an important role in creating the emotive tonality of the text. In this context, love is associated with wisdom, fear with respect for God, joy with a righteous way of life, and anger requires control. The proverbs provide answers to questions about spiritual values, moral behavior and the meaning of human existence by appealing to the emotional sphere, and thus emotives emerge as a key category of lexical units in one of the most important didactic books of the Old Testament.

Key words: lexis of emotions, emotive, emotiology, basic emotions

For citation: Kosareva E.K., Ma T.Yu. Lexis of emotions in the “Book of Proverbs” in the English language. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 62–70. (In Russ.).

Эмоции играют важную роль в коммуникативной деятельности человека, поэтому в последнее время изучение лексики, репрезентирующей эмоции, становится всё более значимым направлением в рамках лингвистических исследований. Эта тенденция обусловлена как усилением роли эмоционально окрашенного дискурса в современной коммуникативной практике, так и насущной потребностью в углублённом семантическом анализе и лексикографической кодификации эмоциональной лексики. Лингвистика эмоций, или эмотиология, как междисциплинарная наука объединяет сферы исследования лингвистики и психологии, включая в предмет рассмотрения не только языковую объективацию эмоций, но и их когнитивные основания. При этом учёные выделяют и разграничивают два ключевых понятия: эмоциональность и эмотивность. Эмоциональность относится к психологическому аспекту чувств [11, с. 19], тогда как эмотивность является свойством языка выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики [12, с. 24]. Г.Н. Ленько под эмотивностью понимает «имманентное свойство языка, выражающее психологические, эмоциональные состояния и переживания человека» [8].

Эмотивность выражается в речи через эмотивы – специальные языковые средства, способные обозначать, выражать или описывать эмоции. Эмотивы репрезентированы на каждом уровне языка – фонетическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом [3, с. 34; 8]. Однако важнейшую роль в процессе языковой объективации эмоций играет лексика. В лексической системе языка разграничивают два типа слов, передающих эмоциональную сферу человека, – слова, выражающие эмоции, и слова, сообщающие о них, т.е. эмотивную лексику и лексику эмоций [1; 13]. Лексика эмоций охватывает широкий спектр слов и выражений, используемых для передачи эмоциональных состояний и чувств, включает как позитивные, так и негативные эмоции, а главное – играет важную роль в коммуникации как средство объективации эмоциональных концептов.

Некоторые исследователи полагают, что лексика эмоций не является эмотивной. А.С. Илинская пишет в этой связи, что выражения, содержащие описание эмоций, нельзя назвать эмотивными. В качестве аргумента в пользу данного утверждения приводится пример, когда говорящий, описывая свои или чужие эмоции, в момент говорения может их и не испытывать, а только констатировать их наличие. Они противопоставляются автором «истинным показателям эмоций», которые зачастую находятся рядом друг с другом в тексте [5, с. 102].

В данном исследовании за основу взята концепция, в соответствии с которой исключать лексику, обозначающую эмоции, из сферы интересов эмотиологии неправомерно. Лексика эмо-

ций, имея «однослойное» эмотивное содержание, является, как правило, однозначной. Согласно утверждению Н.А. Красавского, остальные классы эмотивов отличаются размытой семантикой, и она с трудом поддается дешифровке вне контекста. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие четкой, единой системы лексикографических эмотивных помет. Сказанное позволяет рассматривать обозначения эмоций в качестве их важнейшего лексического экспонента [7].

Тексты Ветхого и Нового Заветов делятся на четыре типа. Законоположительные тексты описывают основные законы, определявшие жизнь народа Израиля как в религиозной, так и в гражданской сферах. Исторические тексты отражают историю еврейского народа с момента его входа в землю обетованную до времени перед приходом Спасителя. Учительные тексты содержат учения о вере и нравственности, о взаимоотношениях с людьми, об отношениях и воспитании в семье, духовных и нравственно-этических ценностях. Пророческие тексты включают древние предсказания о Мессии и Его царстве, а также откровения о будущем Церкви Нового Завета [4].

Для данного исследования интерес представляют учительные книги Ветхого Завета, поскольку они оказываются наиболее репрезентативными с точки зрения категории эмотивности и составляют более 30 % данного раздела Священного Писания. Всего в них выявлена 531 единица, репрезентирующая лексику эмоций, т.е. 39 % от общего количества.

Целью настоящего исследования является анализ лексики эмоций, представленной в «Книге Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) – одной из пяти канонических учительных книг Ветхого Завета Библии Короля Иакова 1611 года. Учительные книги направлены на то, чтобы сделать божественные законы доступными для понимания и применения в повседневной жизни [4]. В них мудрость является высшей ценностью, премудрость – божественным даром, помогающим людям принимать правильные решения [10].

Достижению поставленной цели способствует **решение ряда задач**: составить список лексики базовых эмоций; установить частотность лексических единиц, номинирующих соответствующие эмоции в «Книге Притчей»; рассмотреть содержательное наполнение данных эмоциональных концептов в контексте; установить способы воздействия на читателя посредством лексики эмоций.

В «Книге Притчей Соломоновых» как источнике мудрости и наставлений выражаются истины о жизни, человеческой природе и последствиях праведного и нечестивого поведения, затрагиваются различные аспекты человеческой жизни, в том числе и эмоциональная сфера [16]. Книга содержит множество предупреждений о различных пороках (глупость, нечестность, лень, разврат, ложь, гнев и ненависть), которые могут привести к моральному и физическому падению человека. Эти пороки служат предупреждением о том, как важно следовать путями мудрости и праведности для достижения благополучия и спасения.

В еврейской Библии «Книга Притчей» обозначается термином «мишлей», что переводится и как «пророчество», и как «насмешка», и как «притча», поэтому его значение намного шире, чем у английского варианта “proverb” – “a short sentence, etc., usually known by many people, stating something commonly experienced or giving advice” [11]. Данный факт объясняет наличие более длинных отрывков в некоторых главах, хотя большинство притч – это короткие, лаконичные высказывания, выражающие истины о человеческом поведении. Таким образом, название

книги отражает как форму изложения – сжатую, выразительную и одновременно загадочную, так и её нравоучительное содержание, служащее руководством на жизненном пути [14].

В самом длинном разделе книги (10:1–22:16) большинство притч состоят из двух строк, а в главах 10–15 почти всегда выражен контраст. Поскольку притчи были написаны в первую очередь для обучения, часто они даются в форме наставлений: *20:13 Love not sleep, lest thou come to poverty; open thine eyes, and thou shalt be satisfied with bread* (20:13 Не люби спать, чтобы тебе не обеднеть; держи открытыми глаза твои, и будешь досыта есть хлеб), *3:25 Be not afraid of sudden fear, neither of the desolation of the wicked, when it cometh* (3:25 Не убоишься внезапного страха и пагубы от нечестивых, когда она придёт). Даже если повелительное наклонение не используется, желаемое действие становится очевидным в процессе интерпретации: *14:5 A faithful witness will not lie: but a false witness will utter lies* (14:5 Верный свидетель не лжёт, а свидетель ложный наговорит много лжи). Поэтому эмоции, о которых говорится в Книге, человек должен испытывать, чтобы постичь мудрость и заслужить любовь Бога.

В статье представлен анализ четырёх из шести базовых эмоций, объективированных в языковой форме в «Книге Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) посредством лексических эмотивов *love, fear, anger, joy*, а также их дериватов и композитов. Данный перечень считается исчерпывающим, поскольку составлен на основе классификаций базовых эмоций зарубежных учёных (К. Изард, Р. и Б. Лазарус, П. Экман, С. Томкинс, Р. Вудвортс, С. Эпштейн и др.) и включает все эмоции, повторяющиеся и единичные, относящиеся к базовым, по мнению специалистов. Перечень базовых эмоций включает также удивление и печаль – *surprise* и *sadness*, однако соответствующие лексические единицы или их дериваты не были выявлены в ходе исследования. Базовые эмоции в психологии представляют собой универсальные эмоциональные состояния, присущие всем людям и проявляющиеся независимо от культурных различий. Базовые эмоции, по мнению большинства учёных, играют ключевую роль в человеческом опыте и взаимодействии, они помогают людям адаптироваться к окружающей среде и решать жизненные задачи, что объясняет выбор данного типа эмоций в качестве объекта изучения.

В «Книге Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) выявлено 100 единиц, репрезентирующих лексику эмоций. Наиболее частотными языковыми единицами являются *love, fear* и *joy*, менее частотна эмоция *anger*, в то время как *sadness* и *surprise* отсутствуют вовсе. Преобладание эмотивов *love, fear* и *joy* свидетельствует, с одной стороны, о высоком прагматическом потенциале данных языковых единиц в тексте Библии, с другой – о когнитивной значимости эмоциональных концептов ЛЮБОВЬ, СТРАХ и РАДОСТЬ для создателя текста и читателя [5, с. 25].

Ключевой эмотив *love* встречается в притчах 34 раза, доминируя в количественном отношении в небольшом по объёму тексте, и упоминается в различных ситуациях. Например, когда речь идёт о важности любви по отношению к другим людям: *13:24 He that spareth his rod hateth his son: but he that loveth him chasteneth him betimes* (13:24 Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его); о любви Бога к человеку благочестивому: *3:12 For whom the LORD loveth he correcteth; even as a father the son in whom he delighteth* (3:12 Ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему); о любви к душевной чистоте: *22:11 He that loveth pureness of heart, for the grace of his lips the king shall be his friend* (22:11 Кто любит чистоту сердца, у того приятность на

устах, тому царь – друг), и, конечно, о любви к мудрости как центральной идее притч: 4:6 *Forsake her not, and she shall preserve thee: love her, and she shall* (4:6 Не оставляй её, и она будет охранять тебя; люби её, и она будет оберегать тебя). В то же время любовь может быть неправильной, порочной, может восприниматься как отрицательная эмоция, а в прагматическом компоненте значения эмотива *love* в этих примерах появляются адгерентные пейоративные коннотации – 21:17 *He that loveth pleasure shall be a poor man: he that loveth wine and oil shall not be rich* (21:17 Кто любит веселье, обеднеет; а кто любит вино и тук, не разбогатеет). Любовь к удовольствиям, любовь к вину – грех.

Таким образом, любовь может быть направлена как на созидание, так и на разрушение. Однако божественная любовь включает в себя заботу и исправление, подчёркивая важность духовного роста через изменение, что коррелирует с основной темой «Книги Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) как учительного текста.

Содержательное наполнение понятия «страх» в библейской традиции шире, чем то, какое ему приписывается в психологии. Под Страхом Божиим понимается благоговение, смешанное с трепетом, ощущение восторженного ужаса [2, с. 1208]. Страх Господний рассматривается как начало мудрости – он подразумевает уважение к Богу и осознание Его силы и святости. Страх Господний приводит к благословениям, таким как жизнь, мир и понимание, способствует духовному развитию человека как носителя веры.

Поскольку одной из центральных тем «Книги Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) является страх перед Богом как начало мудрости и средство для уклонения от зла, подобный страх является «совершенным», он сродни любви и возникает из глубокого уважения к Богу и стремления не огорчить Его. Дух страха, напротив, является негативным и не исходит от Бога. Этот дух страха может контролировать человека, если позволить ему это. Чтобы побороть его, необходимо полагаться на Бога и любить Его. Ключевой эмотив *fear* в тексте «Книги Притчей Соломоновых» встречается 28 раз. В подавляющем большинстве пословиц речь идёт о побуждении человека к страху перед Богом, к примеру: 16:6 *By mercy and truth iniquity is purged: and by the fear of the LORD men depart from evil* (16:6 Милосердием и правдою очищается грех, и страх Господень отводит от зла).

Анализ фактического материала показал, что эмотив *fear* несколько раз используется в рамках такого стилистического приёма, как анафора: 1:7 *The fear of the LORD is the beginning of knowledge* (1:7 Начало мудрости – страх Господень); 8:13 *The fear of the LORD is to hate evil* (8:13 Страх Господень – ненавидеть зло); 9:10 *The fear of the LORD is the beginning of wisdom* (9:10 Начало мудрости – страх Господень); 10:27 *The fear of the LORD prolongeth days* (10:27 Страх Господень прибавляет дней); 14:27 *The fear of the LORD is a fountain of life* (14:27 Страх Господень – источник жизни); 15:33 *The fear of the LORD is the instruction of wisdom* (15:33 Страх Господень научает мудрости); 19:23 *The fear of the LORD tendeth to life* (19:23 Страх Господень ведёт к жизни).

Частое упоминание страха перед Господом создаёт ощущение, что это не просто рекомендация, а необходимое условие для духовного роста. При этом повтор эмотива *fear* способствует появлению более глубоких духовных переживаний, подчёркивает важность концепта FEAR в Библии и его место в понимании мудрости и знания. Повтор служит мощным инструментом для передачи библейских истин, формируя у читателя уважение к Богу и стремление к мудрости. Кроме того, повтор в начале предложений задаёт ритм и структуру повествования,

что облегчает запоминание и понимание текста, позволяет легче усваивать ключевые идеи притч. Несмотря на традиционное восприятие человеком страха как отрицательной эмоции, в «Книге Притчей Соломоновых» страх может выступать синонимом благоговения. Поэтому можно утверждать, что эмотивы с положительной ингерентной и адгерентной оценкой как компонентом значения слова доминируют в текстах притч.

Важно уточнить в связи со сказанным, что эмоции любви и страха в «Книге Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) демонстрируют сложную взаимосвязь, она проявляется как в их противопоставлении, так и в пересечении. С одной стороны, эти эмоции создают когнитивно значимый контраст на фоне других объективированных в языковой форме эмоций, с другой стороны, они воспринимаются как взаимодополняющие категории, формирующие сложную эмотивную тональность текста.

Посредством эмотива *joy* выражаются мысли о радости праведных людей, когда происходит справедливость: *11:10 When it goeth well with the righteous, the city rejoiceth: and when the wicked perish, there is shouting* (11:10 При благоденствии праведников веселится город, и при гибели нечестивых бывает торжество); радость от семьи: *5:18 Let thy fountain be blessed: and rejoice with the wife of thy youth* (5:18 Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей), радость мудрости, т.е. человек, обладающий пониманием, знает, как вести себя в жизни и как реагировать на обстоятельства: *15:21 Folly is joy to him that is destitute of wisdom: but a man of understanding walketh uprightly* (15:21 Глупость – радость для малоумного, а человек разумный идёт прямою дорогою), а также, напротив, в сравнениях о радости нечестивых: *2:14 Who rejoice to do evil, and delight in the frowardness of the wicked* (2:14 От тех, кто радуется, делая зло, восхищается злым развратом).

Радость и восторг, согласно «Книге Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”), являются результатом праведной жизни, мудрости и здоровых отношений. Они не зависят от внешних обстоятельств или материальных благ, а коренятся во внутреннем состоянии человека и его взаимодействии с окружающими.

Наименее частотная эмоция *anger* показывает, как гнев влияет на поведение человека и его отношение с окружающими. К примеру, некоторые стихи гласят, что гнев может привести к неразумным действиям: *14:17 He that is soon angry dealeth foolishly: and a man of wicked devices is hated* (14:17 Вспыльчивый может сделать глупость; но человек, умышленно делающий зло, ненавистен); гнев – это источник конфликтов: *29:22 An angry man stirreth up strife, and a furious man aboundeth in transgression* (29:22 Человек гневливый заводит ссору, и вспыльчивый много грешит); гнев необходимо контролировать: *16:32 He that is slow to anger is better than the mighty; and he that ruleth his spirit than he that taketh a city* (16:32 Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города); важно избегать проявления гнева в речи: *15:1 A soft answer turneth away wrath: but grievous words stir up anger* (15:1 Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость); *19:11 The discretion of a man deferreth his anger; and it is his glory to pass over a transgression* (19:11 Благоразумие делает человека медленным на гнев, и слава для него – быть снисходительным к проступкам).

Учительные тексты Ветхого Завета являются высоко репрезентативными, когда речь идёт об эмотивной тональности, поскольку в них встречается большое количество лексических эмотивов, репрезентирующих базовые эмоции как средства воздействия на читателя, что обусловлено преимущественно субъективным характером текстов.

«Книга Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) является собранием кратких поучений Царя Соломона, она внушает любовь к премудрости и стремление её взискать. Книга используется в богослужении и личном чтении для получения мудрости и наставления в вере. Этот текст остаётся актуальным для всех, кто ищет смысл жизни и стремится к моральному совершенствованию.

Притчи предупреждают и предостерегают, а также учат важности контроля над гневом и яростью и их последствиями как для личной жизни, так и для общественных отношений, поэтому обращение к проблеме репрезентации эмоций в данном тексте сквозь призму языка кажется важным для правильной интерпретации содержания «Книги Притчей Соломоновых».

Анализ эмоций посредством ключевых слов, их объективирующих, демонстрирует важную роль эмоциональной составляющей в формировании духовной и моральной основы текста. Любовь связана с мудростью и добродетелью, она основа для получения знаний и понимания. Страх не является иррациональным ужасом, а скорее глубоким уважением к Богу и Его заповедям. Страх также служит мотивацией для соблюдения моральных норм и предостережения от греха. Радость ассоциируется с праведным образом жизни: добродетельные поступки могут приносить удовлетворение и счастье. Она также результат следования Божьим путям. Гнев – это опасная эмоция, способная привести к разрушительным последствиям. Он ассоциируется с безумием и разрушением, поэтому важно контролировать его.

Лексика эмоций, как показали результаты исследования, способна влиять на восприятие текста, формируя отношение к прочитанному в зависимости от того, какие эмоции – положительные или отрицательные – испытывает читатель. Преобладание эмотивов с положительной оценкой как компонентом значения слова способствует формированию общей мелиоративной тональности текста притч, в то время как упоминание страха нередко внушает ужас. В то же время, независимо от направленности ингерентной оценки как компонента значения лексических единиц, обозначающих эмоции, в «Книге Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”) эмотивы *love*, *fear* и *joy* получают иной вектор оценки под влиянием контекста в отдельных примерах. Однако данный факт следует, по нашему мнению, рассматривать лишь как проявление прагматического потенциала лексики эмоций, а именно – дидактического, соответствующего направленности учительных текстов Ветхого Завета Библии.

В заключении важно уточнить, что анализ лексики эмоций позволяет говорить не только о её роли в формировании эмотивной тональности текста как формы воздействия на читателя, но и о роли одноимённых концептов в формировании его картины мира. ЛЮБОВЬ, СТРАХ, РАДОСТЬ и ГНЕВ – важнейшие эмоциональные концепты «Книги Притчей Соломоновых» (“The Book of Proverbs”), их актуализация посредством ключевых слов позволяет внушить читателю истины, необходимые для познания мудрости.

Список литературы

1. *Бабенко Л.Г.* Русская эмотивная лексика как функциональная система: дис. ... д-ра филол. наук [Текст]. Свердловск, 1990. 611 с.
2. *ББС – Большой библейский словарь* / под ред. У. Элуэлла, Ф. Камфорты. СПб.: Библия для всех, 2005. 1503 с.
3. *Буряков М.А.* К вопросу об эмоциях и средствах их языкового выражения // Вопросы языкознания. 1979. Вып. 3. С. 33–46.

4. *Егоров Г.В.* Священное Писание Ветхого Завета (курс лекций). М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2011. 607 с. EDN: QVVXWV
5. *Илинская А.С.* Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке // Ползуновский вестник. 2006. С. 98–105. EDN: KZCHYB
6. *Косарева Е.К., Ма Т.Ю.* Лексика эмоций в учительных текстах Ветхого Завета (на материале “The King James Bible”) // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник материалов II Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. 2024. С. 23–27. EDN: HQVGUW
7. *Красавский Н.А.* Терминологическое и обиходное обозначение эмоций (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1992. EDN: UEBPWH
8. *Ленько Г.Н.* Выражение категории эмотивности в художественных произведениях французских, английских и немецких авторов конца XX – начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 18 с. EDN: QFOFMR
9. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Питер, 2012. 712 с.
10. *Скобелев М.А., Хангиреева И.А.* Введение в учительные книги Ветхого Завета. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 368 с. EDN: YBPBMT
11. *Турамуратова И.И.* Эмоции как объект изучения лингвистики // Проблемы науки. 2024. Вып. 2(83). С. 19–20. EDN: RURLTI
12. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд. ЛКИ, 2008. 208 с.
13. *Шаховский В.И.* Лингвокультурология эмоций. Волгоград: Перемена, 2009. 170 с.
14. *Краткое руководство к изучению Священного Писания Ветхого Завета.*
URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/kratkoe-rukovodstvo-k-izucheniyu-svjashennogo-pisaniya-vethogo-zaveta/12> (дата обращения: 11.02.2025).
15. *Cambridge Dictionary.* URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 11.02.2025).
16. *Introduction to the Book of Proverbs.*
URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/manual/old-testament-seminary-teacher-manual/introduction-to-the-book-of-proverbs?lang=eng#title1> (дата обращения: 11.02.2025).

References

1. *Babenko L.G.* Russian emotive vocabulary as a functional system: Doctor’s degree thesis. Sverdlovsk, 1990. 611 p. (In Russ.).
2. *BBS – Big Bible Dictionary.* Edited by W. Elwell, F. Comfort. SPb.: Bible for Everyone, 2005. 1503 p. (In Russ.).
3. *Buryakov M.A.* On the issue of emotions and the means of their linguistic expression. *Vo-prosy jazykoznanija [Topics in the study of Language]*, 1979, vol. 3, pp. 33–46. (In Russ.).
4. *Egorov G.V.* The Holy Scripture of the Old Testament (lecture course). М.: Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, 2011. 607 p. EDN: QVVXWV. (In Russ.).
5. *Ilinskaya A.S.* Sign typology of linguistic units representing emotions in the English language. *Polzunovskiy vestnik*, 2006, pp. 98–105. EDN: KZCHYB. (In Russ.).
6. *Kosareva E.K., Ma T.YU.* Lexis of emotions in wisdom texts of the Old Testament (based on the “The King James Bible”). *Aktual'nye problemy lingvistiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii.*

Sbornik materialov II Natsional'noi (Vserossiiskoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2024. Pp. 23–27. EDN: HQVGUW. (In Russ.).

7. *Krasavskii N.A.* Terminological and colloquial designation of emotions (based on the Russian and German languages): Ph. D. thesis. Volgograd, 1992. EDN: UEBPWH. (In Russ.).

8. *Len'ko G.N.* Expression of the category of emotiveness in works of fiction by French, English and German authors of the late 20th – early 21st centuries: abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2011. 18 p. EDN: QFOFMR. (In Russ.).

9. *Rubinshtein S.L.* Fundamentals of General Psychology. M.: Piter, 2012. 712 p. (In Russ.).

10. *Skobelev M.A., Khangireeva I.A.* Introduction to the Wisdom Books of the Old Testament. M.: Publishing house of PSTGU, 2018. 368 p. EDN: YBPBMT. (In Russ.).

11. *Turamuratova I.I.* Emotions as an object of study in linguistics. *Problemy nauki*, 2024, vol. 2(83), pp. 19–20. EDN: RURLTI. (In Russ.).

12. *Shakhovskii V.I.* Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language. M.: LKI Publ., 2008. 208 p. (In Russ.).

13. *Shakhovskii V.I.* Lingvoculturology of emotions. Volgograd: Peremena, 2009. 170 p. (In Russ.).

14. *A Brief Guide to the Study of the Holy Scriptures of the Old Testament.* URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/kratkoe-rukovodstvo-k-izucheniyu-svjashennogo-pisaniya-vetogo-zaveta/12> (accessed: 11.02.2025). (In Russ.).

15. *Cambridge Dictionary.* URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 11.02.2025).

16. *Introduction to the Book of Proverbs.*
URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/study/manual/old-testament-seminary-teacher-manual/introduction-to-the-book-of-proverbs?lang=eng#title1> (accessed: 11.02.2025). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 22.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 23.02.2025

Принята к публикации / Accepted 25.02.2025

Научная статья

УДК 81.112

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/71-80>

Специфика жанровой природы и коммуникативно-прагматической организации «Сказания отца нашего Агапия»

Елена Александровна Петренко¹, Анна Сергеевна Аксютинина²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
petrenko.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1269-5136>

² Студент кафедры русского языка и литературы, aksyutina.as@dvfu.ru

Аннотация. В статье анализируется, как коммуникативная задача автора текста – духовное наставление читателя через повествование о праведнике Агапии – реализуется посредством использования текстов-образцов разных жанров, среди которых наиболее отчётливо прочитываются житие, хождение и слово. «Сказание отца нашего Агапия» демонстрирует пример жанрового синкретизма, сочетая признаки нескольких канонических жанров средневековой православной книжности. Это обуславливает специфику коммуникативно-прагматической организации текста, выражающуюся в композиционных решениях, применении этикетных формул и характерных для каждого жанра лингвистических средств.

Ключевые слова: «Сказание отца нашего Агапия», древнерусская литература, жанровый синкретизм, коммуникативно-прагматическая структура, дискурс

Для цитирования: Петренко Е.А., Аксютинина А.С. Специфика жанровой природы и коммуникативно-прагматической организации «Сказания отца нашего Агапия» // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 71–80.

Original article

The specificity of the genre nature and communicative-pragmatic organization of “The Tale of our Father Agapius”

Ekaterina K. Kosareva¹, Tatyana YU. Ma²

^{1,2} Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, petrenko.ea@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1269-5136>

² Student, Department of Russian Language and Literature, aksyutina.as@dvfu.ru

Abstract. This article analyzes the author's communicative goal of providing spiritual guidance to the reader through a narrative about the righteous Agapius. This is achieved by employing

model texts from various genres, most notably hagiography, pilgrimage literature, and homily. “The Tale of Our Father Agapius” exemplifies genre syncretism, incorporating features from several canonical genres of medieval Orthodox literature. This influences the text's unique communicative and pragmatic organization, evident in its compositional strategies (e.g., the assembly of textual units), the use of formulaic expressions, and genre-specific linguistic devices.

Key words: “The Tale of Our Father Agapius”, old Russian literature, genre syncretism, communicative-pragmatic structure, discourse

For citation: Petrenko E.A., Aksyutina A.S. The specificity of the genre nature and communicative-pragmatic organization of “The Tale of Our Father Agapius”. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 71–80. (In Russ.).

Изучение жанровой системы древнерусской литературы представляет собой важную задачу для понимания специфики развития русской словесности. Жанр в древнерусской книжности обладал рядом существенных особенностей, обусловленных как культурно-историческим контекстом, так и доминированием религиозного мировоззрения. «Сказание отца нашего Агапия» является переводом византийского агиографического текста, известного по списку XII–XIII веков в составе Успенского сборника. Текст «Сказания» повествует о путешествии Агапия в Рай с целью получения ответа на вопрос: «Для чего оставляют дома и семьи свои и следуют за Господом?». Этот сюжет является одним из самых распространённых в славянских апокрифических произведениях [9].

Среди византийских текстов о путешествии в Рай «Сказание» отличается повествованием от первого лица (что не всегда отражено в переводе), отсутствием посредников в общении героя с Богом, пребыванием Агапия в Раю и его возвращением. Также необычным является образ Иисуса-кормчего и белоснежного неубывающего хлеба (ещё эти образы можно встретить в апокрифе «Деяния Андрея и Матфия») [10]. Во многом «Сказание» опирается на Новый Завет.

«Сказание отца нашего Агапия» в результате рецепции на славянской почве было включено в корпус текстов церковно-религиозного дискурса. Автор (переводчик) и читатель «Сказания» являются частью средневекового книжного дискурса XII–XIII веков. В рамках данного дискурса создатель памятника функционирует как «глашатай» вечных истин, проповедник-наставник, стремящийся развить и распространить идеи своей конфессии, изложенные в главном тексте – Священном Писании [11, с. 5]. Читателем выступает человек, уже знакомый с основами христианского вероучения, но нуждающийся в помощи при освоении более сложных богословских понятий. Создатель памятника становится проводником между читателем и Священным Писанием.

Апокрифические памятники оказывали сильное влияние на духовную жизнь Древней Руси: приоритетное место в системе древнерусского воспитания занимало религиозно-нравственное воспитание, так как оно помогало сформировать личность, ориентированную на распространение религиозных и духовно-нравственных ценностей. Текст же рассматривался как основное средство внедрения сложных религиозных догм. Поскольку апокрифические произведения не являлись частью конфессиональной книжности, авторы (переводчики, переписчики) таких текстов обладали большей свободой при их создании. Простота изложения и дос-

тупность содержания делали апокрифическую литературу важным инструментом в формировании духовно-нравственных принципов, доступно объясняя сложные религиозные идеи [2, с. 72]. Занимательность повествования, обилие чудес и сказочных элементов в тексте «Сказания отца нашего Агапия» давали читателю подтверждения величия и совершенства Бога и способствовали распространению примера праведной христианской жизни.

В рукописных сборниках апокриф фигурирует под разными названиями: «Хождение святого отца нашего Агапия», «Повесть о преподобном Огапии како ходил в Рай во плоти», «Житие и хождение отца нашего Агапия», «Житие и подвизи преподобного отца нашего Агапия чудотворца» [8]. Заголовок каждой редакции выступает в качестве маркера, который отражает изменение смысловых акцентов, сделанных переписчиком. Вариант апокрифа, взятый для анализа, имеет развёрнутый повествовательный заголовок: «Съказание отца нашего Агапия чьсо ради оставляють роды и дома своя и жены и дѣти и възьмьше кръсть и идуть въ слѣдь оспода якоже Еваангелие велить». Такое заглавие ориентирует читателя на восприятие текста со стороны монашеского аскетического уклада жизни. Если рассматривать текст с этой точки зрения, то целью хождения Агапия становится не сам Рай, а познание тайн служения Господу. Путь Агапия можно рассматривать как метафору монашеского служения – уход от мира ради спасения собственной души.

Для достижения своей коммуникативной цели – наставления читателя на примере жизни Агапия (примере праведной высокодуховной жизни) – книжник использует возможности текстов-образцов разных жанров. По утверждению Д.С. Лихачёва, употребление жанров зависело от практической цели, для которой предназначалось произведение: разнообразие потребностей рождало обилие и многообразие жанров. Каждый жанр имеет свой стиль изложения (хронографический стиль, летописный стиль, агиографический стиль) и свои пути развития [7, с. 18]. Художественная структура произведений древнерусской литературы допускала сосуществование в них различных методов, связанных с этими жанрами: «Соединение литературных произведений по анфиладному принципу – это не только результат внешних условий существования литературы, <...> но и важный эстетический принцип средневековья» [6, с. 38]. На жанровое определение произведения также влиял предмет повествования, что привело к смешению и неясному различению жанров в древнерусской литературе [7, с. 46].

Р. Пиккио определял место произведения в литературном пространстве относительно образцов, на которые ориентировались книжники: ориентация на литературный фонд церковнославянских памятников как на нормополагающие тексты обусловила особую структуру славянских литератур, которая строилась не на жанровой основе, а на господствующем принципе подражания образцам и моделям [11, с. 11]. Образцовые тексты определяли собой разные языковые и стилистические уровни создававшегося по их модели произведения и зависели непосредственно от его темы. Так, помимо абсолютного образца, обладающего полнотой смысла, – Священного Писания, текст может соотноситься с несколькими частными образцами [3, с. 102–103].

Жанровый синкретизм «Сказания отца нашего Агапия» проявляется в специфическом монтаже коммуникативных блоков, который можно представить в виде схемы (табл. 1).

Рассмотрим особенности текстового проявления разных жанров (проповедь, житие, хождение) в «Сказании отца нашего Агапия».

Главная задача жанра проповеди – донести до слушателей, как простых, так и искушённых, основные заповеди христианства. Это подразумевает, что проповедь должна быть понятна и доступна, но при этом не должна терять глубину и значимость для более образованной аудитории. Текст проповеди характеризуется лаконичностью, использованием простых слов. В проповедь часто вплетаются евангельские афоризмы, чтобы объяснить пастве сложные религиозные догмы [5 с. 34]. Одной из основных особенностей православной проповеди является внутренняя диалогизация речи, её экспрессивность, лексические повторы. Эти средства формируют понятийно-терминологическую систему текста, способствуют его целостности, развивают концептуально значимые понятия [12].

Таблица 1

Схема соотношения коммуникативных блоков и их жанров

Жанр		Коммуникативный блок
С к а з а н и е	Молитва	Этикетная формула
	Житие	Житийный зачин
	Хождение	Объявление об отходе монахам
		Начало пути
	Слово	Встреча с ребёнком
	Хождение	В раю. Описание рая
		Встреча с Иисусом и апостолами
	Слово	Беседа с Иисусом
	Хождение	Встреча со стариком
	Слово	Беседа с Илиёй-пророком
	Хождение	Встреча с моряками
	Житие	Спасение моряков с помощью чудесного хлеба
	Хождение	Встреча с горожанами
	Житие	Воскрешение ребёнка с помощью чудесного хлеба
		Встреча с ангелом. Уединение Агапия
Написание событий своей жизни. Смерть		
Молитва	Этикетная формула	

В тексте «Сказания отца нашего Агапия» большая часть реплик является этикетными фразами, которые относятся к реактивному регистру, или побуждением к действию, что характерно для волонтивного регистра. Однако внутри реплик находятся фрагменты, которые можно отнести к генеративному и информативному регистрам. В репликах Иисуса Христа и Илии-пророка можно найти объяснение, почему стало возможно путешествие Агапия, и рассказ об устройстве мировой системы (информативный регистр).

Генеративный регистр представляет осмысление информации, связанной с универсалиями мироустройства [4, с. 404]. В речи Агапия встречается фраза «Господь Богъ мой путь есть» (См. Иоан. 14, 6: «Азъ есмь путь и истина и животъ»), которая выполняет проповедническую функцию. Путешествие в Рай становится свидетельством одной из важнейших христианских истин: Господь никогда не отступает от человека, предстывая в разных обликах, ведёт по своему пути. Агапий трижды повторяет эту фразу, акцентируя для читателя её важность. Видоизменённая цитата становится «тематическим ключом» (по Пиккио). Произведе-

ние начинает отличаться двухмерностью: повествование ведётся на двух уровнях – предметном и иносказательном, содержащем высший духовный смысл. Переход в последний осуществляется с помощью библейского тематического ключа – цитаты из Священного Писания. Евангельские цитаты переключают повествование из предметного плана повествования в духовный [11, с. 12–13].

В тексте «Сказания» присутствует ещё один важный тематический ключ, который содержится в заглавии текста и в вопросе отца Агапия (Господи, съкажи ми, чьсо ради оставляють дома своя и роды и въ слѣдь Тебе идуь). Этот ключ отсылает к Евангелию от Матфея (Мф. 10, 38; 16, 24): «И иже не приметъ креста своего и въ слѣдь мене грядеть, нѣсть мене достоинъ». Этот стих из Евангелия определяет основную тему памятника – тему следования за Христом и отречения от мира ради этого следования. Употребление этого тематического ключа в начале «Сказания» подчёркивает важность вопроса Агапия. Он не просто любопытствует, а стремится понять суть христианского подвига, понять, почему люди готовы оставить всё ради Христа. Его вопрос погружает читателя в контекст духовного поиска и заставляет задуматься о смысле собственной жизни и о том, что значит следовать за Христом.

«Сказание отца нашего Агапия» использует два важных тематических ключа. Первый, евангельская цитата в начале, задаёт тему отречения от мира и следования за Христом. Второй – подчёркивает мысль о том, что именно Бог является путеводителем на этом пути. Оба эти ключа, искусно вплетённые в ткань повествования, заставляют читателя размышлять о вечных истинах христианства.

Таблица 2

Проявление регистров в диалоге

Регистр	Проявление в тексте
Реактивный	Съдравь ли еси, Агапие, и чьто есть путь твой?
	Добрѣ ходите и добръ вы буди путь.
Волюнтивный	Братия, кого хотите да поставлю вам игумена въ себе мѣсто?
	Агапе, вьлѣзи къ намъ въ корабль и прѣвеземъ тя аможе хочещи ити.
Информативный	Си же 12 мужа апостоли суть. Си же лица, яже видиши хѣровими и серафими суть. <...> Мѣста же си раиская суть.
	Си же вся, яже видиши, душѣ суть человеческыя, тобѣ явились грьздовиемъ, поне бо живь человекъ не можетъ видѣти душъ человеческъ.
Генеративный	Съказание отца нашего Агапия чьсо ради оставляють роды и дома своя и жены и дѣти и възьмьше крестъ и идуь въ слѣдь оспода якоже Еваангелие велить.
	Господи, съкажи ми, чьсо ради оставляють дома своя и роды и въ слѣдь Тебе идуь.
	Господь Богъ мой путь есть.

Житие – это произведение, описывающее жизнь праведников и служащее своего рода нравочением, представленным в повествовательной форме. Важной особенностью житийного жанра становится следование этикетным формулам, которые представляют собой «условно-нормативную связь содержания с формой» (по Д.С. Лихачёву), при этом сама формула могла варьироваться [5, с. 62–63]. Соблюдение этикетности повествования выражается в соблюдении структурной рамки. Традиционная структура жития включает в себя следующие элементы: рассказ о рождении и детстве, о пристрастии

подвижника к службе и почитанию книжном, о главных событиях его жизни, об уклонении от суеты житейской, о смерти и посмертных чудесах [7, с. 281].

Текст «Сказания» сохраняет структурную рамку житийного жанра, исключая два элемента (рождение от благочестивых родителей и рассказ об обучении грамоте) и видоизменяя один элемент (описание кончины Агапия лишено традиционного для житийного жанра посмертных чудес). Отсутствие элементов «рождение от благочестивых родителей» и «рассказ об обучении грамоте», вероятно, обусловлено смешением жанров агиографии и хождения. Для последнего характерно сосредоточение внимания на духовном опыте героя, а не на его биографических подробностях. Отсутствие посмертных чудес в «Сказании», возможно, связано с его апокрифическим характером памятника. Агапий не является официальным святым, его святость заключается в праведной жизни, следовании заповедям Божиим и достижении духовного совершенства. В «Сказании» элемент «уклонение от суеты житейской» повторяется дважды – в начале и в конце повествования. Двукратное повторение не только подчёркивает важность монашеского уклада жизни в системе духовных ценностей книжника, но и обрамляет повествование.

Таблица 3

Реализация житийной формулы в тексте

Житийная формула	Наличие/отсутствие элемента в «Сказании»	
Рождение от благочестивых родителей	-	
Богобоязнь с детства	+	«Агапии отец наш из млада начать Бога бояти ся и заповѣди его хранити...»
Рассказ о почитании книжном	-	
Рассказ о главных событиях его жизни	+	Хождение в Рай и возвращение оттуда
Прижизненные чудеса	+	«И ѣша и насытиша ся и четвертую часть юже остави, цѣла бысть паки, яко и не уломлено отъ нея ничь-тоже.»
		«Агапии же вниде въ хлѣвину, идеже лежаше сынъ ея на одрѣ, и сътворивъ молитву <...> И съде отрочиши на одрѣ.»
Уклонение от суеты житейской	+	«Живъ въ дому своемъ шесть на десяте лѣтъ, и тако изиде въ манастирь...»
	+	«Иди подыльгъ моря, и донъдеже обрящещи мѣсто уготованое тебѣ»
Смерть и посмертные чудеса	+-	«...и съконча животь свои о укрусь иже ему дастъ Илия. И прѣдасть духъ свои слава прѣсвятую Троицю, Отця и Сына и Святаго Духа ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ.»

Как уже было сказано ранее, в оригинальном греческом тексте повествование велось от первого лица: фактически памятник представляет собой житие отца Агапия, написанное им самим. Такая форма повествования была необычной для агиографической литературы, она не соответствовала жанровым образцам. Для древнерусского книжника, чье мировоззрение формировалось в рамках традиционализма, написание книг было обусловлено не стремлением к оригинальности, а необходимостью соответствовать существующим образцам. Поэтому древ-

нерусский переводчик приводит «Сказание отца нашего Агапия» к более привычной форме, в которой повествование ведётся от третьего лица. Однако название сохраняет задумку перволичного повествования греческого автора. Данное решение не следует считать противоречием формы рассказа и заглавия, ведь для древнерусской литературы имя, приданное книге, – это не «имя сочинителя», но имя «содержания», имя самого предмета [1, с. 108]. Иными словами, название «Сказание отца нашего Агапия» акцентирует внимание на личности главного героя и его духовном опыте, в то время как форма изложения от третьего лица отвечает распространённой практике древнерусской книжности.

Тем не менее в отдельных фрагментах переводчик сохраняет оригинальную форму рассказа. Первый фрагмент небольшой по объёму и его сохранение скорее случайность. Второй фрагмент, сохранивший повествование от первого лица, значительно больше по объёму и представляет собой часть таинства, которое проводит Илия-пророк вместе с отцом Агапием. Сохранение данного фрагмента, вероятно, обусловлено особым статусом описываемого таинства: Агапий рассказывает о том, что недоступно другим людям, о знании, которое он не должен рассказывать («Илия же съказа ми вся, ихъже неудобъ съказати никомуже, и приведе мя паки къ хрѣсту и сътвори молитву съ мною»). Этот фрагмент можно рассматривать как апелляцию к более авторитетному источнику.

Хождение – жанр, представляющий собой путевые записки, в которых паломники описывали свои впечатления от посещения иностранных земель. В них излагаются средневековые исторические, географические и другие сведения о мире. Для хождения важную роль играет описание хода путешествия и места путешествия. Для писателя XII в. важно то, о чём говорится, а не то, что говорится. Поэтому в начальной части высказывания стоит имя – в широком грамматическом смысле («И въставъ, оттудѣ приде въ мѣста нѣкая невѣдома. И обрѣте ту дрѣва различна, и цвѣты цвѣтуща различны, и овоща различны») [5, с. 75]. Выражение пространственно-временных отношений обладало особенностью, которая заключается в том, что пространство и время не дифференцированы в сознании – отрезок пути обозначается периодом времени, которое требуется, чтобы их пройти («Агапий же иде подълъгъ моря многы дъни и обрѣте стѣны высокы») [5, с. 75].

Хождение состоит из ряда законченных в смысловом отношении ритмико-синтаксических отрывков (тем), из-за чего повествование получается фрагментарным [5, с. 74]. Эти темы построены по принципу рамочной конструкции: рамка начинается и заканчивается схожими речевыми конструкциями [5, с. 75]. Границы каждой темы маркируются параллельными речевыми конструкциями, в анализируемом памятнике соединение отрывков происходит с помощью анафористических союзов *а*, *и*:

«**И** въставъ, оттудѣ приде въ мѣста нѣкая невѣдома. **И** обрѣте ту дрѣва различна, **и** цвѣты цвѣтуща различны, **и** овоща различны, ихъже не видѣ никътоже николиже»;

«Овѣмъ бяше яко злато перие, **а** другимъ багъряно, инѣмъ чървлено, **а** другимъ сине **и** зелено **и** различными красотами **и** пѣстрогами украшены».

В «Сказании» принцип рамочного построения текста раскрывается не только на синтаксическом, но и на композиционном уровнях. Текст построен как цепи препятствий, которые преодолевает Агапий на своём пути. Произведение имеет двухчастную структуру: первую часть занимает описание пути к месту, где герой должен получить ответ на свой вопрос; во второй части говорится об обратном пути Агапия в мир, сотворённых им чудесах и конце

жизни героя. Путь симметричный, обратная дорога проходит те же условные этапы, при этом не повторяя путь в Рай в точности.

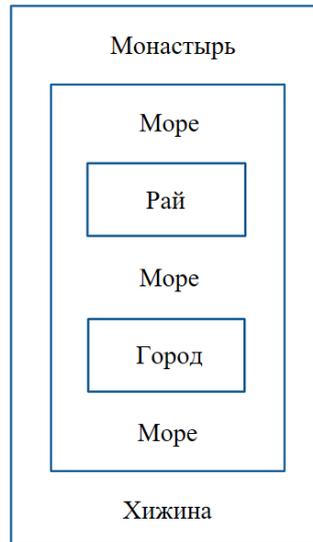

Рис. 1. Схема построения композиции текста «Сказания»

Для заглавия памятника автор использует жанр **сказания**, выбор этого жанра отражает жанровую специфику произведения. В древнерусской литературе термин «сказание» мог обозначать любой письменный текст, вне зависимости от его тематической направленности и стилистической окраски [6, с. 45]. Употребление данного жанра в контексте «Сказания отца нашего Агапия» указывает на синкретический характер произведения, объединяющего в себе элементы различных жанровых моделей, таких как проповедь, житие и хождение.

Текст сказания имеет два плана повествования – реальный и «разговорной», который воспроизводит прямую речь героев в том виде, как они «должны были говорить» в своё время. Таким образом, основному повествовательному времени – **аористу**, противопоставляется *презенс* прямой речи [5, с. 29]. Текстообразующими элементами сказания являются анафорические союзы, книжные конструкции (да + презенс).

И събъра вся калугеры и **рече** имъ: «Братия, кого *хочете* да *поставлю* вам игумена въ себе мѣсто?» Братия же **рекоша** къ нему: «А ты ся камо *хочещи* дѣти отъ насъ?» Агапии же **рече** къ нимъ: «Господь Богъ *отводитъ* мя отъ васъ, и азъ *иду* въ пути Господня. Вы же кого *хочете* да *поставлю* вам стерѣшину?»

И егда хотѣ поклонити ся реци: «Добрѣ вы буди путь», тогда великыи мужь **рече**: «Съдравъ ли *еси*, Агапие, и чьто *есть* путь твой?» **И рече** Агапии: «Господь Богъ мои путь *есть*». **И** постоявъ мало Агапии **видѣ** окръсть его лица человечьска многа и пѣтиця перьнаты, и пѣсни и славу велику. **И падъ поклонихъ** ся прѣдъ нимъ глаголя: «Господи, кѣто ты *еси* и сия 12 мужа? **И** яко *вижду* окръст тебе лица человечьска мьнога и пѣтицѣ перьнаты и славу велику, и сия мѣста кая *суть*, въ нихъже се азъ *есмь*?»

Таким образом, текст «Сказания отца нашего Агапия» представляет собой яркий образец жанрового синкретизма в древнерусской литературе. В памятнике органично сочетаются элементы различных жанров, что создаёт уникальную коммуникативно-прагматическую структуру. Употребление образцов разных жанров в «Сказании» подчинено задачам автора, которые заключаются во внедрении духовно-нравственных ценностей в мировоззрение чита-

теля на примере праведной высокодуховной жизни, прославлении монашеского уклада, указании на путь духовно-религиозного спасения. Обращение к различным жанровым моделям, а именно моделям агиографии, хождения и проповеди, обусловлено стремлением создать образ идеального христианина, а также наиболее эффективно воздействовать на читателя. Комбинируя элементы различных жанров, автор создаёт многослойный текст, который не только рассказывает историю, но и предлагает духовные ориентиры и вдохновляет на праведную жизнь.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Авторитет и авторство // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наука, 1994. С. 105–125.
2. *Воробьева С.Н.* Апокрифическая литература в контексте религиозно-нравственного воспитания древнерусского человека // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 71–76.
3. *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.
4. *Золотова Г.А., Ониперко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
5. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
6. *Лихачев Д.С.* Жанры и виды древнерусской литературы. Литература и действительность // Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия / сост. Л.Н. Гусева, Л.Л. Короткая. Минск, 1979. С. 33–52.
7. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. 372 с.
8. *Мильков В.В., Смольникова Л.Н., Хачатурян В.М.* Апокрифы Древней Руси: Тексты и исслед. М: Наука, 1997. 256 с.
9. *Пенская Д.С.* Византийское «Сказание отца нашего Агапия»: греческий текст и славянский перевод // Slověne. 2017. Т. 6, № 2. С. 101–136.
10. *Пенская Д.С.* Плавание со Христом. «Деяния Андрея и Матфия» как один из источников «Сказания отца нашего Агапия» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2015. № 4(44). С. 35–49.
11. *Пиккио Р.* Slavia orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. 720 с.
12. *Шабанова З.Г.* Лингвистические средства воздействия православной проповеди (в историческом аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006. 165 с.

References

1. *Averintsev S.S.* Authority and authorship. Historical Poetics. Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness. M.: Nauka, 1994. P. 105–125. (In Russ.).
2. *Vorobyeva S.N.* Apocryphal literature in the context of religious and moral education of the old Russian man. The World of the Russian Word, 2017, no. 2, pp. 71–76. (In Russ.).
3. *Zhivov V.M.* Features of the reception of Byzantine culture in ancient Russia. Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture. M.: Languages of Slavic Culture, 2002. P. 73–115. (In Russ.).

4. *Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M. Yu.* Communicative grammar of the Russian language. M., 2004. 544 p. (In Russ.).
5. *Kolesov V.V.* Old Russian literary language. L.: Leningrad University Press, 1989. 296 p. (In Russ.).
6. *Likhachev D.S.* Genres and types of old Russian literature. Literature and reality. Ancient Russian Literature in Research: Anthology. Comp. L.N. Guseva, L.L. Korotkaya. Minsk, 1979. P. 33–52. (In Russ.).
7. *Likhachev D.S.* Poetics of old Russian literature. L.: Nauka, 1979. 372 p. (In Russ.).
8. *Mil'kov V.V., Smol'nikova L.N., Khachatryan V.M.* Apocrypha of Ancient Russia: Texts and research. M: Nauka, 1997. 256 p. (In Russ.).
9. *Penskaya D.S.* The Byzantine “Tale of Our Father Agapius”: Greek text and Slavic translation. *Slověne*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 101–136. (In Russ.).
10. *Penskaya D.S.* Sailing with Christ. “The Acts of Andrew and Matthias” as one of the sources of “The Tale of Our Father Agapius”. *St. Tikhon's University Review. Series 3: Philology*. 2015, no. 4(44), pp. 35–49. (In Russ.).
11. *Picchio R.* Slavia orthodoxa: Literature and language. M., 2003. 720 p. (In Russ.).
12. *Shabanova Z.G.* Linguistic means of influence of orthodox sermon (in historical aspect): Abstract of Ph. D. thesis. Makhachkala, 2006. 165 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 22.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 23.02.2025

Принята к публикации / Accepted 25.02.2025

Научная статья

УДК 811.2.373.7

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/81-118>

Двухсимвольные фразеологизмы современного японского языка

Александр Сергеевич Дыбовский¹, Марина Вячеславовна Щепетунина²

¹ Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

² Университет Киото Сангё, Киото, Япония

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения,
почётный профессор Осацкого университета,
dybovskii.as@dvfu.ru

² Кандидат наук по специальности «Язык и культура»,
преподаватель университета Киото Сангё,
a007168@cc.kyoto-su.ac.jp

Аннотация. В этой статье при помощи методов структурно-семантического, этимологического и функционального анализа мы исследуем композицию и особенности семантики двухсимвольных фразеологизмов современного японского языка (二字熟語), выявляя их «внутреннюю форму» (А.А. Потебня), структурные и семантические особенности, а также функционально-синтаксические свойства. Двухсимвольные фразеологизмы представляют собой самый большой и малоисследованный разряд протокитайских² фразеологизмов современного японского языка. Авторы описывают основные пути идиоматизации значения двухсимвольных протокитайских фразеологизмов, их основные структурные типы, а также их функционально-семантические классы (принадлежность к разным частям речи). Особенности и механизмы метафоризации значения двухсимвольных протокитайских фразеологизмов исследуются с позиций когнитивной лингвистики, а также теории концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Ключевые слова: двухсимвольные фразеологизмы, структурные типы двухсимвольных фразеологизмов, метафоризация как средство идиоматизации значения, внутренняя форма двухсимвольных фразеологизмов, двухсимвольные иероглифические идиомы, грамматика двухкомпонентных протокитайских фразеологизмов, функционально-семантические классы двухсимвольных фразеологизмов

Для цитирования: Дыбовский А.С., Щепетунина М.В. Двухсимвольные фразеологизмы современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 81–118.

© Дыбовский А.С., Щепетунина М.В., 2025

² Протокитайскими мы называем фразеологизмы, заимствованные японцами из китайского языка в разные эпохи, а также созданные (и создаваемые) в Японии по китайским и исконно японским моделям. Среди двухсимвольных фразеологизмов есть группа исконно японских слов, а также западных заимствований, в графической фиксации которых используются устойчивые идеографические сочетания китайских иероглифов, называемые японскими исследователями 熟字訓 *дзюкудзикун* – «иероглифические идиомы» [17] (подробнее – в первом разделе этой статьи).

Original article

Two-character phraseological compounds in contemporary Japanese

Alexander S. Dybovsky¹, Marina V. Shchepetunina²

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

² Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department, Professor Emeritus of Osaka University, dybovskii.as@dvfu.ru

² PhD in “Language and Culture”, Lecturer of Kyoto Sangyo University, a007168@cc.kyoto-su.ac.jp

Abstract. In this article, we investigate the structure and semantic properties of bi-character phraseological units in modern Japanese, employing structural-semantic, etymological, and functional analysis methods. We elucidate their "inner form" as per A.A. Potebnja's concept, alongside their structural and semantic attributes and functional-syntactic properties. These units constitute the most extensive and understudied category of proto-Chinese phraseologies in contemporary Japanese. The authors delineate the principal ways of idiomatization of these units, their fundamental structural types, and their functional-semantic classes, aligning them with various parts of speech. The mechanisms of metaphorization of meanings of these bi-character proto-Chinese phraseological units are analyzed from the perspectives of cognitive linguistics and G. Lakoff and M. Johnson's theory of conceptual metaphor.

Key words: two-character phraseological units, structural types of two-character phraseological units, metaphorization as a means of idiomatization of meaning, inner form of two-character phraseological units, two-component ideographic idioms, functional-semantic classes of two-character phraseological units, grammar of bi-component proto-Chinese phraseological composites

For citation: Dybovsky A.S., Shchepetunina M.V. Two-character phraseological compounds in contemporary Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 81–118. (In Russ.).

Введение

Фразеологизмами мы называем сложные языковые единицы, значение которых в той или иной степени идиоматично. Вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским будем считать, что базовыми факторами идиоматичности значения языковой единицы являются: 1) переинтерпретация исконного значения компонентов словосочетания, то есть наличие семантических сдвигов в значении хотя бы одного из компонентов; 2) непрозрачность значения (неясность правила порождения значения, отсутствие одного или нескольких компонентов этого выражения в лексической системе языка, неясность грамматической формы) и 3) усложнение способа указания на денотат в результате метафоризации выражения или его переносного употребления; «выражение является идиоматичным, если в нём обнаруживается один из перечисленных факторов или любая их комбинация» [2, с. 44–45]. В японской лингвистической литературе для обозначения фразеологизмов протокитайского слоя лексики обычно используется термин дзюкуго (熟語 – букв. «созревшие слова» → «идиоматические выражения»; см. [5, с. 72–73]). Так как двухсимвольные фразеологизмы обычно не принимаются во внимание в контексте изучения фразеологии японского языка, то считается, что в японском языке в количественном отношении преобладают четырёхсимвольные протокитайские фразеологизмы [4,

с. 3]. Четырёхсимвольных сложных лексем в японском языке несколько тысяч, и структурно-грамматически они могут представлять собой даже простое или сложное предложение, этимологически состоящее из четырёх одноморфемных слов классического китайского языка *вэньяня*¹, каждое из которых записывается при помощи отдельного иероглифа и является структурным элементом фразеологизма. Указанная особенность относится и к двухсимвольным канго. Каждый компонент их структуры этимологически связан с отдельным словом *вэньяня*. Грамматические отношения протокитайских компонентов канго актуальны не только для китайского, но и для современного японского языка. При этом значения двухкомпонентных протокитайских сложных слов обладают различной степенью идиоматичности, и они, конечно же, никак не уступают в количественном отношении четырёхсимвольным китаизмам, так как именно двухсимвольные канго абсолютно преобладают в составе протокитайской лексики современного японского языка. А их корпус исчисляется несколькими десятками тысяч лексем.

При подходе к протокитайской лексике японского языка с точки зрения фразеологии весь массив двухсимвольных канго можно подразделить на следующие два класса лексем:

1. Двухсимвольные канго с совершенно прозрачной «внутренней формой» без существенных семантических сдвигов в значениях компонентов, прямо соответствующих значениям используемых для написания того или иного китаизма иероглифов, например: 大國 *тай-коку* – букв. «большая страна» (大 «большой»; 國 «страна, государство»); 少女 *сё:дзё* – «девушка», «девочка»; букв. «маленькая женщина» (少 «маленький, малый»; 女 «женщина»); 船長 *сэнтё:* – «капитан»; букв. «главный на корабле» (船 «корабль, судно»; 長 «начальник, глава»); 王 *о:дзи* – «принц»; букв. «сын короля» (王 «король»; 子 «ребёнок»); 戰鬥 *сэнто:* – «бой», «сражение», «битва»; букв. «война и борьба» (戰 «война, сражение»; 鬪 «борьба, битва»); 建築 *кэнтику* – «архитектура», «строительство»; букв. «строить и возводить» (建 «строить, возводить»; 築 «строить, сооружать»); 見物 *кэмбуцу* – «осмотр достопримечательностей», «экскурсия»; букв. «смотреть на вещи» (見 «смотреть»; 物 «вещи, объекты») и т. д.

2. Двухсимвольные канго с непрозрачной (не совсем прозрачной) внутренней формой, в значении которых обнаруживаются те или иные описанные выше признаки идиоматичности, например: 長所 *тё:сё* – «сильная сторона, достоинство»; букв. «длинное место» (長 «длинный»; 所 «место»); 熟語 *дзюкуго* – «составное слово», «идиома»; букв. «спелое, созревшее слово» (熟 «созревший, хорошо развитый»; 語 «слово, речь»); 遊女 *ю:дзё* – «куртизанка»; букв. «играющая женщина» (遊 «играть, развлекаться»; 女 «женщина»); 天子 *тэнси* – «император»; букв. «небесный сын» (天 «небо»; 子 «сын»); 別嬪 *бэппин* – «красавица»; букв. «особенная императорская наложница» (別 «особенный»; 嬪 *арх.* «императорская наложница (обладавшая придворным рангом»); 家内 *канай* – «жена»; букв. «внутри дома» (家 «дом, семья»; 内 «внутри»). Среди китаизмов этого типа немало историзмов, например: 臣下 *синка* – «подданный», «вассал»; букв. «находящийся под властью господина» (臣 *оми ист.* «наследственный аристократический титул в государстве Ямато»; 下 «низ, под», «некто, находящийся в подчинении»); 幕府 *бакуфу* – «сёгунат»; букв. «штаб палатки» (幕 – «палатка, занавес»; 府 – «правительствен-

¹ *Вэньянь* (кит. 文言 *wényán*) – это классический китайский письменный язык, который «начал складываться на рубеже н. э. на основе классических текстов V–III вв.» [8, с. XI] и просуществовал в Китае до начала XX века. К началу нашей эры *вэньянь* стал языком китайской науки и философии, юриспруденции, официальной документации.

ное учреждение»); 奉行 *бугё*: – «префект, управляющий»; «правительственный чиновник, в период Эдо»; букв. «исполняющий долг» (奉 – «преподносить», 行 – «исполнение»).

В этой статье предметом анализа являются двухсимвольные *канго* второго типа, то есть протокитайские двухсимвольные фразеологические композиты (далее П2ФК) современного японского языка. В качестве методов исследования используются структурно-семантический, этимологический и функциональный анализ. **Цель этой публикации** состоит в том, чтобы показать не описывавшиеся ранее в нашей стране особенности японской фразеологии, а также глубокую укоренённость в японской лингвокультуре протокитайских идей и концептов. Мы описываем структурные и семантические свойства П2ФК, исследуем особенности интеграции составных элементов фразеологизмов в составе сложного слова, выявляя их «внутреннюю форму» [9, с. 160], обращаемся к их этимологии. **Важнейшими задачами** этой публикации являются также выяснение особенностей речевого функционирования и места двухсимвольных фразеологизмов в лексической системе японского языка, анализ механизмов фразеологизации (идиоматизации) П2ФК японского языка.

«Внутренняя форма» вслед за А.А. Потебнёй понимается как «ближайшее этимологическое значение слова» [9, с. 160] и «форма организации значения» фразеологизма [10, с. 191]. В протокитайских фразеологизмах японского языка она (внутренняя форма) во многих случаях выявляется в буквальном прочтении исходных значений иероглифов, при помощи которых соответствующие протокитайские фразеологизмы записываются. Многие протокитайские фразеологизмы японского языка связаны с историей китайской культуры и нередко представляют собой своеобразные «послания из прошлого», неразрывно связанные с китайской иероглифической графикой, корпус которой выходит далеко за рамки иероглифических лимитов, введившихся в Японию после Второй мировой войны [7].

Рис. 1. 杞憂

П2ФК – органическая часть китаизмов японского языка. Функционально они не отличаются от прочих двухкомпонентных (двухсимвольных, двухморфемных) канго, но обладают одним или несколькими признаками идиоматичности. Рассмотрим несколько примеров:

1) 杞憂 *кию*: – «напрасные опасения, беспочвенные страхи»; 杞 *ки* – «Царство Ци» (аллюзия на древнюю китайскую легенду о человеке, которому казалось, что на него вот-вот обрушится небо), 憂 *ю*: – «тревога, беспокойство»; грамматически 杞 *ки* – определение, 憂 *ю*: – определяемое;

2) 放胆 *хо:тан* – «смелость, решительность»; 放 *хо*: – «отпускать, освобождать», 胆 *тан* – «печень»; грамматически 放 *хо*: обозначает действие, 胆 *тан* – объект действия (прямое дополнение);

3) 斯界 *сикай* – *кн.* «данная область (знаний), данная специальность»; 斯 *си* – «этот», «данный»; 界 *кай* – «граница», «пределы»; грамматически 斯 *си* – определение, 界 *кай* – определяемое;

4) 當々 *эйэй* – «усердие, прилежание»; 當 *эй* – «управлять, трудиться»; грамматически копулятивная связь двух равноправных компонентов – 當 *эй* в составе двухморфемного канго (словообразовательная редупликация).

В первом примере (杞憂 *кию:*) идея беспочвенного беспокойства выражается при помощи отсылки к переживаниям подданного древнекитайского царства Ци (XVI в. до н. э. – 445 г. до н. э.), который жил более двух тысяч лет назад (Рис. 1), что является явным «усложнением способа указания на денотат» [2, с. 45], о котором говорилось выше в определении идиоматичности. При этом сам иероглиф 杞 непродуктивен и практически не употребляется нигде, кроме описанного П2ФК (вспомните «бирюльки», «баклуши», невидимые «зги» русского языка).

Во втором примере (放胆 *хо:тан*) смелость и решительность описываются при помощи глагольной конструкции вэньяня, которую буквально можно перевести на русский язык как «отпустить печень», то есть «дать волю своей храбрости» (Рис. 2). Известно, что древние китайцы считали печень вместилищем храбрости, и мы опять имеем значительное «усложнение способа указания на денотат», то есть явные признаки идиоматичности значения двухкомпонентного китаизма.

Рис. 2. 放胆

В третьем примере (斯界 *сикай*) происходит переинтерпретация значения слова 界 (*кай* – «граница»), которое из пространственно-физического контекста переносится в интеллектуально-профессиональную сферу. И, кроме того, 界 (*кай*) определяется непродуктивным иероглифом 斯 (*си*), то есть, строго говоря, не иероглифом, а архаичной морфемой, которая этим иероглифом обозначается.

В четвёртом примере (営々 *эйэй*) перед нами копулятивное сочетание двух элементов (этимологически двух слов вэньяня), которое по нормам китайской грамматики призвано создавать образное выражение, близкое к ономотопам. Поэтому это слово обычно используется в современном японском языке в функции приакцидентного определения, описывающего действительность образно. Корпус Тюнагон [18] даёт нам 76 иллюстраций такого использования. Приведём примеры:

私たちは、営々と努力を重ねて人と人とのつながりが希薄であっても生きていける社会を作上げた *Ватаситати ва, эйэй то дорёку о касанэтэ, хито то хито то но цунагари га кихаку дэ аттэ мо икитэ икэру сякай о цукуруагэта* – «Трудясь не покладая рук, мы создали общество, в котором можно жить, даже при том, что связи между людьми ослабли» [中納言];

人間はやがて死を迎えることを承知しながら、営々と努力を続けているわけです *Нингэн ва ягатэ си о мукаэру кото о сё:ти синагара, эйэй то дорёку о цудзукэтэ иру вакэ дэс* – «Даже осознавая, что он скоро умрёт, человек продолжает трудиться не покладая рук» [中納言].

Как видим, во всех приведённых примерах П2ФК обнаруживаются признаки идиоматичности. Ещё менее прозрачные П2ФК мы обнаружим, если обратимся к буддийским терминам, которые пришли в Японию через Китай в иероглифической графике (Рис. 3). Приведём ещё несколько примеров:

5) 真言 *сингон* – буд. «мантра»; 真 *син* – «истинный, настоящий», 言 *гон* – «слово, речь»; грамматически определение и определяемое;

6) 無明 *мумё:* – буд. «неведение, иллюзия»; 無 *му* – «без, не» (показатель отрицания), 明 *мё:* – «свет»; грамматически отрицание наличия предмета;

Рис. 3. Буддизм в Японии

7) 三昧 *саммай* – буд. «самадхи, медитативный транс (*санскр.* samādhi¹)»; *перен.* «поглощённость чем-либо»; 三 *сан* – «три», 昧 *май* – «неясный, тёмный»; грамматически атрибутивные отношения;

8) 涅槃 *нэхан* – буд. «нирвана, просветление»; 涅 *нэ* – *арх.* «тёмный (чёрный) осадок со дна водоёма (который использовался для получения чёрной краски)», 槃 *хан* – «тарелка»; «сворачиваться, скручиваться»; грамматически не интерпретируется однозначно.

В пятом примере (真言 *сингон*) буддийское понятие «мантра» передаётся в иероглифической записи как «истинное слово», в шестом (無明 *мумё:*) «неведение», которое в буддизме объявляется корнем всех страданий и препятствием на пути к просветлению, изображается как «отсутствие света». В седьмом и восьмом примерах иероглифы не имеют объяснительного смысла и не дают оснований для понимания сложных буддийских понятий, так как, по всей вероятности, используются фонетически. Однако их фонетическое использование не лишает соответствующие иероглифы исконных системных значений, которые становятся элементами «внутренней формы» пришедших в японский язык заимствований, делая выражение непрозрачным и усложняя способ указания на денотат (см. подробнее в следующем разделе).

Далее мы рассмотрим средства идиоматизации П2ФК, опишем их структурные типы и функционально-семантические классы (принадлежность к частям речи).

1. Метафоризация и другие пути формирования двухсимвольных фразеологизмов

В этом разделе статьи мы рассматриваем основные пути идиоматизации значений двухсимвольных канго современного японского языка, а именно метафоризацию, переинтерпретацию значений компонентов П2ФК, а также символизм так называемых «подставленных» иероглифов – атэдзи.

1.1 Метафоризация как средство идиоматизации значений П2ФК

Метафоризация является наиболее распространённым способом создания П2ФК. В процессе метафоризации, как отмечает А.Н. Баранов в предисловии к переводу книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» [3, с. 9], происходит взаимодействие «двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain)». В процессе метафоризации некоторые области вышеупомянутой «цели» структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или «когнитивное отображение» (cognitive mapping)». Если речь идёт о фразеологизме, то этот процесс может происходить как на уровне отдельных компонентов, так и на уровне фразеологической единицы, значение которой обычно не сводится к сумме значений её конструктивных компонентов.

Фразеологизмы обладают различной степенью идиоматичности. При их создании значение одного или нескольких компонентов (либо всего выражения) переносится с исходного домена на целевой. Обычно значения целевого домена более абстрактны, чем исходного. Согласно концепции В.Н. Телия, «фразеологизмы возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпиричес-

¹ *Самадхи* – это состояние глубокой концентрации, являющееся одним из важнейших аспектов буддийской медитации. Этот термин обозначает состояние полного освобождения от страданий и цикла перерождений (*сансара*) в буддизме.

кий, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который, безусловно, связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [10, с. 214].

В когнитивной лингвистике метафора рассматривается как феномен, который проявляется во всех аспектах повседневной жизни и влияет не только на язык, но и на мышление и поведение людей. Это означает, что наша система мышления в значительной степени зависит от метафор [12, с. 4–5]. С этой точки зрения понимание метафор связано с пониманием языковой картины мира. Считается, что культурные особенности концептов, описанных метафорически, часто укоренены в культурных знаниях, которые носители языка усваивают через мифологию, религию, литературу и другие аспекты культуры [1, с. 398–399]. Процессы концептуализации и метафоризации обладают своими особенностями в каждом языке.

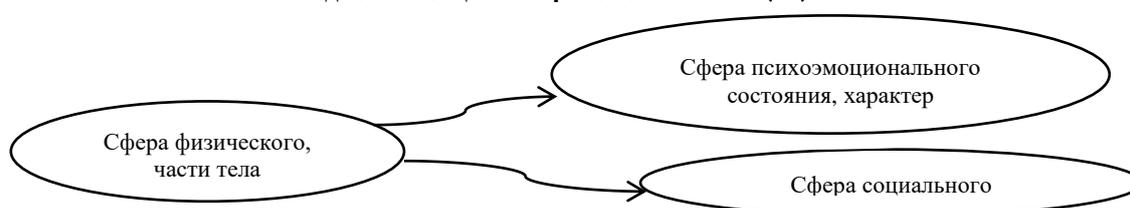
В корпусе П2ФК японского языка обнаруживаются как фразеологизмы, в которых сфера-источник названа напрямую (например, 虎穴 *кокэцу* – *кн.* «логово тигра»; 虎 *ко* – «тигр»; 穴 *кэцу* – «яма», в значении «опасное место», основа сравнения прозрачна – место такое опасное, как логово тигра), так и П2ФК, в которых сравнение не столь прозрачно, а сфера-источник и сфера-цель формируют концептуальную метафору, например 迷走 *мэйсо*: – «сбиться с дороги, блуждать»; «бежать», в значении «заблудиться» как в прямом, так и в переносном значении. Употребление этого П2ФК в переносном значении обуславливается восприятием жизни человека как пути и интерпретацией этого абстрактного концепта через физическое движение.

Лакофф и Джонсон возводят значение многих метафор к эмпирическому телесному опыту. Так, например, абстрактное понятие жизни человека может описываться при помощи лексики семантического поля физического движения человека. Как в английском, так и в русском и в японском языках распространены такие онтологические метафоры, как «Жизнь – это путь, путешествие», «Жизнь – это борьба». И, соответственно, во всех трёх языках существует ряд фразеологизмов, восходящих к этим концептуальным, как их назвали Лакофф и Джонсон [12, с. 5], метафорам. Следует отметить, что перенос значений с одного семантического поля на другое может основываться как на принципе метафоры (сравнения на основе сходства одного или нескольких признаков явлений), так и на принципе метонимии. Концептуальные метафоры рассматриваются нами как инструменты мышления, которые позволяют структурировать значения и являются продуктивными, то есть в рамках одной концептуальной метафоры возникают новые словосочетания, ею обусловленные.

Согласно позиции Лакоффа и Джонсона, человеческое тело служит основой для многих концептуальных метафор. Части тела используются как отправные точки для описания сложных абстрактных понятий. Это связано с нашей телесной сущностью и с тем, что мы ощущаем и познаём мир через физический опыт непосредственно с самого рождения.

Обратимся к примерам переноса значений из конкретной сферы понятий, относящихся к телу человека, на абстрактное поле его психической и социальной деятельности в П2ФК.

Идиоматизация – перенос значений (1)

Рассмотрим несколько концептуальных метафор, к которым восходит ряд П2ФК, содержащих иероглифы со значением «сердце», «живот», «рука» и «нога».

Концептуальная метафора «Сердце – эмоциональный центр человека»

Приведём примеры П2ФК, обусловленных этой метафорой:

1) 腐心 *фусин* – «мучиться над чем-то, ломать голову»; 腐 *фу* – «гнить»; 心 *син* – «сердце». В этом фразеологизме концепт 腐 *фу* обозначает состояние (изношенность или разложение), а 心 *син* – то, что находится в этом состоянии (внутренние усилия, напряжение). Используется принцип метонимии: концепт «сердце» символизирует эмоции или внутренние переживания человека, связанные с чрезмерным напряжением. Пример употребления: 健全な財務体質の維持に腐心する *Кэндзэнна дзайму тайсицу но идзи ни фусин суру* – «Прилагать невероятные усилия для поддержания стабильного финансового положения» [中納言];

2) 苦心 *кусин* – «старание, усилие, беспокойство»; 苦 *ку* – «страдание»; 心 *син* – «сердце». Концепт 苦 *ку* обозначает состояние страдания, а 心 *син* – то, что страдает (душа). Выражение построено на метонимии: сердце здесь – сосредоточие внутренних переживаний от усилий или борьбы. Пример употребления: 十四年の長い年月を苦心されて出来上がった御絵 *Дзю:ёнэн но нагай нэнгэцу о кусин сарэтэ дэкиагатта оэ* – «Картина, созданная с большим трудом за долгие четырнадцать лет» [中納言];

3) 心配 *симпай* – «беспокойство, волнение, забота»; 心 *син* – «сердце»; 配 *хай* – «распределять». Концепт 心 *син* указывает на источник эмоции (беспокойство), а 配 *хай* – на действие (проявление заботы, переживание). Сердце здесь метонимически связано с состоянием беспокойства, так как считается, что эмоции исходят из сердца. Пример употребления: 「医者を呼びましょう」警官は心配してくれた *«Ися о ёбимасё:» кэйкан ва симпай ситэ курэта* – «"Давайте позовём врача", – проявил беспокойство полицейский» [中納言];

4) 心願 *синган* – «желание, идущее из сердца»; 心 *син* – «сердце»; 願 *ган* – «желание, просьба». Концепт 心 *син* – «сердце» обозначает источник желания, а концепт 願 *ган* – просьбу или пожелание. Концепт «сердце» используется метонимически. Он указывает на искренность и глубину человеческого желания. Пример употребления: 心願成就を祈う *Синган дзё:дзю о инору* – «Молиться об исполнении заветного желания» [中納言].

В вышеприведённых П2ФК концепт «сердце» связан с внутренним состоянием человека (переживания, желания, тревога). Он используется метонимически для выражения чувства или душевного состояния человека, которые как бы исходят из этого «внутреннего эмоционального центра» личности. В японском языке много выражений, в которых концепт «сердце» является конструктивным компонентом П2ФК, так или иначе передающих состояние страдания или беспокойства.

Концептуальная метафора «Живот –местилище эмоций»

В некоторых двухсимвольных фразеологизмах концепт 腹 *фуку* – «живот» символически используется как место, где «хранятся» или «накапливаются» психические состояния человека – эмоции, желания, намерения или даже моральные качества. Попутно заметим, что в

русской лингвокультуре концепт «живот» обычно воспринимается как сосредоточие жизни (ср. «Не жалея живота своего»). Рассмотрим примеры:

1) 満腹 *мампуку* – «сытость»; 満 *ман* – «наполненный, полный»; 腹 *фуку* – «живот». Концепт 満 *ман* в данном случае указывает на состояние наполненности, а 腹 *фуку* – на место локализации указанного состояния (живот). Метафорически П2ФК обозначает насыщенность не только физическую, но и эмоциональную или духовную. Здесь используется метафора-сравнение: наполненный пищей живот символизирует удовлетворение (не обязательно связанное только с едой). Пример употребления: かなり満腹感があります *Канари мампуку кан га аримас* – «Есть большое чувство насыщения» [中納言];

2) 腹蔵 *фукудзо*: – «скрытые мысли, намерения»; 腹 *фуку* – «живот»; 蔵 *дзо*: – «хранить». Концепт «живот» здесь представляется вместилищем, в котором хранятся эмоции, мысли или намерения личности. Пример употребления: 愛想笑いでニヤニヤして腹蔵を隠す *Айсо: вараи дэ нияния ситэ фукудзо: о какусу* – «Прятать свои истинные намерения за притворной улыбкой» [中納言];

3) 立腹 *риппуку* – «гнев, ярость»; 立 *рицу* – «стоять, вставать»; 腹 *фуку* – «живот». Концепт 立 *рицу* – «стоять», «вставать» обозначает действие (вставание), а 腹 *фуку* – образно передает место локализации эмоций (гнев, как бы находящийся в животе). Пример употребления: 何に対して立腹しているのか? *Нани ни тайситэ риппуку ситэ иру но ка?* – «Что вызвало такой гнев?» [中納言].

В П2ФК 満腹 *мампуку* или 腹蔵 *фукудзо*: концепт «живот» служит вместилищем, в котором могут быть как пища, так и эмоции. В 立腹 *риппуку* «живот» связан с внутренним миром человека – чувствами, эмоциями, скрытыми намерениями.

Метафоризация понятий «сердце» и «живот» имеет общие черты. Оба концепта используются как исходный домен для описания психологического состояния человека. При этом в вышеприведённых примерах концепт «сердце» больше воспринимается как «страдающая душа» или центр возникновения эмоций, а «живот» – как вместилище чувств, намерений и скрытых качеств человека.

В японском языке есть также П2ФК, совмещающий в себе эти два концепта:

4) 腹心 *фукусин* – «доверенное лицо»; 腹 *фуку* – «живот»; 心 *син* – «сердце», «душа». Протокитайский концепт 腹 *фуку* здесь символизирует внутреннюю близость, а 心 *син* уточняет связь на уровне чувств и ощущений. Концепт «живот» при этом ассоциируется с внутренней близостью и искренностью. Пример употребления: 社長の腹心の部下たち *Сятё: но фукусин но букатати* – «Доверенные лица из ближнего круга президента компании» [中納言].

Концептуальная метафора «Рука – инструмент действия»

Эта метафора базируется на физическом опыте, в котором руки воспринимаются как основное средство взаимодействия человека с окружающим миром, предназначенное для выполнения актуальных задач и достижения поставленных целей. Рассмотрим примеры:

1) 着手 *тякюсю* – «начать, приступить»; 着 *тяку* – «начинать, надевать»; 手 *сю* – «рука». Концепт 着 *тяку* обозначает начало действия, а 手 *сю* используется для обозначения субъекта действия; в данном случае подразумеваются «руки», которые начинают работу. Концепт

«рука» здесь метонимически обозначает актора производимых действий. Пример употребления: 具体的な法案の作成に着手したい *Гутайтэкина хо:ан но сакусэй ни тякюсю ситай* – «Хочу приступить к разработке конкретного законопроекта» [中納言];

2) 手段 *сюдан* – «средство, метод»; 手 *сю* – «рука»; 段 *дан* – «шаг, ступень». Концепт 手 *сю* символизирует средства, а 段 *дан* – последовательность или этапы действий. Концепт «рука» используется здесь метонимически для обозначения инструментов или методов достижения цели. Пример употребления: 電話は、最も身近で手軽なコミュニケーションの手段です *Дэнва ва, моттомо мидзика дэ тэгаруна комюникэ:сён но сюдан дэс* – «Телефон – это самый доступный и удобный способ коммуникации» [中納言];

3) 助手 *дзёсю* – «помощник, ассистент»; 手 *сю* – «рука»; 助 *дзё* – «помощь, поддержка». Концепт «рука» используется метафорически, обозначая непосредственную помощь или выполнение задач под руководством другого человека. Пример употребления: 研究助手をつとめる大学院生 *Кэнкю: дзёсю о цутомэру дайгаку инсэй* – «Аспирант, работающий научным ассистентом» [中納言].

В рассмотренных примерах концепт «рука» выступает как средство обозначения акторов, инструментов или способов совершения действия. Это изначально обусловлено функциональной ролью рук человека в реальной жизни, ведь именно руки являются важнейшим инструментом нашего взаимодействия с миром.

Концептуальная метафора «Нога как способ достижения цели»

Рассмотрим примеры:

1) 満足 *мандзоку* – «удовлетворение»; 満 *ман* – «наполнять, полный»; 足 *соку* – «нога» (здесь – «достаточность»). Здесь концепт 満 *ман* указывает на состояние полноты, а 足 *соку* обозначает достаточность чего-либо, связанного с завершением движения. Концепт «нога» ассоциируется с завершением движения или действия. Когда «ноги» завершают путь, это символизирует достижение цели или достаточность совершённого действия. Пример употребления: これではみなさんに満足してもらえる *Корэ дэ миначан ни мандзоку ситэ мораэру* – «Теперь все должны остаться довольны» [中納言];

2) 補足 *хосоку* – «дополнение»; 補 *хо* – «добавлять, дополнять»; 足 *соку* – «нога» (здесь – «недостающее»). Концепт 補 *хо* указывает на действие добавления, а концепт 足 *соку* обозначает недостающую часть (то, что нужно «добавить», чтобы завершить движение). Пример употребления: 答弁の補足があります *То:бэн но хосоку га аримас* – «Есть дополнение к ответу» [中納言];

3) 足跡 *сокусэки* – «след, отпечаток ноги»; «пройденный путь»; 足 *соку* – «нога»; 跡 *сэки* – «след». Концепт 足 *соку* выражает идею движения, а 跡 *сэки* – его результат (след на земле). «След от ноги» метафорически передаёт идею оставленного наследия, результатов работы или жизненного пути. Пример употребления: 「サイバネティックス」という分野を開き、大きな足跡を残したアメリカの数学者ノーバート・ウィーナー «*Сайбанэтиккусу*» *то цу бунъя о хираки, о:кина сокусэки о нокосита Амэрика но су:гакся Но:бато Уи:на:* – «Американский математик Норберт Винер, оставивший большой след, открыв область под названием «кибернетика»» [中納言].

В рассмотренных выше примерах понятие «нога» выступает как символ завершённости, недостающего элемента, результата, концептуализируется как средство достижения цели.

Проведённый анализ П2ФК показывает, что метафоризация частей тела человека служит важным инструментом формирования фразеологизмов. Концепты «сердце», «живот», «рука», «нога» становятся основой для формирования концептуальных метафор, позволяющих переносить физический опыт человека на сферу его психической, социальной и духовной деятельности.

Концепт «сердце» в П2ФК выступает в качестве эмоционального центра личности, метафорически выражая страдания, переживания и желания. Концепт «живот» символизирует вместилище эмоций и намерений, подчёркивая их скрытый или глубинный характер. Концепт «рука» отражает функциональную природу человеческой деятельности, метонимически обозначая действия, инструменты или способы достижения цели. Нога ассоциируется с процессом движения, выступая метафорой завершённости, достижения чего-либо, или прогресса.

Далее рассмотрим метафору «Жизнь – это путь», которая тесно связана с идеей движения, достижения целей и преодоления препятствий, находя своё отражение в ряде П2ФК. Метафоризация понятия «жизнь человека» через физическое движение характерна для многих лингвокультур, включая китайскую и японскую.

Концептуальная метафора «Жизнь – это путь»

Рассмотрим конкретные примеры:

1) 出発 *сюппацу* – «отправление, старт»; 出 *сюцу* – «выходить»; 発 *хацу* – «старт, отправление». Идея пространственного движения легко переносится в сферу социальной жизни, например: [会社は] 構成員の自己修養を出発点とする集団である [Кайся ва] *ко:сэйин но дзико сю:ё: о сюппацутэн то суру сю:дан дэ ару* – «[Компания – это] коллектив, который начинается с самосовершенствования его членов» [中納言];

2) 蹉跌 *сатэцу* – «спотыкание, неудача»; «падение»; 蹉 *са* – «спотыкаться»; 跌 *тэцу* – «падать», «оступаться». Физическое спотыкание метафорически может передавать идею жизненных трудностей или неудач, возникающих на пути к цели, например: 一歩ずつ着実に計画を進めなければ、思わぬ蹉跌が生じるかもしれない *Инпо дзуцу тякудзицу ни кэйкаку о сумэнакэрэба, омовану сатэцу га сё:dziру камосирэнэй* – «Если не реализовывать план пошагово, нас могут ждать непредвиденные неудачи» [中納言];

3) 突破 *топпа* – «прорыв, преодоление»; 突 *тоцу* – «столкнуться»; 破 *ха* – «ломать, разрушать». Образ преодоления физических препятствий переносится на интеллектуально-духовную сферу, например: さまざまな不如意を突破して *Самадзама но фунёи о топпа ситэ* – «Преодолев различные трудности» [中納言];

4) 進歩 *симпо* – «прогресс», «развитие»; 進 *син* – «двигаться вперёд»; 歩 *хо* – «шаг». 進 *син* обозначает действие (продвижение), а 歩 *хо* – его измерение (шаг как единица измерения

прогресса). Лексемы со значением пространственного перемещения используются для выражения абстрактного понятия «прогресс». このことは、ウイルス学の研究を大きく進歩させた *Коно кото ва, уирусугаку но кэнкю: о о:кику симпо сасэта* – «Это значительно продвинуло исследования в области вирусологии» [中納言];

5) 後退 *ко:тай* – «отступление, регресс»; 後 *ко:* – «назад»; 退 *тай* – «отступать». 後 *ко:* обозначает направление движения, а 退 *тай* – действие (отступление). Физическое движение назад выражает концепцию регресса: 韓国の価格競争力が年々後退している *Канкоку но какаку кё:со:рёку га нэннэн ко:тай ситэ иру* – «Ценовая конкурентоспособность Южной Кореи снижается с каждым годом» [中納言];

6) 迷走 *мэйсо:* – «блуждание, скитание»; 迷 *мэй* – «заблудиться, блуждать»; 走 *со:* – «бежать». Физическое движение используется для описания психологических переживаний: 今仕事探してますが、何に向いているのか見当もつかず迷走しています *Има сигото сага-ситэмас га, нани ни муйтэ иру но ка кэнто: мо цукадзу мэйсо: ситэ имас* – «Сейчас я ищу работу, но даже не представляю, что мне подходит, и нахожусь в замешательстве» [中納言].

Приведённые примеры показывают, что концептуальная метафора «Жизнь – это путь» занимает важное место в японском языке. Она лежит в основе целого ряда П2ФК. Представленные выше выражения описывают разные аспекты человеческой жизни при помощи лексем семантического поля физического движения – «начало пути», «продвижение», «преодоление препятствий», «отступление назад» или «блуждание».

Данная метафора чрезвычайно продуктивна в японской лингвокультуре, и приведённые примеры – лишь малая часть обширного массива фразеологизмов, восходящих к ней. Она используется для выражения как положительных, так и отрицательных событий жизни человека, таких как «продвижение» и «успех», «трудности» и «неудачи», состояние психологического комфорта или даже экзистенциального кризиса.

Эта метафора присутствует во многих языках, но может интерпретироваться по-разному. Так, например, для носителей английского языка описание жизни человека при помощи лексемы, относящейся к семантическому полю движения, может быть связано с идеей «путешествия» или «приключения», а в японской интерпретации концептуальной метафоры «Жизнь – это путь, движение» акцент чаще делается на упорстве, преодолении трудностей и обязательности движения вперёд [16]. Одна из причин данного явления – это различия ценностного содержания образующих концептуальную метафору концептов в разных лингвокультурах.

Обратившись к семантике и языковому функционированию вышеописанных фразеологизмов, мы показали принцип работы концептуальных метафор, передающих сложное абстрактное понятие через более простое и конкретное, как один из механизмов, лежащих в основе образования многих П2ФК. Мы дали краткое описание пяти концептуальных метафор, однако в современном японском языке существует немало других концептуальных онтологических метафор (например, «Хорошее вверху, а плохое внизу», «Чувства – нечто, имеющее температуру», и т. д. [19]), которые, несомненно, заслуживают дальнейшего изучения.

Концептуальные метафоры – это способ когнитивно-лингвистической сегментации действительности. Одни и те же когнитивные приёмы могут использоваться в разных слоях лексики японского языка. Мы показали примеры продуктивности когнитивных метафор как механизма создания П2ФК, однако те же самые когнитивные метафоры нередко являются ос-

новой метафорических сдвигов значения в исконно японских, а также в смешанных сложных словах. В устных и письменных стилях японского языка нередко встречается метонимический перенос значения концепта «рука» в различные сферы – обиходно-бытового или социально-делового общения, например: 先手 *сакитэ* – воен. «головной отряд, авангард»; 先手 *сэнтэ* – «первый ход» (в *го*, шахматах и т. п.), *перен.* «опережение»; 勝手 *каттэ* – «обстоятельства, условия»; «положение, порядки»; «собственное удобство»; «независимость»; *устар.* «кухня». Рассмотрим последний пример подробнее:

1) 勝手 *каттэ* – «собственное удобство»; «своеволие, произвол»; 勝 *кацу* – «побеждать»; 手 *тэ* – «рука». Концепт 勝 *кацу* обозначает победу или достижение, а 手 *тэ* – средство совершения действия. Концепт «рука» метонимически используется для обозначения средства или способа. Пример употребления: 勝手に入ってこないで。わたしのプライバシーを尊重してほしいわ *Каттэ ни хаиттэ конай дэ. Ватаси но пурайбаси: о сонтё: ситэ хосий ва* – «Не входи без разрешения. Я хочу, чтобы уважали моё личное пространство» [中納言].

Следующий пример сложного исконно японского слова относится к семантическому полю концептуальной метафоры «Живот –местилище эмоций»:

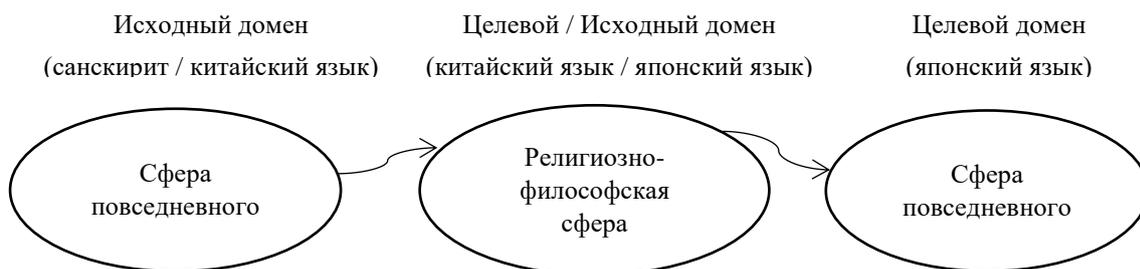
2) 腹黒 *харагуро* – «коварный, двуличный»; 腹 *хара* – «живот»; 黒 *куро* – «чёрный». Концепт 腹 *хара* метонимически указывает на внутренний мир человека, а 黒 *куро* символизирует тёмные, недобрые намерения. Концепт «живот» фигурирует здесь какместилище скрытых чувств или намерений (то, что человек «носит внутри»). Пример употребления: でも何だか腹黒い人になったわね、あの人 *Дэмо нан дака харагурой хито ни натта ва нэ, ано хито* – «Но что-то он стал каким-то коварным, не находишь?» [中納言].

Здесь перед нами исконно японское сложное слово, идиоматичность которого основывается на концептуальной метафоре «Живот –местилище эмоций».

В лексике современного японского языка имеет место симбиоз двух лингвокультур – исконно японской и протокитайской. Многие фразеологизмы, созданные китайским этносом, стали частью японской лингвокультуры. Некоторые из них были восприняты японской лингвокультурой в своём исходном значении, например: 満腹 *мампуку* – «удовлетворение», «сытость»; 蹉跌 *самэцу* – «падение», «неудача»; 虎穴 *кокэцу* – *кн.* «логово тигра». Другие пришли в японский язык как специальные термины, а затем получили новое дополнительное значение. При этом был осуществлён перенос значения из абстрактной сферы в более конкретную.

По словам Дж. Лакоффа, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [3, с. 10]. Нечто обратное происходит с рядом П2ФК, пришедших из китайской классической литературы, философии, дзэн-буддийских трактатов и ритуалов: «исходный домен» изначально принадлежит к сложным религиозным, философским, литературно-художественным идеям, а «целевой домен», как правило, относится к практике обыденного секулярного общения людей. Этот феномен является результатом взаимодействия лингвокультур. В этимологии многих подобных П2ФК можно выявить первоначальный перенос исходного значения слова из конкретной сферы в абстрактную в лингвокультуре возникновения фразеологизма, что происходило задолго до заимствования соответствующей лексемы японцами.

Идиоматизация – перенос значений (3)

Рассмотрим примеры:

① 因果 *инга* – буд. 1) «карма», «несчастливая судьба», 2) «несчастный», «кармический», 3) «причина и следствие»;

② 舍利 *сяри* – 1) буд. «мощи» (кристаллические образования, найденные в кремированных останках святого; *санскр.* śarīra); 2) «прах, пепел» (после кремации); 3) «рис для суши».

Первая лексема (因果), пришедшая в Японию как ключевое понятие буддийской кармической теории, стала употребляться в значении «причина и следствие»: ср. 因果關係 *инга-канкэй* – «причинно-следственные отношения». Изначальное значение в китайском языке 因 (*yīn*) – «причина, основа»; 果 (*guǒ*) – «плод (растения), результат».

Вторая лексема (舍利), связанная с буддийскими ритуалами кремации, стала использоваться для обозначений риса для *суши*, сдобренного уксусом и сахаром. Лексема восходит к санскритскому термину śarīra (शरीर), что буквально означает «тело», и до возникновения буддизма в санскрите это слово употреблялось в прямом значении «физическое тело».

Подобный переход религиозно-философской лексики в сферу языка повседневного общения характерен для некоторой части протокитайской лексики японского языка, и его механизмы и место в семантике японского языка подлежат отдельному изучению.

Мы показали, что метафоризация является одним из важных механизмов формирования и развития значений П2ФК современного японского языка. Концептуальные метафоры, отражающие связь между исходным и целевым доменами, не только способствуют структурированию значений, но и обеспечивают когнитивную доступность сложных понятий.

Концептуальные метафоры – «Сердце – эмоциональный центр», «Живот –местилище эмоций», «Рука – инструмент действия», «Нога – способ достижения цели», «Жизнь – это путь» – служат основой для формирования значительного числа фразеологизмов. А такие примеры, как 腐心 *фусин* – «ломать голову», 満腹 *мампуку* – «сытость, удовлетворение», 手段 *сюдан* – «средство» и 迷走 *мэйсо*: – «блуждание», иллюстрируют разнообразие целевых семантических полей переноса значений в процессе создания и идиоматизации П2ФК. Приведённые примеры представляют собой лишь небольшую часть объёмного корпуса японских фразеологизмов, восходящих к этим и другим метафорам, оставшимся за рамками нашей работы.

Метафоризация П2ФК японского языка может представлять собой как перенос конкретного обыденного опыта людей в абстрактную сферу (например, 蹉跎 *самэцу* – «ошибка, неудача»), так и обратный процесс метафорического переноса значений философских или религиозных терминов в сферу повседневного быта (например, *терм.* 舍利 *сяри* – «мощи», ставший средством обозначения риса для *суши*).

Как видим, метафоризация, основанная на эмпирическом опыте и культурных представлениях людей, является ключевым механизмом создания и сохранения П2ФК в японском языке. Процессы метафоризации языковых выражений способствуют формированию когнитивной картины мира, отражающей специфику японской лингвокультуры, а также её взаимодействие с китайской традицией.

1.2 Переинтерпретация значений канго

Массовая «переинтерпретация» исконного значения [2, с. 45] канго японского языка была предпринята японцами в эпоху Мэйдзи (1868–1912). В процессе модернизации японское общество осваивало достижения иудео-христианской цивилизации, используя в качестве орудия интерпретации понятий европейских языков вошедшие в обиход книжной речи китаизмы и создавая из китайских корней новые протокитайские слова, многие из которых были впоследствии приняты и китайцами. Было образовано не менее тысячи протокитайских лексических единиц [20], которые стали основой модернизированного общественно-политического и научно-философского общения, вошли во все дискурсы современной речевой коммуникации. При этом происходили семантические трансформации, подобные идиоматизации исходных протокитайских морфем. Приведём примеры:

- ① 恐竜 *кё:рю:* – *палеонт.* «динозавр» (恐 – «страшный», 竜 – «дракон»);
- ② 電気 *дэнки* – *физ.* «электричество» (電 – «молния», 氣 – «энергия», «дух»);
- ③ 原子 *гэнси* – *физ.* «атом» (原 – «источник», «основа», 子 – «дитя»);
- ④ 警察 *кэйсацу* – *общ.* «полиция» (警 – «предостерегать, охранять», 察 – «наблюдать, исследовать»);
- ⑤ 資本 *сихон* – *экон.* «капитал» (資 – «средства, ресурсы», 本 – «основа, корень»);
- ⑥ 経済 *кэйдзай* – *экон.* «экономика» (經 – *буд.* «сутра», «управлять», 濟 – «помогать», «приносить пользу»).

В каждом из примеров имеет место трансформация исходных значений одной или обеих протокитайских морфем. В первом примере (恐竜) для обозначения отсутствовавшего в японском словаре названия рептилии было применено калькирование двух греческих слов – δεινός (*deinos* – «страшный», «ужасный») и σαῦρος (*sauros* – «ящерица», «рептилия»). Если первое слово передаётся протокитайской морфемой (恐) точно, то для передачи значения второго была применена протокитайская морфема 竜 (龍), имевшая значение «дракон», то есть не реальное, а мифическое животное. Драконы в китайской и японской культурах, как известно, обычно ассоциируются с могуществом, силой и мистическими свойствами, что соответствовало представлениям о неизвестных японской науке динозаврах.

Во втором примере (電気) идея электричества передаётся сочетанием протокитайской морфемы со значением «молния» (電) и пришедшей из китайской философии морфемы 氣 со значениями «душа, характер, свойства характера»; «воля, психическая энергия, душевные силы». В третьем примере (原子 «атом») – сочетание морфем «основа, источник» (原) и «ребёнок» (子), позднее получившей также значение «частица».

В четвёртом примере (警察) идея гражданского управления – *πολιτεία* (*politeia*) – выражается сочетанием протокитайских корней: 警 – «предостерегать, охранять» и 察 – «наблюдать, исследовать». В последней паре примеров представлена интерпретация двух экономических по-

нятий. Идея капитала выражена сочетанием морфем 資 – «средства, ресурсы» и 本 – «основа, корень», а понятие «экономика» (經濟) – протокитайскими морфемами 經 – буд. «сутра», «управлять» и 濟 – «помогать», «приносить пользу», что довольно неточно передаёт исконные греческие этимоны – οἶκος (oikos) «дом», «домашнее хозяйство» и νόμος (nomos) «закон», «правило».

Как видим, в приведённых примерах происходит «переинтерпретация» значений протокитайских морфем. Метафоризация используется в создании многих терминов. Этот приём используется для ухода от протокитайской уникальности к универсальным понятиям формирующейся глобальной языковой культуры.

1.3 Символизм «подставленных» иероглифов (*атэдзи*)

В японском письменном языке существует культура «подставленных» иероглифов (*атэдзи*). Это метод использования иероглифической графики, возникший в Китае более 1000 лет назад. Он в первую очередь применялся для записи иностранных географических названий и имён собственных. Иероглифы обычно выбирались по принципу фонетического сходства с фиксируемым словом, иногда учитывались и семантические аспекты. Японские учёные и переводчики стали использовать *атэдзи* для записи иностранных терминов и имён ещё до реставрации Мэйдзи. Это было особенно важно для таких областей, как медицина, наука, философия и политика, где новые понятия требовали новой терминологии. Строго говоря, *атэдзи* подразделяются на три вида: 1) использование иероглифов как «фонетической транскрипции», фиксирующей при помощи звуковой оболочки иероглифов звучание иностранных слов; 2) нестандартное (произвольное и оригинальное) использование иероглифов для передачи смысла, например, для графической фиксации исконно японских или заимствованных слов обычно вне связи с их фонетическим обликом; 3) произвольные замены малоупотребимых (сложных для письма) иероглифов более простыми и употребимыми [14]. Рассмотрим подробнее первые два вида.

В эпоху Мэйдзи большое распространение имел первый вид *атэдзи*. Он активно использовался в процессе освоения японцами культуры Запада. Некоторые лексемы этого класса имеют отношение к П2ФК, например: 亜米利加合衆国 *Амэрика-гассю:коку* → 米国 *бэйко-ку* – «Соединённые Штаты Америки, США, Америка»; 阿蘭陀 *Оранда* – Голландия (*португ. Olanda; иначе 和蘭 Оранда*) → 蘭学 *рангагу* – *ист.* «голландские штудии» (изучение западных наук по голландским источникам в период Эдо). Эти примеры показывают, почему США в общественно-политическом дискурсе Японии нередко называется «Рисовой страной» (米国), а историзм «голландоведение» (蘭学) становится «наукой о хризантемах» (蘭 *ран* – «хризантема»). Дело в том, что фонетически использованные иероглифы не перестают быть идеографическими знаками. Например, слово «Россия» первоначально записывалось в средствах массовой коммуникации Японии как 魯西亜 *Росиа* → 魯国 *рококу* – «Россия». Однако, поскольку первый иероглиф (魯) мог иметь значение «глупый» (魯鈍 *на родонна* – «глупый, тупой, бестолковый»), МИД Российской империи якобы обратился к правительству Японии с нотой протеста, и иероглиф 魯 был постепенно заменён газетными издательствами на 露 *ро* – «роса», «капелька»: 露西亜 *Росиа* → 露国 *рококу* – «Россия» [15, с. 48].

Ко второй разновидности *атэдзи* относятся всевозможные случаи нестандартного смыслового использования иероглифов. Для нашей темы наиболее актуальны случаи графиче-

ческой фиксации при помощи двух иероглифов исконно японских или заимствованных слов. При этом создаётся дополнительный смысловой ряд, иллюстрирующий или даже интерпретирующий значение соответствующей лексемы при помощи значений иероглифических знаков. В результате закрепления в практике нестандартного использования иероглифов создаются устойчивые сочетания иероглифов (熟字), которые становятся дополнительными идеографическими маркерами соответствующих денотатов. При этом происходит идиоматизация сочетаний иероглифов. Приведём примеры:

- ① たび «носки» → 足袋 *таби* («нога» + «мешок»);
- ② えび «креветка» → 海老 *эби* («море» + «старый»);
- ③ おっと «муж» → 良人 *рё:дзин* («добрый» + «человек»);
- ④ おかみ «хозяйка» → 女将 *дзёсё:* («женщина» + «адмирал»);
- ⑤ タバコ «табак» → 煙草 *энсо:* («дым» + «травя») – букв. «дымная трава»;
- ⑥ ビール «пиво» → 麦酒 *бакусю* («пшеница» + «саке») – букв. «пшеничное саке»;
- ⑦ ウオッカ «водка» → 火酒 *касё* («огонь» + «саке») – «огненная вода»;
- ⑧ コーヒー «кофе» → 珈琲 *ко:хи:* (этимол. кит. 珈 *jiā* – «украшение для волос» + 琲 *fèi* – «жемчужные бусы»).

В первых трёх примерах представлены морфологически неделимые двухсложные слова японского языка. Для их фиксации на письме используются пары иероглифов, не связанные с фонетическим обликом обозначаемых на письме слов, но представляющие содержание последних в значении иероглифов. Первый пример (足袋) даёт наиболее простую и ясную интерпретацию значения исконно японского слова. Во втором примере (海老) сочетание концепта «море» с концептом «старый» на первый взгляд кажется неожиданным, но, по всей вероятности, концепт «старый» был призван передать скрученную форму креветки, мясо которой, по верованиям японцев, способствовало долголетию. Сегодня в Японии одним из компонентов новогоднего угощения *осэти-рё:ри* (お節料理) является варёная креветка, которую добавляют в блюдо с пожеланием долголетия, представленным образно как «дожить до таких лет, когда сторбишься подобно креветке».

В отличие от двух рассмотренных примеров иероглифическую графику третьего (良人) можно прочесть по *онному* чтению (*рё:дзин*), однако при этом мы получим значение «хороший человек», существенно отличающееся от исконного слова. В четвёртом примере (女将) исконно японское слово морфологически членимо: *оками* (*о* – префикс вежливости), однако структурные части не соотносятся со значением иероглифов по отдельности. Сочетание двух иероглифов даёт графическую интерпретацию целостного значения слова. Во всех примерах значения иероглифов дополняют значение фиксируемых ими японских слов, визуализируют значение средствами иероглифической графики. В примерах 5–7 подобным образом интерпретируется и визуализируется значение западных заимствований. А в последнем (восьмом) примере пришедшие из китайского языка иероглифы полностью утратили исконное значение, и мы имеем своего рода протокитайскую графическую идиому, нередко используемую в рекламе (См. Рис. 4). Имеются и другие графические идиомы, например, для графической

Рис. 4. Сеть кофеен Камисима в Японии

фиксации популярного японского блюда из сырой рыбы – *суши* (寿司) – используется сочетание иероглифов со значением «долголетие» (寿 *котобуки*) и «начальник» (司 *цукаса*).

Мы рассмотрели некоторые аспекты идиоматизации протокитайской лексики, связанные с практикой «подставленных» иероглифов – атэджи. В некоторых случаях в результате иероглифической записи исконно японской и заимствованной лексики возникали устойчивые сочетания иероглифов, семантическая интерпретация исходных лексем значительно усложнялась. Изначально за этим языковым явлением, по всей вероятности, стояло стремление грамотного населения Японии к протокитайской эlegantности языка. Китаизмы были стилистически выше, чем исконно японская лексика, поэтому у создателей письменной речи проявлялось стремление ввести исконно японскую лексику в систему иероглифической графики. В этом также можно увидеть языковое творчество японского народа, многие столетия жившего в мире иероглифической языковой культуры.

В двух следующих разделах этой статьи мы рассмотрим структурные особенности П2ФК, а также их функционально-семантические классы, то есть соотносённость П2ФК с категорией частей речи современного японского языка.

2. Структурные типы П2ФК

Двухкомпонентные *канго* современного японского языка подразделяются на следующие пять основных структурных типов, приведённые в Таблице 1 (подробнее см. [6, с. 51–53]).

Таблица 1

Структурная классификация двухсимвольных (двухкомпонентных) *канго* современного японского языка

№	Тип структурной модели	Примеры китаизмов японского языка
1.	Атрибутивная модель (первый компонент <i>канго</i> является определением ко второму)	和食 <i>васёку</i> – «японская еда», 海岸 <i>кайган</i> – «морское побережье», 動物 <i>до:буцу</i> – «животные», 漢字 <i>кандзи</i> – «китайские иероглифы», 園芸 <i>энгэй</i> – «садоводство», 新聞 <i>симбун</i> – «газета», 漢才 <i>кансай</i> – кн. «китайская учёность», 真言 <i>сингон</i> – буд. «мантра», 出口 <i>дэгути</i> – «выход»
2.	Копулятивная модель (сочинительная связь; компоненты <i>канго</i> сопологаются, находясь в равноправных отношениях)	男女 <i>дандзё</i> – «мужчины и женщины», 矛盾 <i>мудзюн</i> – «противоречие», 可否 <i>кахи</i> – «за и против (голоса, доводы и т. п.)», 上下 <i>дзё:гэ</i> «верх и низ», 善惡 <i>дзэнъаку</i> – «добро и зло», 老若 <i>ро:няку</i> – «старые и молодые», 鬪争 <i>то:со:</i> – «бороться» и «борьба», 生活 <i>сэйкацу</i> – «жить» и «жизнь»
3.	Глагольно-объектная модель (процессуальный компонент имеет прямое или косвенное дополнение, возможна конверсионная номинализация) 1) «действие – объект» (по грамматике <i>вэньяня</i>); 2) «объект – действие» (по грамматике японского языка)	1) 帰国 <i>кикоку</i> – «вернуться на родину» и «возвращение на родину», 増税 <i>дзо:дзэй</i> – «увеличивать налоги» и «увеличение налогов», 服務 <i>фукуму</i> – «выполнять служебные обязанности» и «выполнение служебных обязанностей», 育児 <i>икудзи</i> – «воспитывать детей» и «воспитание детей» 2) 心配 <i>симпай</i> – «беспокоиться» и «беспокойство», 詩作 <i>сисаку</i> – «сочинять стихи» и «сочинение стихов», 算出 <i>сансюцу</i> – «вычислять» и «вычисление»
4.	«Результативная» модель (первый компонент <i>канго</i>)	改良 <i>кайрё:</i> – «улучшать» и «улучшение», 減少 <i>гэнсё:</i> – «сокращаться» и «сокращение», 説明 <i>сэцумэй</i> – «объяснять» и «объясне-

	обозначает действие, а второй – его результат)	ние», 革新 <i>какусин</i> – «обновлять» и «обновление», 改善 <i>кайдзэн</i> – «усовершенствовать» и «усовершенствование»
5.	Субъектно-предикатная модель (компоненты <i>канго</i> соотносятся как субъект и предикат)	地震 <i>дзисин</i> – букв. «земля трясётся», 頭痛 <i>дзюцу</i> : – букв. «голова болит», 民主 <i>минсю</i> – букв. «народ – господин», 時短 (営業) <i>дзитан (эйгэ:)</i> – букв. «время короткое», т. е. (работа по) сокращённому графику (в период пандемии коронавируса)»

Поскольку П2ФК – органическая часть лексической системы современного японского языка, все вышеописанные разновидности структурных композиций *канго* можно обнаружить и в двухкомпонентных протокитайских фразеологизмах.

1. Атрибутивная модель:

① 家内 *канай* – «жена»; 家 *ка* – «дом», 内 *най* – «внутри»; грамматически 家 *ка* – определение, 内 *най* – определяемое;

② 豚兒 *тондзи* – «мой недостойный сын»; 豚 *тон* – «свинья», 兒 *дзи* – «ребёнок»; грамматически 豚 *тон* – определение, 兒 *дзи* – определяемое;

③ 英断 *эйдан* – «смелое решение», «решительность»; 英 *эй* – «выдающийся, героический», 断 *дан* – «решение, решимость»; грамматически 英 *эй* – определение, 断 *дан* – определяемое;

④ 達觀 *таккан* – «проницательность; «ясное представление о чём-л.»; «дальновидность»; 達 *тацу* – «достигать, достигший», 觀 *кан* – «взгляд, наблюдение»; грамматически 達 *тацу* – определение, 觀 *кан* – определяемое;

⑤ 佳境 *какё:* – «(самое) интересное место», «кульминация»; 佳 *ка* – «прекрасный, превосходный», 境 *кё:* – «граница, грань», «пределы»; грамматически 佳 *ка* – определение, 境 *кё:* – определяемое;

⑥ 腐心 *фусин* – «усилия, старания»; 腐 *фу* – «гнить, портиться», 心 *син* – «сердце, душа»; грамматически 腐 *фу* – определение, 心 *син* – определяемое;

⑦ 詭弁 *кибэн* – «софистика»; 詭 *ки* – «обман, хитрость», 弁 *бэн* – «речь, аргумент»; грамматически 詭 *ки* – определение, 弁 *бэн* – определяемое.

2. Копулятивная модель:

① 矛盾 *мудзюн* – «противоречие»; 矛 *му* – «копье», 盾 *дзюн* – «щит»; грамматически это копулятивное (сочинительное) словосочетание двух имён;

② 新銳 *синъэй* – «новатор, новейший, острый»; 新 *син* – «новый», 銳 *эй* – «острый, резкий»; грамматически – сочинительная связь двух качественных определений – 新 (*син*) и 銳 (*эй*);

③ 僭越 *сэнъэцу* – «превышение полномочий», «дерзость»; 僭 *сэн* – «присваивать, узурпировать», 越 *эцу* – «выходить за пределы»; грамматически – сочинительная связь двух глагольных предикатов – 僭 (*сэн*) и 越 (*эцу*);

④ 營々 *эйэй* – «усердие, прилежание»; 營 *эй* – «управлять, трудиться»; грамматически это копулятивная связь двух равноправных компонентов – 營 *эй* в составе двухморфемного *канго* (словообразовательная редупликация);

⑤ 訥々 *тоцутоцу* – «медленно, запинаясь, неуверенно»; 訥 *тоцу* – «медлительность, неуклюжесть»; грамматически здесь копулятивная связь двух равноправных компонентов – 訥 (*тоцу*) в составе двухморфемного *канго* (словообразовательная редупликация).

3. Глагольно-объектная модель:

① 放胆 *хо:тан* – «смелость, решительность»; 放 *хо:* – «отпускать, освобождать», 胆 *тан* – «печень»; грамматически 放 *хо:* обозначает действие, 胆 *тан* – объект действия (прямое дополнение);

② 断腸 *дантё:* – «душераздирающий, мучительный»; 断 *дан* – «разрывать, ломать», 腸 *тё:* – «кишки, внутренности»; грамматически 断 *дан* – предикат, 腸 *тё:* – объект (прямое дополнение);

③ 出色 *сюссёку* – «выдающийся, превосходный»; 出 *сюцу* – «выходить», «выпускать», 色 *сёку* – «цвет»; грамматически 出 *сюцу* – действие, 色 *сёку* – объект (прямое дополнение);

④ 散華 *сангэ* – «почётная смерть, уход из жизни в согласии с учением Будды»; 散 *сан* – «рассыпаться, разлетаться, распадаться», 華 *гэ* – «цветы (как символ прекрасного)»; грамматически 散 *сан* – предикат, 華 *гэ* – объект;

⑤ 心配 *симпай* – «беспокойство»; 心 *син* – «сердце», 配 *хай* – «распределение, распределять»; грамматически 心 *син* – объект, 配 *хай* – предикат;

⑥ 玉碎 *гёкусай* – «почётная (героическая) смерть»; 玉 *гёку* – «драгоценный камень», 碎 *сай* – «разрушение, гибель»; грамматически 玉 *гёку* – объект, 碎 *сай* – предикат.

4. Результативная модель и иные вариации последовательных действий¹:

① 蹉跌 *самэцу* – «неудача, провал»; 蹉 *са* – «спотыкаться», 跌 *тэцу* – «падать»; грамматически 蹉 *са* и 跌 *тэцу* – два сопологающихся предиката; второе действие является результатом первого;

② 承服 *сё:фуку* – «согласие, принятие»; 承 *сё:* – «принимать к сведению, быть осведомлённым», 服 *фуку* – «подчиняться»; грамматически здесь соположение двух предикатов: второе действие обусловлено первым;

③ 透徹 *то:тэцу* – «проницательность, ясность»; 透 *то:* – «проникать, проходить», 徹 *тэцу* – «доходить до конца»; грамматически это соположение двух предикатов; 透 *то:* обозначает действие, 徹 *тэцу* – его предельность;

④ 敷衍 *фуэн* – «распространение, разъяснение»; 敷 *фу* – «расстилать, расширять», 衍 *эн* – «распространять, развивать»; грамматически это соположение двух предикатов: 敷 *фу* обозначает действие, 衍 *эн* – продолжение и развитие первого действия;

⑤ 寄進 *кисин* – «дарение»; 寄 *ки* – «приближаться, приносить», 進 *син* – «продвигать, даровать»; грамматически 寄 *ки* и 進 *син* – два глагольных предиката, обозначающие последовательные действия.

¹ В ходе анализа примеров выяснилось, что результативная модель соединения глагольных компонентов ФПК является частным случаем более широкой категории последовательных действий, например: 回顧 *кайко* – «воспоминание»; 回 *кай* – «возвращаться», 顧 *ко* – «оглядываться, оборачиваться назад»; грамматически 回 *кай* и 顧 *ко* – два предиката, обозначающие последовательные действия. Вопрос требует дополнительного изучения.

5. Субъектно-предикатная модель:

① 尊大 *сондай* – «высокомерие, надменность»; 尊 *сон* – «почитание, уважение», 大 *дай* – «великий, большой»; грамматически 尊 *сон* – субъект, 大 *дай* – предикат (尊が大 → 自尊が大きい – «самолюбие большое»);

② 夭折 *э:сэцу* – «преждевременная смерть»; 夭 *э:* – «молодой, цветущий», 折 *сэцу* – «ломаться, прерываться»; грамматически 夭 *э:* – объект, 折 *сэцу* – предикат;

③ 知悉 *тисицу* – «полное знание, осведомлённость»; 知 *ти* – «знать», 悉 *сицу* – «всё, полностью»; грамматически 知 *ти* – субъект, 悉 *сицу* – предикат;

④ 漫然 *мандзэн* – «рассеянность»; 漫 *ман* – «бесцельный, расплывчатый», 然 *дзэн* – «такой, подобный»; грамматически 漫 *ман* – субъект, 然 *дзэн* – предикат;

⑤ 靈妙 *рэймё:* – «чудесный, мистический»; 靈 *рэй* – «дух, душа», 妙 *мё:* – «прекрасный, удивительный»; грамматически 靈 *рэй* – субъект, 妙 *мё:* – предикат.

3. Функционально-семантические классы П2ФК

П2ФК японского языка по своим функционально-семантическим параметрам подразделяются на следующие четыре грамматических категории, которые для наглядности представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Функционально-семантические классы (части речи) двухсимвольных протокитайских фразеологизмов современного японского языка

№	Функционально-семантические классы <i>канго</i> (части речи)	Подклассы <i>канго</i> и примеры П2ФК
1.	Именные П2ФК. Обычно используются в синтаксических позициях имён существительных, некоторые вербализируются, принимая <i>суру</i> , адъективируются, получая парадигму именных прилагательных (-на, -ни, дэ ару)	<p>a. Атрибутивные: 強記 <i>кё:ки</i> – «хорошая память», «способность к запоминанию»; 英斷 <i>эйдан</i> – «смелое решение», «решительность», 機知 <i>кити</i> – «находчивость, остроумие»; 佳境 <i>какё:</i> – «кульминация»;</p> <p>b. Копулятивные: 可否 <i>кахи:</i> – «за и против (<i>голоса, доводы и т. п.</i>)»; 矛盾 <i>мудзюн</i> – «противоречие»</p>
2.	Глагольные П2ФК. Могут быть предикативным компонентом высказывания, обычно принимают вербализатор <i>суру</i> , могут быть номинализированы, образуя конверсионные именные омонимы глагольных китаизмов	<p>a. Процессуально-объектные: 切腹 <i>сэппуку</i> – «делать харакири» и «харакири»; 立腹 <i>риппуку</i> – «злиться» и «злость»;</p> <p>b. Объектно-процессуальные: 心配 <i>симпай</i> – «беспокоиться» и «беспокойство»;</p> <p>c. Копулятивные: 顧慮 <i>корё</i> – «беспокоиться» и «беспокойство, опасение»; 恐悅 (<i>кё:эцу</i>) – «бояться» и «радоваться» → «ужасно обрадоваться» и «великая радость»;</p> <p>d. «Результативные»: 看破 <i>кампа</i> – «быть проницательным, прозорливым» и «проницательность, прозорливость»; 革新 <i>какусин</i> – «обновлять» и «обновление»; 突破 <i>топпа</i> – «прорывать», «преодолевать» и «прорыв, преодоление»</p>
3.	Адъективные П2ФК. Не могут быть вербализированы, не принимают <i>суру</i>	冗長 (<i>な</i>) <i>дзё:тё:</i> (-на) – «многословный»; 輕妙 (<i>な</i>) <i>кэймё:</i> (-на) – «лёгкий и изящный»; 放漫 (<i>な</i>) <i>хо:ман</i> (-на) – «распущенный, безответственный»

4.	Адвербиальные П2ФК. Не могут быть вербализованы, не принимают суру	泰然 (と) тайдзэн (-то) – кн. «спокойно; невозмутимо, уверенно»; 訥々 (と) тоцутцу (-то) – «медленно», «запинаясь», «нерешительно», «неуверенно»; 飄逸 (と) хэ:ицу (-то) – «изящно», «непринуждённо», «легко»
----	--	--

П2ФК не являются исключением в общей массе китаизмов японского языка. Они могут занимать различные синтаксические позиции в соответствии со своими имманентными свойствами. За многие годы синтаксическая система японского языка наделила протокитайскую лексику грамматическими категориями, которые изначально отсутствовали в *вэньяне*, откуда эта лексика пришла в японский язык. Однако во многих случаях характерная для *вэньяня* функционально-семантическая транзитивность протокитайской лексики, то есть способность одной и той же генетически лексемы функционировать в качестве разных частей речи, всё еще сохраняется.

3.1 Именные П2ФК

У каждого функционально-семантического класса протокитайской лексики японского языка есть центр – китаизмы, функционирующие исключительно в рамках данного класса лексики, и периферия – *канго*, представленные в виде омонимов, относящихся к разным частям речи протокитайских лексем. Например, следующие именные П2ФК функционируют исключительно в функции имён существительных:

- 1) 佳境 *какё:* – «наилучшее состояние, кульминация»; 佳 *ка* – «прекрасный», 境 *кё:* – «граница», «край, предел»; грамматически 佳 *ка* – определение, 境 *кё:* – определяемое;
- 2) 機知 *кити* – «находчивость, остроумие»; 機 *ки* – «механизм, момент», 知 *ти* – «знание, понимание»; грамматически 機 *ки* – определение, 知 *ти* – определяемое;
- 3) 英斷 *эйдан* – «смелое решение; решительные шаги; решительность»; 英 *эй* – «выдающийся, храбрый», 斷 *дан* – «прерывать», «суждение»; грамматически 英 *эй* – определение, 斷 *дан* – определяемое;
- 4) 英知 *эйти* – «глубокая мудрость, выдающийся ум»; 英 *эй* – «выдающийся, храбрый», 知 (*ти*) – «знание, понимание»; грамматически 英 *эй* – определение, 知 *ти* – определяемое;
- 5) 傀儡 *кайрай* – «марионетка»; 傀 *кай* – «гигант, монстр», 儡 *рай* – «кукла»; грамматически 傀 *кай* – определение, 儡 *рай* – определяемое;
- 6) 呵責 *касяку* – «упрёк, осуждение»; 呵 *ка* – «ругать, осуждать», 責 *сяку* – «ответственность, вина»; грамматически 呵 *ка* – определение, 責 *сяку* – определяемое.

Некоторые именные П2ФК могут иметь омонимы, относящиеся к другим частям речи. Приведём примеры:

- 1) 矛盾 *мудзюн* – «противоречие»; 矛 *му* – «копьё», 盾 *дзюн* – «щит»; грамматически это копулятивное (сочинительное) словосочетание.

Будучи именным копулятивным сочетанием протокитайских слов, 矛盾 стоит в ряду других имён существительных японского языка, имеющих аналогичную структуру, например, 男女 *дандзё* – «мужчины и женщины», 父母 *фубо* – «отец и мать», 兄弟 *кё:дай* – «братья», 姉妹 *симай* – «сёстры», 昼夜 *тю:я* – «день и ночь», 天地 *тэнти* – «небо и земля», 南北 *намбоку* – «юг и север», 年齡 *нэнрэй* – «возраст» и т. д. Однако, в отличие от всей этой и подобной

лексики, неспособной вербализоваться, существительное 矛盾 вербализуется, присоединяя суру, и в некоторых случаях может становиться омонимом соответствующего имени существительного, например:

つまり、資本主義経済は互いに矛盾した二つの傾向を生み出す *Цумари, сихонсюги кэйдзай ва тагаи ни мудзюн сита футацу но кэйко: о умидасу* – «Иными словами, капиталистическая экономика порождает два взаимно противоречащих друг другу тренда» [中納言];

すべてこれらの矛盾した解釈は三角形の形をしています *Субэтэ корэра но мудзюн сита кайсяку ва санкаккэй но катати о ситэ имас* – «Все эти противоречивые интерпретации имеют форму треугольника» [中納言];

個人間の関係においては、各人の有する自由と平等の権利自体が具体的な場合に相互に矛盾、対立する可能性がある *Кодзинкан но канкэй ни оитэ ва, какудзин но ю:суру дзю: то бё:до: но кэнри дзитай га гутайтэкина баай ни со:го ни мудзюн, тайрицу суру кано:сэй га ару* – «В межличностных отношениях права каждого человека на свободу и равенство могут в конкретных ситуациях вступать в противоречие и конфликтовать друг с другом» [Составлено носителем языка].

В примерах 1 и 2 вербализатор суру объективирует глагольные свойства рассматриваемого П2ФК, в третьем примере представлен глагольный омоним именной формы рассматриваемой протокитайской лексемы. Глагольные формы могут иметь и два следующих синонимичных именных П2ФК: 苦心 *кусин* – «усердие, старания», «напряжённая работа» и 腐心 *фусин* – «усилия, старания»¹. Приведём примеры:

2) 苦心 *кусин* – букв. «страдающее сердце» → «усердие, старания»; 苦 *ку* – «трудность, страдание», 心 *син* – «сердце, душа»; грамматически 苦 *ку* – определение, 心 *син* – определяемое.

苦心の作がようやく完成した *Кусин но саку га ё:яку кансэй сита* – «Наконец-то завершена работа, над которой (я) долго трудился» [ChatGPT]²;

彼女は苦心の末、見事な絵を描きあげた *Канодзё ва кусин но суэ, миготона э о какиагэта* – **Благодаря своим стараниям** она нарисовала прекрасную картину» [Составлено носителем языка];

苦心に苦心を重ねて練り上げたプロジェクトが成功した *Кусин ни кусин о касанэтэ нэриагэта пуродзэкуто га сэйко: сита* – «Проект, над которым **упорно трудились** и тщательно дорабатывали, увенчался успехом» [Составлено носителем языка];

…その汚名を返上するために苦心している *Соно омэй о хэндзё: суру тамэ ни кусин ситэ иру* – «(Он) **прилагает все усилия** для того, чтобы смыть это позорное клеймо» [ChatGPT];

最後の真剣勝負の場面も苦心しました *Сайго но синкэн-сё:бу но бамэн мо кусин сима-сита* – «Последняя сцена решающей схватки тоже **далась с большим трудом**» [中納言].

¹ В русском переводе не отразилось, но 苦心 (くしん) – это слово с более общим значением – «усилия», «старания», «напряжённая работа»; «приложение большого труда». Оно обычно имеет нейтральную или даже положительную коннотацию. 腐心 (ふしん) же – более эмоционально насыщенное слово, оно передаёт идею тревоги, внутреннего беспокойства, нервного напряжения при решении какой-то проблемы. 腐心 имплицитно передаёт ситуацию, когда человек «ломает голову», «переживает» из-за чего-то, и это может происходить в течение длительного времени.

² Все примеры, составленные искусственным интеллектом, проверены носителями языка.

Эти примеры иллюстрируют функционирование в японском языке протокитайской лексемы 苦心 и её глагольной версии, являющейся дериватом имени существительного. Первые три примера показывают обычное (исходное) именное использование слова 苦心, а примеры ④ и ⑤ отражают речевое функционирование глагольной реализации протокитайской лексемы 苦心, генетически связанной с именем существительным 苦心. В базе письменного японского языка «Гюнагон» из 315 случаев использования слова 苦心 вербальных форм чуть более трети, то есть именная форма является основной.

3) 腐心 *фусин* – «душевная боль» → «усилия и старания, вызванные глубокой озабоченностью»; 腐 *фу* – «гнить, разлагаться», 心 *син* – «сердце, душа»; грамматически 腐 *фу* – определение, 心 *син* – определяемое.

…朝廷の腐心のさまを読みとれよう *Тё:тэй но фусин но сама о ёмиторэё:* – «Представьте себе, как сильно двор ломал голову (над этой проблемой)» [中納言];

その都度この美味しい必需品を確保するのに一家は腐心した *Соно цудо коно оисий хицудзюхин о какухо суру но ни икка ва фусин сита* – «Каждый раз семья **прилагала невероятные усилия**, чтобы обеспечить себя этим вкусным необходимым продуктом» [ChatGPT];

作家は新しい作品のアイデアに腐心している *Сакка ва атарасий сакухин но айдэа ни фусин ситэ иру* – «Писатель **ломает голову** над идеей для нового произведения» [ChatGPT];

この問題を解決するために、何ヶ月も腐心してきた *Коно мондай о кайкэцу суру тамэ ни, нанкагэцу мо фусин ситэ кита* – «Я **ломал голову** над решением этой проблемы несколько месяцев» [ChatGPT].

Только в первом примере П2ФК 腐心 используется как имя существительное. Примеры 2–4 показывают функционирование глагольной формы соответствующей протокитайской лексемы. Дело в том, что из 91-го примера употребления слова 腐心 в письменных текстах корпуса *Гюнагон* [18] именных форм обнаружилось только три, что, вероятно, говорит о том, что основной формой функционирования этого слова является глагольная.

Иную траекторию развития именного П2ФК мы наблюдаем в следующих примерах:

4) 無為 *муи* – букв. «бездействие»; *филос.* «недеяние» (*термин трактата Лаоцзы*); 無 *му* – «отсутствие», 為 *и* – «действие, поступок»; грамматически – отрицание наличия опредмеченного действия. 無為 – многозначное слово, которое может обозначать как философскую концепцию «недеяния» и гармонии с природой, так и обычные бездействие или пассивность. В японском языке оно часто используется в литературных, философских, а иногда и в бытовых контекстах. Лексема 無為 *муи* может иметь разные коннотации в зависимости от контекста, но основное её значение – «ничегонеделание», «бездействие», «естественность». Она часто используется в философских или литературных контекстах, особенно в даосизме, где выражает идею «недеяния», то есть существования человека в соответствии с естественным ходом вещей, без вмешательства и принуждения (*Рис. 5*).

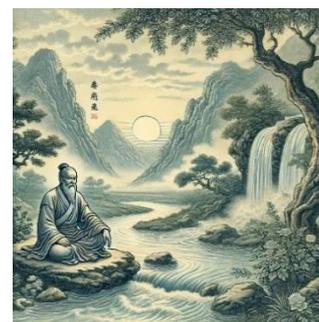

Рис. 5. 無為

Основные значения:

1. Бездействие, отсутствие действий – слово 無為 может описывать состояние или поведение, при котором человек ничего не делает или намеренно избегает активности.

2. Естественность – в философском контексте, особенно в даосизме, 無為 описывает идею «недеяния» как высшую форму мудрости, где действия совершаются спонтанно, в гармонии с природой, без искусственного вмешательства.

3. Пассивность – в более обыденном смысле слово может выражать пассивное поведение, когда кто-то не предпринимает никаких усилий для изменения ситуации.

Лексема 無為 чаще всего используется как имя существительное, например: 無為の生活 *муи но сэйкацу* – «жизнь в бездействии»; 無為の境地 *муи но кё:ти* – «состояние недеяния (высшая форма естественного существования)»¹. Эпизодически используется в качестве приакцидентного определения 無為に時間を過ごす *Муи ни дзикан о сугосу* – «Проводить время в бездействии». Рассмотрим ещё несколько примеров:

① 無為の生活を送るのではなく、何か目的を見つけよう *Муи но сэйкацу о окуру но дэ ва нау, нани ка мокутэки о мицукэё*: – «Вместо того, чтобы вести праздную жизнь, давай найдём какую-нибудь цель» [ChatGPT];

② あなたは平和の無為に退屈している *Аната ва хэйва но муи ни тайкуцу ситэ иру* – «Ты в мирное время скучаешь от бездействия» [Составлено носителем языка];

③ 無為の日々が続いていたが、ようやく行動を起こす時が来た *Муи но хиби га цудзуйтэ ита га, ё:яку ко:до: о окосу токи га кита* – «Дни бездействия продолжались, но наконец настало время действовать» [Составлено носителем языка];

④ 無為な死を迎えることだけは絶対に受け入れられない *Муина си о мукаэру кото дакэ ва дзэттай ни укэйэрэрэнэй* – «Я ни за что не смогу принять только одно – встречу бессмысленной смерти» [中納言];

⑤ 彼は無為に時間を過ごしている *Карэ ва муи ни дзикан о сугоситэ иру* – «Он проводит время в бездействии» [ChatGPT];

⑥ ...決して自失無為であったことはない *Кэсситэ дзисицу-муи дэ атта кото ва най* – «(Он) никогда не пребывал в состоянии потерянности и бездействия» [中納言].

Параллельно с именем существительным 無為 (*муи*) – «бездействие» (примеры 1–3) в примерах 4–6 используется адъективная версия лексемы 無為 с полной парадигмой полупредикативного (именного) прилагательного, по всей вероятности, являющегося дериватом вышеописанного именного П2ФК.

Как видим, именные П2ФК обычно используются в синтаксических позициях имён существительных, однако некоторые именные лексемы вербализируются, принимая *суру*, или же адъективируются, получая парадигму именных прилагательных (*-на, -ни, дэ ару*); эпизодически адвербиализируются, выступая в качестве приакцидентных определений.

3.2 Глагольные (вербальные) П2ФК

У глагольных П2ФК основной (исходной) формой является вербальная. Именная форма реализации обычно представляет собой дериват глагольной. Предикативность глагольных компонентов П2ФК, а также субъектно-предикатная связь внутри П2ФК являются имманентными источниками вербальности. Строго говоря, глагольный формант *суру* только объек-

¹ В философском смысле (даосизм) используется в П4ФК: 無為自然 *муи-сидзэн* – «недеяние и естественность (существование в гармонии с природным ходом вещей)».

тививирует имманентную вербальность выражения, которое, в соответствии с грамматикой *вэнья*, может также субстантивироваться и представать в виде именной версии (реализации) соответствующей базовой вербальной лексемы. Приведём несколько примеров:

1) 看破 *кампа* – «разгадывать (*хитрость и т. п.*)»; «проникать (*в замыслы*)»; *обр.* «видеть насквозь»; «проницательность, прозорливость»; 看 *кан* – «смотреть, наблюдать», 破 *ха* – «разбивать, раскрывать»; грамматически соположение двух предикатов («результативная» модель) – 看 (*кан*) и 破 (*ха*). 看破 (*кампа*) часто используется для описания действий, связанных с проницательностью людей, когда кто-то понимает суть происходящего, несмотря на сложные иллюзии или обман. 看破 передаёт идею глубокого понимания или способности видеть скрытые мотивы и факты, делая акцент на проницательности и умении анализировать. В более абстрактной речи 看破 также может указывать на способность человека осознать истинную природу вещей.

Примеры глагольного употребления:

① 彼はすぐに相手の本心を看破した *Карэ ва сугу ни айтэ но хонсин о кампа сита* – «Он сразу же понял истинные намерения своего оппонента» [ChatGPT];

② 真実を看破するには、鋭い観察力が必要だ *Синдзицу о кампа суру ни ва, сурудой кансацурёку га хицуё: да* – «Чтобы раскрыть истину, нужна острая наблюдательность» [ChatGPT];

③ 彼女の笑顔の裏に隠された感情を看破した *Канодзё но эгао но ура ни какусарэта кандзё: о кампа сита* – «Он сумел понять чувства, скрытые за её улыбкой» [ChatGPT].

Примеры именного употребления:

① 敵手看破の基本まで取り上げた幅広い問題に、これだけの成績を上げたのはりっぱです *Тэкисю кампа но кихон мадэ ториагэта хабахирой мондай ни, корэ дакэ но сэйсэки о агэта но ва риппа дэс* – «Достичь таких результатов в решении широкого круга вопросов, включая основы распознавания замыслов противника, – это впечатляюще» [中納言];

② 彼の看破力によって、その計画の欠陥が明らかになった *Карэ но кампарёку ни ёттэ, соно кэйкаку но кэккан га акирака ни натта* – «Благодаря силе его проницательности недостатки этого плана стали очевидны» [Составлено носителем языка].

Корпус «Тюнагон» показывает примерно равное распространение именных и глагольных форм протокитайской лексемы 看破; в сетевом словаре *Weblio* [11] приводятся исключительно вербальные примеры.

2) 懐柔 *кайдзю:* – *букв.* «обнимая, смягчить и успокоить»; «умиротворение»; 懐 *кай* – «обнимать, лелеять», 柔 *дзю:* – «гибкий»; «успокоить»; грамматически соположение двух предикатов «результативной» модели 懐 *кай* – «обнимать» и 柔 *дзю:* – «усмирять, успокаивать». Слово 懐柔 (*кайдзю:*) часто употребляется в контексте дипломатии, политики или управления, когда речь идёт о том, чтобы с помощью уступок, лести или других тонких приёмов убедить кого-то и склонить на свою сторону. Этот П2ФК передаёт идею мягкого воздействия на оппонента или группу лиц для достижения собственных целей без применения силы. Приведём примеры:

① 政府は反対勢力を懐柔しようとしている *Сэйфу ва хантай сэйрёку о кайдзю: сиё: то ситэ уру* – «Правительство пытается умиротворить оппозиционные силы» [ChatGPT];

② 新しいリーダーは、部下を懐柔して支持を得た *Атарасий ри:да: ва, бука о кайдзю: ситэ сидзи о эта* – «Новый лидер, умиротворяя подчинённых, заручился их поддержкой» [ChatGPT];

③ 家康は内紛を抱えていた毛利一族を懐柔、大切な局面で小早川秀秋の「裏切り」を仕組んでいた *Иэясу ва найфун о какаэтэ ита Мо:ри-итидзоку о кайдзю:, тайсэцуна кёкумэн дэ Кобаякава Хидэаки но "урагири" о сикундэ ита* – «Иэясу умиротворил клан Мори, который был охвачен внутренними распрями, и в решительный момент организовал «предательство» Кобаякава Хидэаки» [中納言];

④ 彼の懐柔策が成功した *Карэ но кайдзю:саку га сэйко: сита* – «Его стратегия умиротворения оказалась успешной» [Составлено носителем языка];

⑤ 懐柔的な贈り物または賄賂を与える *Кайдзю:тэкина окуримоно мата ва вайро о атаэру* – «Давать подарки умиротворяющего характера или давать взятки» [Weblio].

В первых трёх примерах перед нами глагольная реализация лексемы 懐柔. Отсутствие форманта *суру* в третьем примере никак не умаляет вербальных свойств, присущих вербальной версии П2ФК имманентно. В последних двух примерах (4, 5) в качестве словообразовательного элемента (П3ФК и относительного прилагательного) используется именная версия исходной (базовой) глагольной лексемы.

3) 私淑 *сисюку* – «почитание, следование чьим-то учениям»; 私 *си* – «частный, личный», 淑 *сюку* – «следовать»; «благородный». Грамматически 私 *си* – субъект, 淑 *сюку* – предикат. 私淑する имеет значение «быть чьим-л. поклонником, преклоняться перед кем-л.; идти по стопам кого-л., подражать кому-л.». 私淑 обычно употребляется, когда кто-то восхищается другим человеком (учёным, писателем, философом и т. п.) и перенимает его идеи, методы или стиль, даже если не учился у него непосредственно. Часто используется для выражения отношения к историческим личностям или знаменитым людям, чьи идеи или стиль поведения изучаются через их работы. Приведём примеры:

① 彼は孔子の思想に私淑している *Карэ ва Ко:си но сисо: ни сисюку ситэ иру* – «Он является почитателем учения Конфуция» [ChatGPT];

② 彼女はこの作家に私淑し、彼のスタイルを模倣している *Канодзё ва коно сакка ни сисюку си, карэ но сугайру о мохо: ситэ иру* – «Она почитает этого писателя и подражает его стилю» [ChatGPT];

③ 彼の私淑の対象は歴史上の偉大な人物だった *Карэ но сисюку но тайсё: ва рэки-сидзё: но идайна дзинбуцу датта* – «Объектом его почитания был великий исторический деятель» [ChatGPT];

④ 私淑の念を抱き続けていた *Сисюку но нэн о идакиудзукэтэ ита* – «(Он) продолжал испытывать чувство почтения» [ChatGPT].

4) 鞭撻 *бэнтацу* – «наставление, подбадривание»; 鞭 *бэн* – «хлыст, кнут», 撻 *тацу* – «ударять, подгонять»; грамматически это объектно-предикатная конструкция: 鞭 *бэн* – орудие действия, 撻 *тацу* – предикат¹. Слово 鞭撻 обычно употребляется в контексте строгого

¹ Здесь речь идёт не о логических категориях, а о грамматических: Nは鞭で撻 Nはむちでうつ) «(Некто) кнутом ударяет».

наставления, подбадривания или поддержки с целью побудить кого-то к действию. Приведём примеры:

① 部下を鞭撻して事務をはかどらせよう *Бука о бэнтацу ситэ дзиму о хакадорасэё*: «Давайте оптимизировать работу в офисе, подстёгивая подчинённых» [Weblio];

② 人は鞭撻されて働く *Хито ва бэнтацу сарэтэ хатарку* – «Люди работают, когда их подстёгивают» [Weblio];

③ このプロジェクトが無事に完成したのは、〇〇部長のご鞭撻のおかげです *Коно пуродзэкуто га будзи ни кансэй сита но ва, ХХ-бутё: но го-бэнтацу но окагэ дэс* – «Этот проект успешно завершился благодаря наставлениям начальника ХХ отдела» [Составлено носителем языка];

④ 今後も何卒宜しく御鞭撻の程、お願い申し上げます *Конго мо нани то дзо ёросику го-бэнтацу но ходо, о-нэгай мо: сиагэмасу* – «В дальнейшем также прошу вас о наставлениях и поддержке» [中納言].

В первых двух примерах используется вербальная версия рассматриваемого П2ФК, в двух последующих – более распространённая именная реализация соответствующей протокитайской лексемы.

Итак, глагольные П2ФК в соответствии со своими имманентными свойствами могут быть предикативными компонентами высказывания. При этом грамматическая система японского языка наделяет их вербальным формантом *суру*, объективирующим их глагольные свойства. Глагольные П2ФК могут также использоваться в номинализованном виде, образуя конверсионные именные омонимы глагольных китаизмов.

3.3 Адъективные П2ФК

Адъективные протокитайские фразеологизмы относятся к лексическому классу именных (полупредикативных) прилагательных японского языка. У П2ФК этого класса адъективная форма, как правило, сосуществует с параллельно функционирующей именной формой, с которой адъективное слово связано генетически. Это проявляется и в названии «именные» (полупредикативные) прилагательные. Приведём примеры:

1) 放漫 (な) *хо:ман (-на)* – «распущенный, безответственный», «расхлябанный»; *放 хо:* – «отпускать, освободить», *漫 ман* – «разливаться, выходить из берегов»; грамматически здесь два предиката, обозначающие последовательные действия (точнее – события), – *放 (хо:)* и *漫 (ман)*. Это полупредикативное прилагательное обычно имеет негативную коннотацию и используется для критики поведения, которое вышло за рамки дозволенного. Использование характерно преимущественно для делового языка, в повседневной разговорной речи употребляется редко. Например:

① 彼の放漫な性格のせいで、プロジェクトは失敗に終わった *Карэ но хо:манна сэйкаку но сэй дэ, пуродзэкуто ва сиппай ни оватта* – «Из-за его безответственного характера проект провалился» [Составлено носителем языка];

② 放漫な管理の結果、会社の利益が大幅に減少した *Хо:манна канри но кэкка, кайся но ризки га о:хаба ни гэнсё: сита* – «Вследствие небрежного управления прибыль компании значительно сократилась» [ChatGPT];

③ 彼の**放漫**な仕事の進め方が問題になっている *Карэ но хо:манна сигото но сусумэката га мондай ни наттэ иру* – «Его безответственное отношение к работе стало проблемой» [ChatGPT];

④ **放漫**にお金を使うと、後で困ることになるだろう *Хо:ман ни о-канэ о цукау то, ато дэ комару кото ни нару даро:* – «Если безответственно тратить деньги, потом возникнут проблемы» [ChatGPT];

⑤ 彼が**放漫**にプロジェクトを進めたため、悪い結果に終わってしまった *Карэ га хо:ман ни пуродзэкуто о сусумэта тамэ, варуй кэкка ни оваттэ симатта* – «Из-за того, что он вёл проект безответственно, результаты оказались плачевными» [Составлено носителем языка];

⑥ それは本当に何もない虚無や、判断や分別をなくした**放漫**ではないとも言う *Сорэ ва хонто: ни нанимо най кёму я, хандан я фумбэцу о накусита хо:ман дэ ва най то мо иу* – «Говорят также, что это совсем не пустяк, но и не легкомысленное потакание своим желаниям без рассуждений и размышлений» [中納言].

В приведённых шести примерах представлена полная парадигма японского предикативного прилагательного: ~な; ~に; ~である. Нередко встречается и именной омоним этого полупредикативного прилагательного, например:

① 財政も**放漫**と言わざるを得ない *Дзайсэй мо хо:ман то ивадзару о энэй* – «Управление финансами также нельзя не назвать безалаберным» [中納言];

② やりっぱなしで締まりのないことを「**放漫**」というが... *Яриппанаси дэ симари но най кото о «хо:ман» то иу га...* – «Незавершённая и отсутствие порядка называют беспечностью, но...» [中納言].

Глагольная форма от **放漫** в современном языке нами не была обнаружена. Для выражения действий, связанных с чьей-то расхлябанностью или небрежностью, обычно используются такие глаголы, как 怠ける *намакэру* – «лениться» или 放置する *хо:ти суру* – «оставлять без внимания», «игнорировать».

2) 老練 (な) *ро:рэн (-на)* – «опытный», «умудрённый опытом», «искусный»; 老 *ро:* – «старый», 練 *рэн* – «тренировать, оттачивать»; грамматически здесь субъектно-предикатная конструкция: 老 (*ро:*) – субъект, 練 (*рэн*) – предикат. Это полупредикативное прилагательное обычно используется для описания людей, имеющих значительный опыт в какой-то профессиональной области (политики, военные, искусные мастера чего-то). Приведём примеры:

① **老練**な彼は、どんな問題にも冷静に対応できる *Рорэнна карэ ва, донна мондай ни мо рэйсэй ни тайо: дэкиру* – «Он, как человек опытный, умеет легко справляться с любыми проблемами» [Составлено носителем языка];

② その**老練**な医師は、難しい手術を見事に成功させた *Соно ро:рэнна иси ва, мудзукасий сюдзюцу о мигото ни сэйко: сасэта* – «Тот опытный врач успешно провёл сложную операцию» [ChatGPT];

③ それで社交界の女はみんな**老練**で、一筋縄ではいかない *Сорэдэ сяко:кай но онна ва минна ро:рэн дэ, хитосудзинава дэ ва иканай* – «Поэтому все женщины из высшего общества опытные и непросты в обращении» [中納言];

④ 彼は**老練**に交渉を進め、最終的に合意に達した *Карэ ва ро:рэн ни ко:сё: о сумэ, сайсю:тэки ни го:и ни тассита* – «Он искусно вёл переговоры, и в итоге соглашение было достигнуто» [ChatGPT];

⑤ 二人とも、**老練**の重臣だから、元就が何を考えているかよく分かる *Футари то мо, ро:рэн но дзю:син да кара, Мотонари га нани о кангаэтэ иру ка ёку вакару* – «Оба они – опытные вассалы, поэтому хорошо понимают, о чём думает Мотонари» [中納言].

В первых четырёх примерах представлена парадигма изменения полупредикативного прилагательного **老練**な, в последнем примере данная лексема используется как имя существительное.

3) 冗長 (な) *дзё:тё:* (-на) – «многословный», «избыточный», «затянутый»; 冗 *дзё:* – «лишний», 長 *тё:* – «длинный, продолжительный»; грамматически это копулятивное сочетание двух адъективных компонентов П2ФК – 冗 (*дзё:*) и 長 (*тё:*). Это полупредикативное прилагательное обычно имеет негативную коннотацию, указывая на перегруженность речи излишними деталями; используется в деловых и академических дискурсах для импликации необходимости большей лаконичности и конкретности. Приведём примеры:

① 冗長な部分を削って、もっと簡潔に説明してください *Дзё:тё:на бубун о кэдзуттэ, мотто канкэцу ни сэцумэй ситэ кудасай* – «Пожалуйста, избавьтесь от многословия и объясните (всё) более лаконично» [ChatGPT];

② 彼の説明は冗長すぎて、要点がわかりにくい *Карэ но сэцумэй ва дзё:тё: сугитэ, ё:тэн га вакариникуй* – «Его объяснение слишком затянато, и основные моменты понять трудно» [ChatGPT];

③ このレポートは冗長で、読むのに時間がかかる *Коно рэпо:то ва дзё:тё: дэ, ёму но ни дзикан га какару* – «Этот отчёт слишком многословен, и его чтение занимает много времени» [ChatGPT];

④ この文章は冗長表現が目立ち、理解しづらい *Коно бунсё: ва дзё:тё: хё:гэн га мэдати, рикай сидзурай* – «В этом тексте слишком заметна многословность, и его трудно понять» [ChatGPT];

⑤ ただし、冗長にならないように気を付けなといけません *Тадаси, дзё:тё: ни наранай ё: ни ки о цукэнai то икэмасэн* – «Однако нужно следить за тем, чтобы не быть слишком многословным» [中納言].

Примеры 1–3 иллюстрируют функционирование слова **冗長** в качестве полупредикативного прилагательного, в примерах 4 и 5 представлено использование имени существительного, от которого, по всей вероятности, произошёл описываемый адъективный П2ФК.

4) 軽妙 (な) *кэймё:* (-на) – «изящный», «остроумный», «лёгкий и искусный»; 軽 *кэй* – «лёгкий», 妙 *мё:* – «таинственный, чудесный»; грамматически – копулятивное сочетание двух качественных компонентов – 軽 (*кэй*) и 妙 (*мё:*); обычно описывает что-то лёгкое и элегантное, остроумное и искусное. При этом в речи о людях часто подчёркивается сочетание лёгкости и мастерства, демонстрируемое тонкое остроумие. Например:

① 軽妙な立ち居振る舞いで、彼はすぐに人気者になった *Кэймё:на татии фурумаи дэ, карэ ва сугу ни нинкимоно ни натта* – «Благодаря своему лёгкому и изящному поведению он быстро стал популярной личностью» [Составлено носителем языка];

② 軽妙な話術で、彼はすぐに皆の心をつかんだ *Кэймё: на вадзюцу дэ, карэ ва сугу ни минна но когоро о цуканда* – «Элегантной манерой речи он быстро завоевал сердца всех» [Составлено носителем языка];

③ 軽妙に相手と言葉のやりとりができず、雰囲気は窮屈で重くなってしまう *Кэймё: ни айтэ то котоба но яритори га дэкидзу, фунъики га кю:куцу дэ омоку наттэ симау* – «Не удаётся легко и изящно вести разговор с собеседником, и атмосфера становится напряжённой и тяжёлой» [中納言];

④ 彼のスピーチは軽妙であると同時に、非常に説得力があった *Карэ но сун:ти ва кэймё: дэ ару то до:дзи ни, хидзё: ни сэттокурёку га атта* – «Его речь была не только лёгкой и изящной, но и чрезвычайно убедительной» [ChatGPT];

⑤ このドラマでも、水谷さんの軽妙さがいかんなく発揮されている *Коно дорама дэ мо, Мидзутани-сан но кэймё:са га иканнаку хакки сарэтэ иру* – «И в этом сериале полностью проявились лёгкость и изящество Мидзутани» [中納言].

В первых четырёх примерах представлена полная парадигма словоизменения полупредикативного (именного) прилагательного, а пятый пример показывает способность этой адъективной лексемы присоединять словообразовательный суффикс предикативных прилагательных *-са* (軽妙さ *кэймё:са* – «лёгкость, изящество»).

5) 不遜 (な) *фусон (-на)* – «высокомерный», «заносчивый», «надменный»; 不 *фу* – «не, без», 遜 *сон* – «скромность, уступчивость»; грамматически здесь отрицательное утверждение (отрицание признака): 不 (*фу*) обозначает отрицание, 遜 (*сон*) – отрицаемый признак. Этот П2ФК обычно фигурирует при описании поведения человека, который действует дерзко или с презрением относится к окружающим, ведёт себя так, будто он выше или лучше других. Приведём примеры:

① 彼の不遜な態度には誰もが驚いた *Карэ но фусонна тайдо ни ва дарэ мо га одоройта* – «Все были удивлены его высокомерным поведением» [ChatGPT];

② 不遜な行動をとる者は、周囲の信頼を失うことが多い *Фусонна ко:до: о тору моно ва, сун:и но синрай о усинау кото га о:й* – «Люди, которые ведут себя надменно, часто теряют доверие окружающих» [ChatGPT];

③ 不遜にふるまうと、周りの信頼を失うことになる *Фусон ни фурумау то, мавари но синрай о усинау кото ни нару* – «Когда ведёшь себя надменно, часто теряешь доверие окружающих» [Составлено носителем языка];

④ その発言は不遜であるとして批判を受けた *Соно хацугэн ва фусон дэ ару то ситэ хихан о укэта* – «Это высказывание подверглось критике за то, что было сочтено высокомерным» [ChatGPT];

⑤ ただそうした不遜さが快活で健全な心を傷付けた点は申し訳ないと思う *Тада со: сита фусонса га кайкацу дэ кэндзэнна когоро о кидзуцукэта тэн ва мо:сивакэннай то омоу* – «Однако мне жаль, что эта дерзость задела жизнерадостное и здоровое сердце» [中納言];

⑥ 年長者を前にすると不遜とも言えるような胆力が湧き上がってくる *Нэнтё:ся о маэ ни суру то фусон то мо иэру ё:на танрёку га вакиагаттэ куру* – «Когда я оказываюсь перед старшими, у меня появляется смелость, которую можно назвать даже дерзостью» [中納言].

Примеры показывают полную парадигму функционирования полупредикативного прилагательного, а также способность рассматриваемой адъективной лексемы присоединять словообразовательный аффикс предикативных прилагательных *-са* (不遜さ *фусонса* – «высокомерие», «надменность»). В современном японском языке используется также и имя существительное 不遜, по всей вероятности, являющееся именным этимоном описанной адъективной лексемы (последний пример).

б) 飄逸 (な) *хэ:ицу (-на)* – «изысканный», «непринуждённый», «лёгкий»; 飄 *хэ:* – «витать, парить», 逸 *ицу* – «уходить, избегать»; этимологически соположение двух глаголов, обозначающих последовательные действия, – 飄 (*хэ:*) и 逸 (*ицу*); обычно описывает состояние лёгкости и грации, когда речь идёт о произведениях литературы и искусства; передаёт чувство свободы, непринуждённости и утончённости, часто с оттенком возвышенности или отстранённости от обыденности, например:

① 小鹿野に、絵もよくした飄逸な俳士がいたのである *Огано ни, э мо ёку сита хэ:ицуна хайси га ита но дэ ару* – «В Огано жил изысканный и утончённый поэт хайку, который также хорошо рисовал» [中納言];

② そうした嗜好が自ずと五絶に反映して、脱俗的で飄逸な味わいを醸し出している、と思われる *Со:сита сико: га онодзутто годзэцу ни ханъэй ситэ, дацудзокутэки дэ хэ:ицуна адзиваи о камосидаситэ иру, то омарэру* – «Думается, что такие предпочтения естественным образом отразились в пятистишиях, придавая им очарование утончённости и непринуждённости» [中納言];

③ その作家の文章は、飄逸かつ優雅である *Соно сакка но бунсё: ва, хэ:ицу кацу ю:га дэ ару* – «Стиль текстов этого автора лёгок и элегантен» [Составлено носителем языка].

Приведённые три примера иллюстрируют использование этой лексемы в качестве полупредикативного (именного) прилагательного. Исходная протокитайская лексема 飄逸 может также употребляться в именной форме, например:

④ 俳人とも親しくつきあっていた崑山¹の、俳画的特徴を示す軽妙洒脱、飄逸の線を示す *Хайдзин то мо ситасику цукиаттэ ита Кадзан но, хайгатэки токутё: о симэсу кэймё:-сядацу, хэ:ицу но сэн о симэсу* – «Кадзан, который был в близких отношениях с сочинителями хайку, демонстрирует лёгкость, утончённость и непринуждённость линий, характерных для живописи в стиле хай-кай» [中納言].

Итак, адъективные П2ФК ведут себя как полупредикативные (именные) прилагательные японского языка. Как правило, они имеют этимоны в виде имён существительных и не способны вербализоваться, присоединяя формант *суру*. В некоторых случаях способны присоединять грамму *-са*, являющуюся словообразовательным элементом предикативных прилагательных.

3.4 Адвербиальные П2ФК

Адвербиальные протокитайские фразеологизмы относятся к лексическому классу наречий, основное назначение которых состоит в функционировании в качестве приакцидентных определений. У П2ФК этого класса адвербиальная форма может сочетаться с адъективной и/или

¹ Ватанабэ Кадзан (渡辺崑山; 1793–1841) – японский художник, учёный и политик.

именной реализациями исходной протокитайской лексемы, с которыми соответствующее наречие связано генетически. Вербализация адвербиальных словоформ путём присоединения форманта суру обычно невозможна. Рассмотрим адвербиальные П2ФК на конкретных примерах:

1) 泰然 (と) *тайдзэн (-то)* – кн. «спокойно; невозмутимо, уверенно»; 泰 *тай* – «спокойный, величественный», 然 *дзэн* – «такой, подобный»; грамматически субъектно-предикатный композит, 泰 *тай* – субъект, 然 *дзэн* – предикат. Это наречие обычно с положительной коннотацией описывает состояние человека, сохраняющего хладнокровие и мужество даже в сложных и стрессовых ситуациях¹. Например:

① 困難な状況にもかかわらず、彼は泰然としていた *Коннанна дзё:кё: ни мо какаварадзу, карэ ва тайдзэн то ситэ ита* – «Несмотря на трудные обстоятельства, он держался с полным хладнокровием и спокойствием» [Составлено носителем языка];

② 泰然と構えて、状況を冷静に見つめることが重要だ *Тайдзэн то камаэтэ, дзё:кё: о рэйсэй ни мицумэру кото га дзю:ё: да* – «Важно сохранять спокойствие и трезво оценивать ситуацию» [ChatGPT];

③ 旗本は、巖のような信長の泰然たる態度に、勇気の熱を得た *Хатамото ва, ива но ё:на Нобунага но тайдзэн-тару тайдо ни, ю:ки но нэцу о эта* – «Хатамото черпали храбрость из невозмутимого, словно скала, вида Нобунага» [中納言].

Первые два примера иллюстрируют адвербиальное употребление слова 泰然, в третьем примере представлена адъективная форма. Именных и глагольных форм этой лексемы не было обнаружено.

2) 躍如 (と) *якудзё (-то)* – «ярко, живо и наглядно»; 躍 *яку* – «прыгать, скакать», 如 *дзё* – «походить (быть похожим) на...»; «быть таким же, как...»; «соответствовать»; этимологически соположение двух глаголов, обозначающих последовательные действия, – 躍 (*яку*) и 如 (*дзё*). Это наречие выражает эффектное проявление чего-либо, будь то талант, качество, усилие или событие. Например:

① 躍如として描かれた戦争の光景に圧倒された *Якудзё то ситэ эгакарэта сэнсё: но ко:кэй ни атто: сарэта* – «Я был поражён живым изображением сцены войны» [ChatGPT];

② ここに庶民出身の秀吉の面目が躍如としていられる *Коко ни сёмин-сюссин но Хидэёси но мэмоку га якудзё то ситэ иру то омарэрэру* – «Думается, что здесь ярко проявляется сущность Хидэёси как выходца из простонародья»² [中納言].

Исходная протокитайская лексема часто употребляется в адъективной форме 躍如たる, более редко – в виде имени существительного 躍如 (*якудзё*), например:

① 彼は躍如たる姿を見せた *Карэ ва якудзё-тару сугата о мисэта* – «Он проявил себя во всём блеске» [ChatGPT];

② 彼の才能の躍如が見られる *Карэ но сайно: но якудзё га мирарэрэру* – «Здесь можно увидеть явное проявление его таланта» [ChatGPT].

¹ Используется также в составе П4ФК 泰然自若 (*тайдзэн-дзидзюку*) ~として – «с полным спокойствием», «хладнокровно, невозмутимо».

² В подобном значении часто встречается в составе П4ФК 面目躍如 *мэммоку-якудзё* – «демонстрировать свои способности», «ярко проявлять свою сущность», например: 今回の試合で彼は面目躍如の活躍を見せた *Конкай но сий дэ карэ ва мэмоку-якудзё но кацуюку о мисэта* – «В этом матче он ярко проявил себя» [ChatGPT].

3) 悠然 (と) *ю:дзэн (-то)* – «спокойно, невозмутимо»; 悠 *ю:* – «величавость», 然 *дзэн* – «такой, как есть»; грамматически субъектно-предикатная конструкция 悠 (*ю:*) – субъект, 然 (*дзэн*) – предикат; букв. «Величавость – неизменна»; часто используется при описании лиц, ведущих себя спокойно и невозмутимо, не поддаваясь влиянию внешних факторов. Например:

① 彼女は悠然と問題に取り組んだ *Канодзё ва ю:дзэн то мондай ни торикунда* – «Она невозмутимо взялась за решение проблемы» [ChatGPT];

② 悠然と私を見据えている *Ю:дзэн то ватаси о мисуэтэ иру* – «(Он) спокойно и невозмутимо смотрит (на меня)» [中納言];

③ すぐそばに悠然と流れる滑川を眺め、夕方には寺から鐘の音が聞こえる *Сузу соба ни ю:дзэн то нагарэру Намэрикава о нагамэ, ю:гата ни ва тэра кара канэ но ото га кикоэру* – «Любуешься спокойным течением реки Намэрикава, что течёт совсем рядом, а по вечерам слышится звук колоколов из храма» [中納言].

Слово 悠然 эпизодически используется в именной форме и несколько более часто – в адъективной *～たる*, например:

① 悠然の境地に達するためには、多くの経験が必要だ *Ю:дзэн но кё:ти ни тас-суру тамэ ни ва, о:ку но кэйкэн га хицүё: да* – «Чтобы достичь состояния безмятежности, требуется большой жизненный опыт» [ChatGPT];

② 男は酒場を出て、悠然たる足取りで海辺へと向かった *Отоко ва сакаба о дэтэ, ю:дзэн тару асидори дэ умибэ э то мукатта* – «Мужчина вышел из бара и направился к морскому берегу спокойной походкой» [ChatGPT].

4) 訥々 (と) *тоцүтоцү (-то)* – «медленно», «запинаясь», «нерешительно», «неуверенно»; 訥 *тоцү* – «запинаться»; грамматически 訥訥 *тоцүтоцү* представляет собой копулятивное соединение двух глагольных компонентов как средство редупликативного словообразования, в результате которого создаётся образоподражание. 訥々と описывает неуверенную, медленную манеру речи, которая может быть вызвана стеснением, возрастом или эмоциональным состоянием. В соответствии с китайской грамматикой редупликация является средством создания образных выражений, подобных исконным ономотопам. Поэтому вполне естественно грамматическое оформление таких единиц в японском языке в качестве наречий. Приведём примеры:

① 老人は訥々と、昔の思い出を語り始めた *Ро:дзин ва тоцүтоцү то, мукаси но омоидэ о катару-хадзимэта* – «Старик медленно, запинаясь, начал рассказывать свои воспоминания» [ChatGPT];

② 彼女は震え声で訥々と質問に答えた *Канодзё ва фуруэгоэ дэ тоцүтоцү то сицү-мон ни катаэта* – «Она дрожащим голосом неуверенно отвечала на вопросы» [Составлено носителем языка].

Лексема 訥々 функционирует в японском языке почти исключительно в адвербиальной форме.

5) 滔々 (と) *то:то: (-то)* – «быстро, стремительно (о течении воды)»; 滔 *то:* – «разливаться», «бурлить», «вздвигаться» (о волнах); грамматически здесь два предиката – 滔 и 滔, с помощью сочетания которых создаётся ономотоп со значением стремительно совершаемого действия. Например:

① 氷の間から水が滔々と湧き出ているようだ *Ko:ri no айда кара мидзу га то:то: то вакидэтэ иру ё: да* – «Похоже, что вода сильным потоком бьёт из-подо льда» [中納言];

② 彼は滔々と話しつづけた *Карэ ва то:то: то ханасицудзукэта* – «Он продолжал и продолжал говорить складно и живо» [Составлено носителем языка];

③ 小泉氏は米国大使に日本の未来像について滔々と語っています *Коидзуми-си ва Бэйкоку тайси ни Нихон но мирайдзо: ни цуйтэ то:то: то кататтэ имасу* – «Господин Коидзуми красноречиво рассказывает послу США о видении будущего Японии» [中納言];

④ 滔々たる言葉で彼は皆を説得した *То:то:-тару котоба дэ карэ ва мина о сэттоку сита* – «Своей бурной речью он убедил всех» [Составлено носителем языка].

Первые три примера иллюстрируют речевое использование адвербиальной формы П2ФК 滔々. В четвёртом примере представлена адъективная форма П2ФК ~たる. Глагольные и именные реализации этой протокитайской лексемы не были обнаружены.

Наши наблюдения над П2ФК показывают, что сформированные из протокитайских слов адвербиальные словоформы получают грамматическое оформление в соответствии с правилами японской грамматики. При этом протокитайские лексемы, являющиеся этимонами адвербиальных, обычно продолжают использоваться в виде имён и/или полупредикативных прилагательных. Протокитайские лексемы обладают свойством функционально-семантической транзитивности, дающим возможность создавать из исходных протокитайских именных лексем адъективные и адвербиальные словоформы, этимологически связанные с исходной (материнской) именной лексемой.

Наибольшей функционально-семантической транзитивностью обладают глагольные (вербальные) протокитайские лексемы. Способность протокитайских лексем фигурировать в качестве словоформ, относящихся к разным частям речи, несколько ограничивается, когда эти словоформы получают грамматическое оформление в системе японского языка как глаголы, прилагательные и наречия при помощи соответствующих грамматических маркеров (*суру*, *-на*, *-то*). Это стабилизирует систему китаизмов японского языка, понижает омонимичность протокитайской лексики. Адвербиальные словоформы, как правило, не вербализируются, вербализация именных словоформ также ограничена.

Рассмотренный языковой материал показывает, что развитие протокитайской лексики в японском языке идёт от именных и глагольных протокитайских лексем, обладающих максимальной функционально-семантической транзитивностью (способностью функционировать в качестве разных частей речи) и высокой омонимичностью, к адъективным и адвербиальным словоформам, которые, получая надлежащее грамматическое оформление по нормам японского языка (*-на*, *-то*), функционально сближаются с исконно японскими прилагательными и наречиями. Их синтаксическое использование стабилизируется, а функционально-семантическая транзитивность и омонимичность понижаются.

Заключение

Многие П2ФК современного японского связаны с китайским языком, историей и культурой Китая. В их структурной организации всё ещё заметны элементы грамматики *вэньяня*, и они неразрывно связаны с китайской иероглифической графикой [6]. В семантическом развитии двухсимвольных фразеологизмов можно заметить немало универсальных явлений,

сближающих фразеологию японского языка с фразеологией других языков, однако важные особенности фразеологии японского языка связаны с иероглифической графикой, а также с генетической связью многих японских фразеологизмов с книжными стилями классического китайского литературного языка, откуда яркие и экспрессивные протокитайские выражения как бы извлекались и «вбрасывались» в реальную устную и письменную коммуникацию японского этноязыкового коллектива.

В отличие от исконно японской лексики, протокитайские фразеологизмы требуют от современных японцев активного владения китайской иероглифической письменностью, выходящей по своему корпусу далеко за пределы введённых иероглифических лимитов [7]. Нерывная связь протокитайских фразеологизмов с иероглифической графикой ограничивает использование основного массива протокитайских фразеологизмов преимущественно письменной формой речи. Впрочем, иероглифическая культура, в которой японское общество существовало на протяжении многих столетий, способствовала тому, что и исконно японские слова, как правило, понятные на слух вне иероглифической графики, одевались в иероглифические одежды, а использование приёмов *атэджи* привело к появлению многочисленных и разнообразных иероглифических фразеологизмов и даже идиоматических сочетаний иероглифов.

Двухсимвольные *канго* для носителей японского языка семантически, по всей вероятности, представляют собой целостные смысловые единицы, зарегистрированные в словарях и представленные в памяти людей в целостном виде, поэтому их грамматическая структура и «внутренняя форма» (этимология) обычно мало актуальна для говорящего. При этом словари обычно приписывают составным компонентам идиоматичных двухсимвольных канго и значения, возникшие в ходе их фразеологизации как значения всего П2ФК.

Протокитайская лексика (*канго*) в современном японском языке исчисляется десятками тысяч единиц, а наша попытка её рассмотрения через призму теории фразеологии основывается на весьма незначительной части протокитайских лексем, поэтому перед нами terra incognita, заслуживающая дальнейшего исследования и таящая в себе множество удивительных открытий.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры». 1998. 895 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. Краткий курс. Учебное пособие. М.: Изд-во «Флинта», 2014. 308 с.
3. Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф, Джордж, Джонсон, Марк. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: «Едиториал» УРСС, 2004. С. 7–21.
4. Гуревич Т.М. Японско-русский учебный словарь ёдзидзюкуго. М.: «Моногатари», 2011. 144 с.
5. Дыбовский А.С. Трёхсимвольные фразеологизмы современного японского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 71–102.
6. Дыбовский А.С. Элементы китайской грамматики в современном японском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 43–57.
7. Дыбовский А.С. Языковое планирование в Японии с середины XIX до начала XXI века // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 123–136.

8. Карапетьянц А.М., Аошуан Тань. Учебник классического китайского языка вэньянь. М.: «Муравей», 2001. 383 с.
9. Потебня А.А. «Мысль и язык» // Потебня А.А. Слово и миф. М.: «Правда», 1989. С. 17–200.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 287 с.
11. Weblio 辞書 = Словарь Weblio. URL: [https://www.weblio.jp/content/森羅万象+\(俳優\)](https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優)) / (дата обращения: 28.08.2024).
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago press, 2003 (1980). 193 p.
13. PI 言語 二字熟語 140 選 = Синтетический инвентарь личности: язык. 140 специально отобранных двухсимвольных фразеологизмов.
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqir8s> (дата обращения: 10.10.2024).
14. 当て字. Wikipedia = Произвольно «подставленные» иероглифы. Википедия. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/当て字> (дата обращения: 14.01.2025).
15. 荒川 清 秀 [書評] 孫 建軍著『近代日本語の起源—幕末明治初期につくられた新漢語—』 // 日本語の研究 第 13 卷 1 号 2017.1.1 = Аракава Киёхидэ (рецензия). Сунь Цзяньцзюнь. Происхождение современного японского языка. Новые кандзи, созданные в конце сёгуната (Токугава) и начале периода Мэйдзи // Исследования по японскому языку. Том 13. Вып. 1. 1 января 2017 г. С. 43–49.
16. シピトウニナ・マリーナ 概念メタファーと言語教育—ロシア語のケース— // ロシア語教育研究 第 7 号, 日本ロシア語教育研究会 = Щепетунина Марина. Концептуальные метафоры и обучение языку: на примере русского языка // Исследование проблем преподавания русского языка. Вып. 7 / Японское общество по исследованию проблем преподавания русского языка. 2016. С. 57–65.
17. 熟字訓. Wikipedia = исконно японские слова, в графической фиксации которых используются устойчивые идеографические сочетания китайских иероглифов. Википедия. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/熟字訓> (дата обращения: 14.01.2025).
18. 中納言コーパス検索アプリケーション = Корпус японского языка «Тюнагон». Поисковое приложение. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (дата обращения: 29.08.2024).
19. 鍋島 弘治朗 日本語のメタファー くろしお出版 東京 = Набэсима Кодзиро. Метафоры в японском языке. Издательство Курошио. Токио, 2012. 361 с.
20. 和製漢語. Wikipedia = Канго, созданные в Японии. Википедия. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/和製漢語> (дата обращения: 14.01.2025).

References

1. *Arutyunova N.D.* Language and the human world. М.: Languages of Russian culture. 1998. 895 p. (In Russ.).
2. *Baranov A.N., Dobrovolsky D.O.* Foundations of phraseology: A short course. Textbook. М.: Flinta Publishing House, 2014. 308 p. (In Russ.).
3. *Baranov A.N.* Editor's preface. *Lakoff, George, Johnson, Mark. Metaphors We Live By: Translated from English.* Edited and with a preface by A.N. Baranov. М.: Editorial URSS, 2004. P. 7–21. (In Russ.).

4. Gurevich T.M. Japanese-Russian educational dictionary of Yojjukugo. M.: Monogatari, 2011. 144 p. (In Russ.).
5. Dybovskiy A.S. Three-character idioms of modern Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 71–102. (In Russ.).
6. Dybovskiy A.S. Elements of Chinese grammar in modern Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 43–57. (In Russ.).
7. Dybovskiy A.S. Language planning in Japan from the mid-19th to the early 21st century. *Proceedings of the Eastern Institute*, 2024, no. 3, pp. 123–136. (In Russ.).
8. Karapetyants A.M., Aoshunan Tan. Textbook of classical Chinese language (wenyan). M.: Muravei, 2001. 383 p. (In Russ.).
9. Potebnya A.A. Thought and language. *Potebnya A.A. Word and Myth*. M.: Pravda Publishing House, 1989. P. 17–200. (In Russ.).
10. Telia V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects. M.: School of "Languages of Russian Culture", 1996. 287 p. (In Russ.).
11. Weblio Dictionary. URL: [https://www.weblio.jp/content/森羅万象+\(俳優\)](https://www.weblio.jp/content/森羅万象+(俳優)) / (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago press, 2003 (1980). 193 p.
13. Synthetic personality inventory: language. 140 selected two-character idioms. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nCp8WZqip8s> (accessed: 10.10.2024). (In Jap.).
14. Ateji. Wikipedia = Arbitrarily "substituted" kanji. Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/当て字> (accessed: 14.01.2025). (In Jap.).
15. Arakawa Kiyohide [Book Review] Sun Jianjun. The origins of modern Japanese language – New kanji created at the end of the Tokugawa shogunate and early Meiji period. *Studies in Japanese Language*, vol. 13, iss. 1. January 1, 2017, pp. 43–49. (In Jap.).
16. Shchepetunina M. Conceptual metaphors and language education: The case of Russian language. *Russian Language Education Research*, iss. 7. Japanese society for Russian language education research. 2016, pp. 57–65. (In Jap.).
17. Jukujikun. Wikipedia = Native Japanese words graphically represented using stable ideographic combinations of Chinese characters. Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/熟字訓> (accessed: 14.01.2025). (In Jap.).
18. Chunagon corpus search application = Japanese language corpus "Chunagon". Search application. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (accessed: 28.08.2024). (In Jap.).
19. Nabeshima Kojiro. *Metaphors in the Japanese language*. Kuroshio Publishing. Tokyo, 2012. 361 p. (In Jap.).
20. Kango created in Japan. Wikipedia. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/和製漢語> (accessed: 14.01.2025). (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 12.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 14.02.2025

Принята к публикации / Accepted 14.02.2025

Научная статья

УДК 811.531

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/119-127>

Концептуальная диада «жизнь» – «смерть» в корейской фразеологии

Валентина Александровна Тихоненко

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

Кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения,

Tikhonenko.va@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3626-3780>

Аннотация. В данной статье анализируются особенности вербализации концептов «жизнь» и «смерть» в корейской фразеологии. Исследуемая концептуальная диада характеризуется наличием как универсальных, так и специфических признаков, обусловленных лингвокультурной традицией корейского этноса, его мировоззрением и принципами информационного кодирования. В ходе работы был использован комплекс научных методов, основными среди которых избраны метод концептуального анализа для раскрытия механизмов концептуализации и категоризации представлений о жизни и смерти в корейском языковом сознании, метод семантического анализа, позволяющий выявить ключевые смысловые компоненты корейских идиом и паремий, а также культурологический подход, направленный на интерпретацию языковых единиц в контексте культурных норм и ценностей. В результате исследования выявлено, что сами лексемы «жизнь» и «смерть» не всегда употребляются в корейских идиомах и пословицах, однако понятия, подразумевающие эти концепты и все аспекты, с ними связанные, выражены широко и разнообразно. Это свидетельствует о высокой степени концептуализации данных понятий в корейской лингвокультуре, даже при отсутствии их прямой номинации в языковых единицах.

Ключевые слова: корейские идиомы, пословицы, менталитет, концепт, жизнь, смерть, путь познания, благо

Для цитирования: Тихоненко В.А. Концептуальная диада «жизнь» – «смерть» в корейской фразеологии // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 119–127.

Original article

The conceptual dyad “life” – “death” in Korean phraseology

Valentina A. Tikhonenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Korean Studies Department,

Tikhonenko.va@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3626-3780>

Abstract. This article analyzes the specifics of how the concepts of “life” and “death” are verbalized in Korean phraseology. The conceptual dyad is characterized by the presence of both universal and specific features due to the linguistic and cultural tradition of the Korean ethnic group, its worldview and the principles of information coding. In the course of the work, a set of scientific methods was used, the main ones being the method of conceptual analysis to reveal the mechanisms of conceptualization and categorization of ideas about life and death in the Korean linguistic consciousness, the method of semantic analysis, which allows to identify the key semantic components of Korean idioms and proverbs, as well as a cultural approach aimed at interpreting linguistic units in the context of cultural norms and values. The study revealed that the lexemes “life” and “death” themselves are not always used in Korean idioms and proverbs, but the concepts implying these concepts and all aspects related to them are expressed widely and variously. This indicates a high degree of conceptualization of these concepts in Korean linguoculture, even in the absence of their direct nomination in linguistic units.

Key words: Korean idioms, proverbs, mentality, concept, life, death, path of knowledge, good

For citation: Tikhonenko V.A. The conceptual dyad “life” – “death” in Korean phraseology. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 119–127. (In Russ.).

Язык играет ключевую роль в формировании любой национальной идентичности. Он не только служит средством общения, но и формирует самобытную картину мира для его носителей. Уникальная концептуализация, характерная для каждой этнической общности, репрезентируется в языковых структурах и лексико-семантической системе, отражая специфическое восприятие и осмысление окружающей действительности. Языковые средства, служащие для вербализации концептов, образуются под воздействием времени, культурного уровня общества, а также определяются традициями народа, спецификой его мышления и принципами информационного кодирования.

В современной лингвистике существует большое разнообразие определений концепта, культурологическое направление которого рассматривали С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, М.В. Пименова, З.Д. Пропова и И.А.Стернин, Ю.С. Степанов и др. Общность формулируемых авторами определений концепта заключается в том, что он рассматривается как некая единица мышления или памяти, интегрирующая в себе язык и культуру народа. Так, С.Г. Воркачев рассматривает концепт как «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» [1, с. 51–52]. В.И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования», «фиксацию коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [2, с. 97]. В.А. Маслова концепт определяет как «семантическое образование, имеющее лингвокультурную специфику и дающее характеристику носителям той или иной этнокультуры» [5, с. 36]. С точки зрения М.В. Пименовой, концептом называется то, что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира: «Такое представление, – по мнению исследователя, – будь то образ, идея, символ, образуют общенациональные признаки и признаки индивидуального опыта и личного воображения» [6, с. 16]. З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают понимать под концептом «дискретное ментальное образование, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества» [7, с. 24]. Ю.С. Степанов также пола-

гает, что концепт включает в себя знания, понятия, представления, которые сопровождают слово. Исследователь убеждён, что ум человека воспринимает культуру именно в виде концепта, который он определяет как «культурно-ментально языковое образование, сгусток культуры в человеческом сознании» [8, с. 14].

В данном исследовании выбор концептов «жизнь» и «смерть» обусловлен тем, что они представляют собой одни из ключевых понятий в языковой картине мира и служат основой для понимания человеческого существования. Эти концепты не только отражают биологическую реальность, но и формируют глубинные культурные и эмоциональные значения, связанные с опытом, памятью и идентичностью этноса.

Примечательно, что европейским человеком жизнь и смерть воспринимаются, как правило, в оппозиции друг к другу. Эта бинарная модель часто проявляется в повседневных размышлениях и восприятии мира, где жизнь ассоциируется с активностью, радостью и надеждой, а смерть – с утратой, печалью и конечностью. Между тем жизнь включает в себя практически все перечисленные оппозиции, что указывает на более сложные отношения между жизнью и смертью. Традиционное для европейского человека представление о жизни как о процессе существования и о смерти как о её конечной точке контрастирует с восточными философскими концепциями, согласно которым жизнь и смерть рассматриваются как взаимосвязанные и неразрывные явления.

В корейской культуре жизнь и смерть воспринимаются как коррелирующие элементы единого цикла. В представлении корейцев душа продолжает своё существование после физической смерти. Это убеждение находит своё выражение в обрядах, направленных на почитание корейцами своих предков и поддержание связи с ними (например, 제사¹, 차례², 벌초³, 성묘). Таким образом, указанное в заглавии работы понятие диады не сводится только к оппозиции между концептами «жизнь» и «смерть», а предполагает их симметричные связи и взаимодействия, позволяющие рассматривать эти категории в контексте их взаимного влияния и единства.

Разнообразие фразеологических единиц, затрагивающих концепт «жизнь», отражает её понимание корейцами как пути познания, где каждый опыт – это ценный урок. Такое восприятие жизни демонстрирует глубоко укоренившееся в корейской культуре уважение к жизненному опыту как к важнейшему источнику мудрости и самопознания.

Корейские идиомы и поговорки, репрезентирующие концепт «жизнь», часто служат своего рода моральными компасами, направляя человека на путь личностного роста и помогая видеть в трудностях не препятствия, а возможности для развития. Они побуждают ценить каждый момент, извлекать уроки из прошлого и строить будущее, основанное на мудрости, обретенной опытом. Такая активная жизненная позиция, закодированная в языке и передаваемая из по-

¹ **Чеса (제사)** – поминки по усопшим. Это церемония почитания предков, проводимая в большинстве корейских семей, независимо от религиозной принадлежности. Во время чеса семьи устраивают алтарь, на который ставят еду, вино и рис, чтобы почтить память усопших. Этот обряд помогает сохранить связь с предками и передать им благословение.

² **Чхаре 차례** – обряд, который проводят на утро в дни больших корейских праздников, таких как Новый год по лунному календарю (Соллаль 설날) и Праздник урожая (Чхусок 추석).

³ На Праздник урожая **Чхусок (추석)** корейцы проводят три обряда почитания предков. Первый – **벌초** (польцо) – покос травы на могилах своих предков и приведение в порядок местности вокруг их могил; второй ритуал называется **성묘** (сонмё), предполагает посещение могил предков и разделение трапезы с умершими родственниками; третий ритуал **차례** (чхаре) проводится в семейном доме перед алтарём, сооружённым в честь предков.

колениа в поколение, формирует деятельный образ жизни корейцев, проявляющийся в их трудолюбии, стремлении к образованию, постоянном самосовершенствовании и активном участии в жизни общества. Именно эта установка на неустанное развитие находит отражение в моральных принципах и ценностях, которыми руководствуются жители Кореи.

Моральный принцип, предписывающий корейцам не жаловаться на судьбу, не винить других, а стремиться к личностному росту и развитию, находит своё выражение в следующих корейских идиомах и паремиях:

- **인생은 길이가 아니라 깊이다** (букв.: Жизнь – это не длина, а глубина).

В переводе на рус.: Жизнь измеряется не количеством лет, а глубиной опыта.

Данная пословица репрезентирует философскую мысль, аксиологической доминантой которой является качество жизни, а не её продолжительность. Пословица подчёркивает важность процесса активного формирования корейцами своего жизненного нарратива, заключающегося в осознанном выборе целей, стремлении к самореализации и постоянном расширении горизонтов познания и опыта.

Ценность деятельного образа жизни над простой констатацией биологического существования метафорически выражена в следующей пословице:

- **구르는 돌에는 이끼가 끼지 않는다** (букв.: Мох не покрывается на камне, который катится).

В переводе на рус.: Катящийся камень мхом не обрастает.

Подобно тому как катящийся камень не даёт возможности для разрастания мха, человек, находящийся в постоянном движении и развитии, избегает стагнации, рутины и косности мышления. Пословица репрезентирует стремление человека к гибкости, адаптивности и развитию, подчёркивая, что движение – это жизнь, а бездействие ведёт к упадку. Пословица также может указывать на то, что постоянная занятость и активность предотвращают возникновение негативных мыслей и эмоций, которые могут «покрыть мхом» разум.

Представление о том, что для достижения какого-либо результата необходимо проявлять активность, находит своё воплощение в следующей идиоме:

- **부뚜막의 소금도 집어 넣어야 짜다** (букв.: Близко соль у кухонной плиты, но, чтобы было солоно, её надо высыпать в котёл).

В переводе на рус.: Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Идиома акцентирует внимание на том, что просто наличие ресурсов или знаний недостаточно для извлечения из них пользы. Она отражает глубоко укоренившуюся в корейской культуре ценность труда, где активное участие и настойчивость рассматриваются корейцами как ключевые факторы успеха. В контексте представления о жизни как о пути познания эта идиома наглядно демонстрирует, что каждый этап жизненного пути требует усилий и осознанной вовлечённости.

В представленной ниже идиоме вербализована мысль о том, что даже самые незначительные усилия могут привести к большим результатам:

- **티끌 모아 태산** (букв.: Из соринок гора получается).

В переводе на рус.: Курочка по зёрнышку клюёт.

Данная идиома подчёркивает значимость любого опыта. Даже самый мелкий и незначительный на первый взгляд опыт имеет свою ценность, поскольку именно из мелочей скла-

дывается жизненный путь, часто предоставляющий возможности для роста и развития. Подобно тому как множество соринки образуют гору, знания и навыки, приобретённые на протяжении жизни, закладывают фундамент для личного и профессионального роста. Идиома также напоминает о том, что для достижения больших целей необходимо проявлять терпение и настойчивость. Маленькие шаги, которые человек делает ежедневно, могут оказаться решающими в долгосрочной перспективе.

О сложности человеческих отношений и о значимости даже негативного опыта, который может стать ценным уроком, говорит следующая пословица:

• **때리는 시어머니보다 말리는 시누이가 더 밍다** (букв.: Ты ненавидишь свекровь, которая тебя порицает, но больше ты ненавидишь золовку, которая с ней заодно).

В переводе на рус.: Противен не тот, кто в глаза бранит, а тот, кто за глаза хулит / На языке мёд, а на сердце лёд.

Данная пословица отражает трудности жизни корейских женщин в недалёком прошлом и выражает неприязнь к человеку, который только внешне кроток и молчалив, а в душе зол и за спиной других сплетничает.

С точки зрения концепции жизни как пути познания эта пословица акцентирует внимание на том, что люди могут воспринимать критику от своих явных недоброжелателей (в данном случае в образе свекрови) легче, чем скрытую враждебность от близких (золовки). Пословица напоминает о том, что даже негативный опыт может стать ценным уроком. Например, столкновение с лицемерием может научить нас быть более внимательными к истинным мотивам людей и развивать критическое мышление.

Благополучную жизнь, благосостояние и достаток репрезентирует следующая идиома:

• **배에 기름이 지다** (букв.: Живот обрастает жиром).

В переводе на рус.: Кататься как сыр в масле.

Данная идиома символизирует жизнь в комфорте и отсутствие забот, что может быть связано как с физическим состоянием, так и с финансовым благополучием. В корейской культуре полнота человека часто ассоциировалась с его богатством и достатком, особенно в голодные времена, когда еда была дефицитом. Упитанный живот был признаком того, что человек принадлежит к привилегированному классу и не знает голода. Метафоричность образа человека, у которого «живот обрастает жиром», указывает на наличие всего необходимого для его комфортной жизни.

Когда речь заходит о сложной и тяжёлой жизни, корейцы говорят:

• **입에 풀칠하다** (букв.: Намазать рот клеем).

В переводе на рус.: Сводить концы с концами.

Идиома указывает не столько на бедность, сколько на недостаточность: недостаток еды, ресурсов, возможностей. Это не просто «жить скромно», а не иметь достаточного даже для самых базовых нужд, когда речь идёт о выживании в условиях крайней недостаточности, отсутствия выбора, временности и нестабильности.

Буквальная интерпретация данной идиомы может показаться странной, но она символизирует попытку «склеить» или «заполнить» недостаток чего-либо, особенно в контексте питания или финансов. Использование клея подразумевает отсутствие лучших вариантов, последний ресурс, когда всё остальное недоступно, и усиливает чувство беспомощности и безысходности, делая идиому особенно выразительной.

Корейские идиомы и паремии, репрезентирующие концепт «смерть», часто служат отражением культурных и философских представлений о жизни и смерти в корейском обществе. Примечательно, что идиомы и пословицы не столько описывают физический процесс умирания, сколько затрагивают более глубокие аспекты, такие как судьба, моральные ценности и понимание посмертной жизни.

Отражением восточного мировоззрения корейцев, в котором смерть воспринимается не как конец, а как переход к новому состоянию существования, служит следующая идиома:

- **죽음은 삶의 일부다** (букв.: Смерть является частью жизни).

В переводе на рус.: Смерть – это часть жизни.

Данная идиома отражает философское понимание смерти как естественного этапа в цикле существования. Концепт «смерть» определяется через «жизнь», поскольку смерть человека воспринимается не как окончание, а как переход к новому состоянию. Это связано с представлениями о реинкарнации, когда душа продолжает своё существование после физической смерти. Важным аспектом такого мировоззрения является культ предков, который занимает особое место в корейской культуре.

Культ предков, укоренённый в конфуцианской традиции, основывается на вере в то, что после физической смерти предки продолжают существовать в духовном мире и оказывать влияние на судьбы потомков. Считается, что они направляют действия живых и оберегают их от несчастий.

Несмотря на веру в бессмертие души и влияние предков, корейцы помнят о конечности физического существования и необходимости мудрого использования отпущенного времени земной жизни. Эта мысль находит яркое выражение в следующей идиоме, подчёркивающей значимость бережного отношения человека к своим ресурсам и необходимости их рационального использования:

- **기름이 다 닳으면 등불은 꺼진다** (букв.: Когда масло израсходуется, фонарь погаснет).

В переводе на рус.: Когда масло кончается, свет фонаря затухает.

Идиома репрезентирует мысль о конечности жизненного пути и её зависимости от определённых условий, осмысляя жизнь через призму смерти как неминуемого завершения при отсутствии поддерживающих факторов. Корреляция понятия «жизнь» здесь концептуализируется через «смерть». Метафора фонаря, гаснущего с последней каплей масла, красноречиво говорит о бренности человеческого существования. Масло олицетворяет собой жизненные ресурсы: физическую силу, здоровье, эмоциональную устойчивость, истощение которых неминуемо ведёт к угасанию. Эта аналогия подчёркивает, насколько уязвима человеческая жизнь, и призывает к осознанному управлению своими силами. Важно использовать их мудро и стремиться к тому, чтобы жизнь была наполнена смыслом и значением до самого конца.

Размышляя о достойном завершении жизненного пути, нельзя не вспомнить об идиоме, которая ставит спокойную смерть в один ряд с важнейшими жизненными благами:

- **죽을 때 편히 죽는 것도 오복의 하나이다** (букв.: Когда умираешь, даже то, что ты умираешь спокойно, – это одно из пяти благ).

В переводе на рус.: И спокойная смерть – одно из пяти благ.

В корейской культуре «오복» (五福) представляет собой желаемые пять благ жизненных условий и благословений, которые считаются важными для достижения счастья и благополучия. Хотя конкретные интерпретации могут немного различаться, традиционно к пяти благам относят:

1. Долгую жизнь (수, 壽): Желание прожить долгую и здоровую жизнь.
2. Богатство (부, 富): Наличие достатка и материального благополучия.
3. Здоровье (강녕, 康寧): Крепкое здоровье и физическое благополучие.
4. Любовь к добродетели (유호덕, 攸好德): Стремление к добродетельной жизни и совершению добрых дел.
5. Спокойная смерть (고종명, 考終命): Умереть в преклонном возрасте, в мире и спокойствии, естественной смертью, что считается важным для завершения жизненного пути.

Эти пять благ отражают основные стремления и ценности корейского народа, подчёркивая важность как личного счастья, так и ответственности перед семьёй и социумом. Спокойная смерть как одно из пяти благ указывает на то, что уход из жизни должен быть мирным и безболезненным, чтобы не создавать дополнительных трудностей для близких.

Размышляя о бренности человеческого существования и о том, что остаётся после физической смерти, невозможно обойти вниманием корейскую мудрость, заключённую в пословице:

• **호랑이는 죽어서 가죽을 남기고 사람은 죽어서 이름을 남긴다** (букв.: Тигр, умерев, оставляет шкуру, а человек, умерев, оставляет имя).

В переводе на рус.: Тигр умирает и оставляет после себя шкуру, а человек – имя.

Пословица подчёркивает, что ценность жизни человека измеряется не только материальными достижениями, но и тем, что он оставляет после себя в памяти других. Такое сильное и могучее животное, как тигр, после смерти оставляет физический след – шкуру. Для человека важно создать нечто большее, чем материальные следы. Таким нематериальным наследием становится Имя как символ признания, уважения и влияния на общество. В этом Имени отражаются добродетели и принципы, которые человек отстаивал при жизни и которые будут чтиться его потомками, определяя их собственный моральный компас.

Таким образом, концептуальная диада «жизнь» – «смерть» в корейской фразеологии не просто репрезентирует физиологические явления, но глубоко отражает мировоззрение корейского народа с его уникальным взглядом на существование и место в мире: корреляция понятия «жизнь» концептуализируется через «смерть», а «смерть» описывается через «жизнь». Корейским народом жизнь воспринимается как временный и хрупкий дар, полный уроков и испытаний, требующих терпения и бережного подхода. Аксиологической доминантой выступает качество жизни, а не её продолжительность, что отражается в ценности усердного труда и самосовершенствования корейцев. Смерть, в свою очередь, рассматривается не только как завершение жизненного пути и переход в другое состояние бытия, что подчёркивает её значимость в контексте духовной и культурной традиции, но и как потенциально благоприятное событие, поскольку спокойная смерть в старости считается одним из пяти благ, символизирующих благополучие и исполнение жизненного предназначения.

Примечательно, что сами лексемы «жизнь» и «смерть» не всегда употребляются в корейских идиомах и пословицах, однако понятия, подразумевающие эти концепты и все аспекты, с ними связанные, выражены широко и разнообразно. Это свидетельствует о высокой

степени концептуализации данных понятий в корейской лингвокультуре, даже при отсутствии их прямой номинации в языковых единицах.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2002. 477 с.
3. Лим Э.Х., Че И.Е., Корнеева И.В. Традиционная культура корейцев в обрядах жизненного цикла: монография. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2015. 92 с.
4. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. 1997. № 1. С. 11–35.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
6. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов. Т. 1 / под ред. В.И. Карасика [и др.]. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 15–19.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Учебное издание. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследований. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
9. Тихоненко В.А., Менгсон И., Гайнуллина Е.Ю. Корейские идиомы: изучаем и применяем: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2022. 124 с.
10. Pyun Danielle O. 500 common Korean idioms. New York: Routledge, 2018. 236 p.
11. Jeyseon Lee, Youseon Lee. Essential Korean idioms. 300 idioms to upgrade your Korean. Seoul Sellereshon, 2017. 200 p.
12. Choe Gwonjin, Song Gyeongog. Althoran Korean dictionary for intermediate and advanced level [최권진, 송경옥. 알토란. 한국어 어휘: 중·고급]. Seoul: Sotong, 2015. 408 p.
13. 김선정. 살아있는 한국어: 관용어. – 랭기지플러스, 2007. 256 쪽. (Kim Sunjung. Live Korean: Idiom. Rangizi Plus Publ., 2007. 256 p.)
14. 원은영. 관용어와 속담으로 배우는 한국어. – 도서출판 참, 2017. 272 쪽. (Won Eunyung. Learn Korean with the help of idioms and proverbs. Pravda Publ., 2017. 272 p.)

References

1. Vorkachev S.G. Happiness as a linguistic and cultural concept. Moscow: ITDGC “Gnosis”, 2004. 192 p. (In Russ.).
2. Karasik V. I. The linguistic circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnosis, 2002. 477 p. (In Russ.).
3. Lim E.H., Che I.E., Korneeva I.V. The traditional culture of Koreans in the rituals of the life cycle: a monograph. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhgu, 2015. 92 p. (In Russ.).
4. Lyapin S.H. Conceptology: towards the formation of an approach. *Concepts. Scientific works of Centroconcept*, 1997, no. 1, pp.11–35. (In Russ.).
5. Maslova V.A. Introduction to cognitive linguistics. Minsk: TetraSystems, 2004. 256 p. (In Russ.).

6. *Pimenova M.V.* Methodology of conceptual research. *Anthology of concepts*. Vol. 1 Edited by V.I. Karasik [et al.]. Volgograd: Paradigma, 2005. P. 15–19. (In Russ.).
7. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Cognitive linguistics. Educational edition. Moscow AST: “East-West”, 2007. 314 p. (In Russ.).
8. *Stepanov Yu.S.* Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience. 3rd ed., corr. and add. M.: Academic Project, 2004. 992 p. (In Russ.).
9. *Tikhonenko V.A., Mengson I., Gainullina E.Yu.* Korean idioms: we study and apply: textbook. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2022. 124 p. (In Russ.).
10. *Pyun Danielle O.* 500 common Korean idioms. New York: Routledge, 2018. 236 p. (In Kor-Eng.).
11. *Jeyseon Lee, Youseon Lee.* Essential Korean idioms. 300 idioms to upgrade your Korean. Seoul Sellerchshon. 2017. 200 p. (In Kor-Eng.).
12. *Choe Gwonjin, Song Gyeongog.* Althoran Korean dictionary for intermediate and advanced level. Seoul: Sotong, 2015. 408 p. (in Kor.).
13. *Kim Sunjung.* Live Korean: Idiom. Rangizi Plus, 2007. 256 p. (in Kor.).
14. *Won Eunyounge.* Learn Korean with the help of idioms and proverbs. Pravda Publ., 2017. 272 p. (in Kor.).

Статья поступила в редакцию / Received 24.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 25.02.2025

Принята к публикации / Accepted 26.02.2025

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/128-135>

Анализ медиатекстов: стратегия и практическое применение

Ольга Константиновна Титова¹, Александра Владимировна Ерёмченко²

^{1, 2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

¹Кандидат филологических наук, доцент, доцент Академического департамента английского языка, titova.ok@dvfu.ru

¹Кандидат филологических наук, доцент Академического департамента английского языка, eremenko.av@dvfu.ru

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена тем, что в настоящее время внимание широкой аудитории приковано к тем политическим процессам и событиям, которые происходят на мировой арене. Средства массовой информации являются транслятором мировой политики, формирующим общественное мнение. Будучи инструментами манипуляции в руках различных политических акторов, средства массовой информации навязывают обществу определённый взгляд на те или иные события, что, в свою очередь, способствует формированию определённого мнения и принятию политических решений. В современных условиях особенно важно уметь распознавать манипулятивные инструменты, используемые в медиаресурсах, и критически оценивать публикуемую информацию. Это позволяет формировать независимое мнение и принимать обоснованные решения в отношении международных событий. Данную задачу решает анализ медиаконтента, который позволяет извлекать информацию из медиатекстов, обеспечивая более глубокое понимание как явных идей, так и скрытых смыслов и коммуникативных намерений авторов публикаций.

В данной работе описывается стратегия анализа медиатекстов на примере англоязычных медиаресурсов. Приводится обзор теоретических положений, которые положены в основу авторской концепции предлагаемой стратегии анализа. Одной из главных профессиональных сфер практического применения разработанной стратегии является высшее образование. Анализ политических текстов, опубликованных в зарубежных медийных источниках, может быть использован в качестве образовательного инструмента на занятиях по английскому языку для студентов специальности «Международные отношения», так как данный метод не только развивает иноязычную коммуникативную компетенцию, но и компетенции, необходимые профессионалам в области международных отношений, такие как навыки медиаграмотности, критическое мышление и осведомлённость о вопросах, которые в настоящее время наиболее волнуют международное сообщество.

Ключевые слова: анализ медиатекстов, медиаграмотность, фрейм, сотрудничество, международные отношения

Для цитирования: Титова О.К., Ерёмченко А.В. Анализ медиатекстов: стратегия и практическое применение // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 128–135.

Original article

Media texts analysis: strategy and practical application

Olga K. Titova¹, Alexandra V. Eremenko²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Language, titova.ok@dvfu.ru

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department English Language, eremenko.av@dvfu.ru

Abstract. The article deals with presenting media texts analysis strategy that relies on collaborative approach. The relevance of the paper is defined by the fact that media plays a critical role in transmitting world politics. As tools of manipulation in the hands of various political actors, the media impose a certain perspective on society regarding specific events, which in turn contributes to the formation of particular opinions and the making of political decisions. In today's world, it is especially important to be able to recognize the manipulative tools used by the media and to critically evaluate the information they publish. This enables individuals to form their own independent opinions and make more informed decisions regarding international events. Media content analysis provides a deeper understanding of the messages and images created by media resources. This paper describes a strategy for analyzing media texts using English-language media resources as an example. Theoretical overview that forms the basis of the author's concept is given. Practical application of the described strategy is also outlined.

Key words: media text analysis, media literacy, frame, collaboration, international relations

For citation: Titova O.K., Eremenko A.V. Media texts analysis: strategy and practical application. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 128–135. (In Russ.).

Introduction. Media play a significant role in international politics by shaping public opinion and facilitating communication between nations. First, media outlets provide information about international events, policies, and conflicts, helping to inform the public and policymakers. Next, media coverage can significantly impact public opinion on international issues, influencing the way they are perceived. By highlighting certain stories or perspectives, mass media shape the agenda for public debate and political action. This, in turn, can affect government actions and diplomatic relations. Besides, by exposing corruption, human rights abuses, or violations of international law, media help to hold governments accountable for their actions on the international stage and force them to change their behavior. Finally, countries can use media to promote their culture, values, and ideologies globally, enhancing their soft power. This can influence other nations' perceptions and foster goodwill, which can be beneficial in diplomatic relations.

The role that media play in society makes the importance of media content analysis self-evident. Analyzing media texts facilitates raising awareness of the current situation in the international arena and building background knowledge on world politics. This analysis helps to understand how media influence the perception of global issues and shape public opinion on them which, in turn, helps to develop news literacy and critical view on the information provided by the media.

The purpose of this article is to outline a media texts analysis strategy devised by the authors that relies on collaborative approach and has a special focus on political texts. Its implementation in the course “English for Specific Purposes” with international relations students can raise their awareness of global issues, develop their ability to evaluate facts and opinions and enhance news literacy skills.

Media content analysis theoretical background. Media texts of different types comprehensively represent social reality and shape our understanding of the world. This is the reason why media resources can be used for educational purposes as a learning material. According to D. Buckingham and J. Sefton-Green, through media students raise their awareness of sociopolitical issues as they begin to understand how political dynamics define the stories presented in the media [1, p. 98–104]. This understanding can be achieved through media content analysis.

Media content analysis is often defined as a strategy that helps the researchers to make valid inferences through identifying specific characteristics within text [10, p. 5]. It provides insights into the messages and images represented in mass media.

Applying media content analysis can raise public awareness of the issues which are currently at the top of the global agenda. This strategy uses different literacy practices to identify whether the information in the media is reliable enough and can be trusted. It also teaches to analyze and evaluate facts, challenge some claims and discredit misinformation.

To critically engage with media content and gain a deeper understanding of how it shapes public opinion, it is essential to identify the framing used in the article. According to R.M. Entman, articles typically contain frames that identify a specific problem, define the underlying cause of the problem, make a moral judgement of the problem and suggest one or several solutions to that problem [4, p. 52]. Journalists use frames to help break down complex situations into content that can be easily understood and consumed by the audience [7]. Frames can be understood as particular principles of selection, emphasizing, presentation and interpretation of events. As E. Goffman and R.M. Entman notice, we experience life through frames. What we know about the world around us depends on the frames we use to analyze and understand reality. Framing shapes perceptions, highlights certain aspects of a story and provides a context that guides the audience’s understanding [4, p. 52; 6, p. 21]. As media have the power to define the public agenda, the way media frame certain events influence the way people think about them. Most studies dealing with media content analysis touch upon the existence of one or another frame focusing on how using them can shape public opinion. The frames used in the articles on political issues often fall into several types.

Conflict frame focuses on disagreements or confrontations between parties or countries, it emphasizes opposing viewpoints and can create a narrative of winners and losers. Such frames emphasize conflict between individuals, groups, or institutions as a means of capturing audience interest [9, p. 95].

Moral frame presents issues in terms of moral implications often appealing to the audience’s sense of “right” and “wrong”. It can be used in discussions about social issues, justice and community values [9, p. 96; 3, p. 641–642].

Political frame focuses on implications of news events, including the actions and motives of political leaders, policy debates and the influence of ideologies. Observing and comparing political frames play an essential role in understanding power interactions within a society and evolving changes in public attention [8, p. 22; 25].

Crises frame emphasizes urgency and the need for immediate actions, often used in reporting urgent political situations, natural disasters, health emergencies. Framing a crisis in a political context not only sets the narrative surrounding events but also contributes to policy responses [11, p. 6].

Overall, identifying the frame contributes to a deeper understanding of media narratives and fosters more informed, critical engagement with media content. Recognizing how framing works allows individuals to understand its potential impact on their attitudes and beliefs about important issues. It should be emphasized that relying on few media resources which employ a restricted number of frames to report on the events can lead to a very limited perspective of reality and a wide range of media resources reporting on the same issue should be analyzed in case a more objective and better-grounded opinion on the issue is to be formed.

One more important task of the analysis is to identify the language the author of the article uses to frame the topic and influence the perception of the audience. We share the opinion of the scientists who believe that language is a tool used to promote an ideology, so selecting words plays a significant role in shaping the audience's opinion and manipulating its behavior [5, p. 31; 34]. Journalists use different linguistic forms to present news in order to talk influentially, clearly, stylistically and sometimes tactfully [5, p. 29]. These linguistic forms have different applications and meet different goals. While analyzing the language used in the media text it is important to identify moral judgments made by the journalists, the extent to which the opinion presented in the article is biased and how effectively the opinion of the audience is manipulated. Analyzing linguistic forms helps to understand the idea behind the words and reveal the hidden goals behind the press messages, hence, to find out what is kept from the public and what is shown as natural to make people believe some ideas are true and are not to be challenged.

The described media text analysis strategy was tested during the course "English for Specific Purposes" (ESP) with international relations students (IR). Working with media content can consist of two stages: the first stage is preparatory or individual and the second one is collaborative.

Preparatory (individual) stage. In the first stage students are given an article on a political issue and asked to identify the key ideas, the message of the article and the communicative goal of the author of the article. The message of the article is the most important component of the text, the purpose of the author's statement and the semantic center of the article. Identifying it usually presents a challenge for students. To help students find the way to rise to the challenge, the teacher can apply several methods which are well known and are not the focus of this article.

Finally, in this stage students can be asked to summarize the main points of the article in their own words and discuss how effectively the evidence supports the claims made.

Collaborative stage. Collaborative approach to the media text analysis turns out to be highly instrumental in helping students enhance their critical media literacy and mental capacity for explaining the ideological implications that political media discourse represents.

When collaborative activities occur, learners enlarge their knowledge storage, at the same time they do not just passively absorb the knowledge, but they also question some information, criticize the position of other students, argue with them, and do other critical thinking activities. In this case some students are involved in activities which include the elements of teaching known as one of the most effective ways of learning, while others get the opportunity to learn new things from their more knowledgeable and academically advanced peers.

In the collaborative stage students are asked to analyze the linguistic forms used in the article that reveal biases and identify the ideas that they find interesting, controversial or worth discussing. They are encouraged to ask questions about the problems raised in the article and then they must put all linguistic forms they have found, the ideas and questions in a table shared on Google disk so that all students can get access to the table and see ideas and questions chosen by other members of the group. During the class students work together. They find the ideas of their groupmates that resonate with them most and provide their opinion on them. Participants of the activity, whose ideas are chosen, provide their opinion too, agreeing, disagreeing with others or providing a look at the issue from a different perspective. The same activity is done with the questions.

Here is an example of the shared table filled in by the students during the collaborative media text analysis (Table 1).

Table 1

Media text analysis of the article «The Presidential Race is Far Tighter than Democrats probably realize» (The Guardian, 03.11.2024)

Title	John Zogby <i>The Presidential Race is Far Tighter than Democrats probably realize</i> (published in the Guardian on the 3 rd of November 2024)		
Main idea	Neither of the two US candidates holds the lead in the current presidential campaign with Kamala Harris supported mostly by black Americans and women and Donald Trump relying on white men who pin their hopes on the return to traditional values.		
Surnames of students	The ideas to be discussed	Questions to the problems raised	Linguistic devices that frame the article (Which of the two candidates does the author side with?)
Student 1	Trump’s latest gambit is patronizing women by telling them they do not need abortion to achieve self-actualization and empowerment, that he will protect them, that they don’t need to be worrying their pretty little heads about abortion rights	What impact can addressing gender issues have on the outcomes of the presidential election?	1. Trump’s calling his opponent a diversity hire . 2. Intriguing, fascinating dynamic
Student 2	Men are finding it harder to define their careers and future, they fear they are losing ground	What can shift the alignments of the groups normally voting for the representative of one party?	1. Trump’s latest gambit 2. To do aggressive male thing (about Trump)
Student 3	Trump picking up such a larger piece of the Black turnout could hurt the Democrats significantly	What accounts for the “gender gap” in voting alignments?	Unprecedented misogyny and downright hat
Student 4	Trump and his supporters continue to promise a return of America, where “Girls were girls and men were men”	What makes Trump’s program so appealing to young men?	1. ... women don’t need to be worrying their pretty little heads about abortion rights 2. ...the same world where communities were white, and the US was always right

The analyzed article was published shortly before the election day in the USA, and it was devoted to the current situation in the presidential race with the analysis of the alignments of the voting groups supporting Donald Trump and Kamala Harris. The article falls into a political frame and features the motives of the candidates to a high office. After identifying the key ideas, the message of the article was articulated. It can be presented like this: *Neither of the two US candidates holds the lead in the current presidential campaign with Kamala Harris supported mostly by black Americans and women and Donald Trump relying on white men who pin their hopes on the return to traditional values.*

While trying to identify which side the author of the article supports and whether the view presented in the article is biased through the analysis of the language employed by John Zogby, the conclusion was made that the author's preferences are on the side of Kamala Harris. According to the author during his campaign D. Trump shows *unprecedented misogyny and downright hate*, he insults his opponent calling her *a diversity hire*, continues doing *aggressive male things* and shows his disrespect for women when saying women don't need to be worrying *their pretty little heads* about abortion rights. All these linguistic forms used by John Zogby carry strong negative connotations and imply his negative attitude to Donald Trump.

During collaboration, the ideas that are considered interesting or controversial are discussed. Following the strategy steps and performing the activity in collaboration also gives an opportunity to better understand the positions of the two candidates and the interests of their voters that the candidates had to take into account. The issue that aroused the biggest interest was the issue about D. Trump's relying on a return of the leadership position of men in the society.

Practical application. Media texts analysis strategy is essential for application in higher education in the course "English for Specific Purposes". ESP is an important part of the program aimed at building IR students' professional competencies. Being exposed to a plethora of authentic materials such as video materials, podcasts and articles that feature the issues related to the degree in the field of international relations, students also get an opportunity to build background knowledge and develop professional expertise in their field of study [2, p. 151].

There are a lot of difficulties that students might face while trying to deal with foreign media resources. First and foremost, analyzing ideas presented in the political articles requires higher order thinking skills that many students lack. Then, students might not have solid background knowledge that is essential for understanding and interpreting the information presented in political articles. Next, they often do not have strong linguistic competence that would allow them to read and understand authentic media texts in English.

Besides, many students do not know how to make inferences from what they read and how to understand the ideas that are not stated openly but just implied. Finally, they have a weak ability to think critically and challenge the ideas that they see in articles. All these difficulties can significantly impede students' progress. The devised strategy will help IR students focus both on revealing subject-specific language use and become more adept in the use of language aligned to their specific disciplines and facilitate the development of professional competencies.

The collaborative character of the proposed strategy helps IR graduates rise to the challenge and considerably increases the effectiveness of the conducted analysis. While working together and observing each other's performance they get an opportunity to handle the challenges mentioned above.

Conclusion. The proposed strategy of the political media texts analysis has a number of benefits.

First, it serves as a tool that structures the media text analysis and makes it more comprehensive. The table shared on Google disk is an effective form of structuring the material. It serves as a “bank” of all chosen ideas and linguistic devices that frame the article. Being collaborative, it also provides the opportunity for the learners to conduct a thorough analysis considering and discussing all presented in the article ideas that deserve attention. It also helps students to carefully and fully study the linguistic devices that frame the article.

Second, analyzing the frame the media content falls into and the linguistic forms that frame the article helps to reveal biases and understand the communicative goal of the author of the article.

Moreover, in terms of practical application, the described media texts analysis strategy proves to be highly instrumental for training international relations graduates and can be used for educational purposes. It allows less advanced students to become more mentally alert in assessing the implications of political discourse while observing the performance of their peers and learning from them to complete challenging tasks that require higher-order thinking skills.

We believe that the proposed strategy can be used for educational goals regardless of the field of study.

Список литературы

1. *Buckingham D., Sefton-Green J.* Making sense of the media: from reading to culture // *Teaching English* / ed. by S. Brindley. London, New York: Routledge, 1993. P. 98–104.
2. *Djelloul K.H., Melouk M.* Meeting students’ needs: ESP teaching at the department of political sciences // *African Educational Research Journal*. 2022. Vol. 10(2). P. 150–160.
3. *Domke D., Shah D., Wackman D.* Rights and morals, issues, and candidate integrity: insights into role of the news media // *Political Psychology*. 2000. Vol. 21(4). P. 641–663.
4. *Entman R.M.* Framing: toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43(4). P. 51–58.
5. *Ghassemi R., Hemmatgoshia Z.* Language in media: a tool for expressing political views // *Advances in Language and Literary Studies*. 2019. Vol. 10(5). P. 28–35.
6. *Goffman E.* *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Boston: Northeastern University Press, 1986. 586 p.
7. *Media Framing*. URL: <https://archive.pagecentertraining.psu.edu/public-relations-ethics/-media-framing-and-ethics/medias-agenda-setting-role/media-framing/> (дата обращения: 04.12.2024).
8. *Olivas Osuna J.J., Jorge-Botana G., Martinez-Huertas J.A., Olmos Albacete R., Martínez-Mingo A.* Quantifying the ideational context: political frames, meaning trajectories and punctuated equilibria in Spanish mainstream press during the Catalan nationalist challenge // *Political Research Exchange*. 2023. Vol. 5(1). P. 1–33.
URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2474736X.2023.2287036> (дата обращения: 05.12.2024).
9. *Semetko H., Valkenburg P.* Framing European politics: a content analysis of press and television news // *Journal of Communication*. 2020. Vol. 50(2). P. 93–109.
10. *Stone P.J., Dunphy D.C., Smith M.S., Ogilvie D.M.* *The General inquirer: a computer approach to content analysis*. Cambridge: MIT Press, 1996. 651 p.

11. Vincze H.O., Balaban D.C. The Evolution of crisis frames in the European Commission's Institutional Communication (2003–2022) // *Media and Communication*. 2024. Vol. 12. P. 1–19.

References

1. Buckingham D., Sefton-Green J. Making sense of the media: from reading to culture. *Teaching English*. Ed. by S. Brindley. London, New York: Routledge, 1993. P. 98–104.
2. Djelloul K.H., Melouk M. Meeting students' needs: ESP teaching at the department of political sciences. *African Educational Research Journal*, 2022, vol. 10(2), pp. 150–160.
3. Domke D., Shah D., Wackman D. Rights and morals, issues, and candidate integrity: insights into role of the news media. *Political Psychology*, 2000, vol. 21(4), pp. 641–663.
4. Entman R.M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 1993, vol. 43(4), pp. 51–58.
5. Ghassemi R., Hemmatgosha Z. Language in media: a tool for expressing political views. *Advances in Language and Literary Studies*, 2019, vol. 10(5), pp. 28–35.
6. Goffman E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Boston: Northeastern University Press, 1986. 586 p.
7. *Media Framing*. URL: <https://archive.pagecentertraining.psu.edu/public-relations-ethics/media-framing-and-ethics/medias-agenda-setting-role/media-framing/> (accessed: 04.12.2024).
8. Olivas Osuna J.J., Jorge-Botana G., Martínez-Huertas J.A., Olmos Albacete R., Martínez-Mingo A. Quantifying the ideational context: political frames, meaning trajectories and punctuated equilibria in Spanish mainstream press during the Catalan nationalist challenge. *Political Research Exchange*, 2023, vol. 5(1), pp. 1–33.
URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2474736X.2023.2287036> (accessed: 05.12.2024).
9. Semetko H., Valkenburg P. Framing European politics: a content analysis of press and television news. *Journal of Communication*, 2020, vol. 50(2), pp. 93–109.
10. Stone P.J., Dunphy D.C., Smith M.S., Ogilvie D.M. *The General inquirer: a computer approach to content analysis*. Cambridge: MIT Press, 1996. 651 p.
11. Vincze H.O., Balaban D.C. The Evolution of crisis frames in the European Commission's Institutional Communication (2003–2022). *Media and Communication*, 2024, vol. 12, pp. 1–19.

Статья поступила в редакцию / Received 22.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 23.02.2025

Принята к публикации / Accepted 03.03.2025

Научная статья

УДК 811.1/.8

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/136-142>

Образы семьи Дурсли и Гарри Поттера в немецкоязычной версии романов Дж. К. Роулинг

Анна Ильясовна Мухаметова

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

Кандидат филологических наук, доцент Академического департамента английского языка,
mukhametova.ai@dvfu.ru

Аннотация. Объектом исследования в статье выступают образы персонажей членов семьи Дурсли и Гарри Поттера в немецкоязычном переводе романов Дж. К. Роулинг. В качестве предмета исследования определены языковые приёмы создания образов этих персонажей. Методы исследования, использованные в данной работе, включают описательный и контекстуальный анализ. Результаты исследования показали, что для создания образов персонажей используются, главным образом, лексические и стилистические приёмы, включающие лексический повтор и сравнения.

Ключевые слова: Гарри Поттер, немецкий текст, образ персонажей, лексический повтор, сравнение

Для цитирования: Мухаметова А.И. Образы семьи Дурсли и Гарри Поттера в немецкоязычной версии романов Дж. К. Роулинг // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 136–142.

Original article

Images of the Dursleys and Harry Potter in the German translation of the J.K. Rowling's novels

Anna I. Mukhametova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Academic Department of the English Language,

mukhametova.ai@dvfu.ru

Abstract. The object of the research includes the images of the characters of the Dursley family and Harry Potter in the German translation of the novels by J.K. Rowling. The subject of the research is linguistic tools for creating the images of these characters. Methods used in the research are descriptive and contextual analysis. The results have shown that to create the images of the characters lexical and stylistic methods are used. Mostly, they are lexical repetitions and comparisons.

Key words: Harry Potter, German text, image of characters, lexical repetition, comparison

For citation: Mukhametova A.I. Images of the Dursleys and Harry Potter in the German translation of the J.K. Rowling's novels. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 136–142. (In Russ.).

Статья посвящена анализу образов членов семьи Дурсли и Гарри Поттера в немецком переводе романов британской писательницы Дж. К. Роулинг, актуализированных языковыми средствами. Объектом исследования выступают образы этих персонажей. Предметом исследования являются лексические и стилистические средства, при помощи которых созданы эти образы. Методы исследования включают лингвистическое описание и контекстуальный анализ. Анализируется внешний и внутренний образ персонажей, включающий авторское описание и речь самих героев, указывающую на их взаимоотношения друг с другом и характеризующую их как личностей.

В художественном тексте важную роль играют действующие лица, которые являются непосредственными участниками сюжетных поворотов и основой развития действия. Все характеристики персонажей, объединяющие авторское описание внешности и внутреннего мира героев, их речевые особенности, взаимоотношения с другими героями произведения, связаны с категорией художественного образа [2], под которым понимается процесс понимания и истолкования реальной действительности, преобразованной сознанием человека и воссозданной при помощи объектов с эстетическим воздействием [3, 5]. Одним из средств создания образа героя является портрет – в него входят внешние характеристики и внутренняя сущность персонажа: биографические данные, психологические особенности, черты характера, манера общения [1, 4, 6]. Под образом персонажа мы понимаем целостное изображение героя произведения, включающее его внешний и внутренний образ, созданный в тексте при помощи авторского описания и отношения героев произведений друг к другу (портрет и взаимная характеристика). Проанализируем образы героев романов о Гарри Поттере, включающих его ближайших родственников и его самого.

Основной фигурой повествования в романах Дж. К. Роулинг является непосредственно сам Гарри Поттер, чьё имя вынесено в название всех частей саги. Это мальчик-волшебник, в раннем детстве потерявший родителей и живущий с родственниками – дядей и тётей по материнской линии. Несмотря на то что произведение посвящено Гарри, авторское повествование начинается с описания его родственников и их отношения к главному герою романа:

Mr. und Mrs. Dursley <...> waren stolz darauf, ganz und gar normal zu sein, sehr stolz sogar. Niemand wäre auf die Idee gekommen, sie könnten sich in eine merkwürdige und geheimnisvolle Geschichte verstricken, denn mit solchem Unsinn wollten sie nichts zu tun haben [7, s. 5]. /

Мистер и миссис Дурсли <...> гордились тем, что они совершенно нормальные, очень даже гордились. Никому бы и в голову не пришло, что они могут быть замешаны в странной и таинственной истории, поскольку они не хотели иметь ничего общего с подобной ерундой (здесь и далее перевод автора статьи, А.И. Мухаметовой).

Приведённый пример принадлежит началу первой книги о Гарри Поттере. В нём нет конкретного описания персонажей, но передано их отношение к себе и окружающей действительности. Автор характеризует дядю и тётю главного героя как людей «совершенно нормаль-

ных» (в немецком варианте употребляется выражение *ganz und gar*, которое дословно переводится как *целиком и полностью*, таким образом в предложении делается двойной акцент на том, насколько нормальными являются персонажи). Своей нормальностью герои неимоверно гордятся – об этом говорит прилагательное *stolz* (*гордый*), повторяющееся и усиливающееся наречием *sehr* (*очень*). Что подразумевается под нормальностью, мы узнаём из второго предложения, где по отношению к «странному и таинственному» используется определение «ерунда» (*Unsinn* – *глупость, вздор, чушь*). Таким образом, читатель может представить себе абсолютно прозаическую личность, лишённую фантазии и отрицающую всё, что выходит за рамки реалистичного объяснения. Так читатель знакомится с родственниками маленького волшебника Гарри Поттера, по иронии судьбы вынужденного жить с такими далёкими от магии людьми.

Поскольку семья Дурсли считает всё магическое «ерундой», соответствующие эмоции они испытывают и по отношению к самому Гарри. Приведём реплики членов семьи Дурсли, касающиеся восприятия ими своего племянника:

«*Harry. Ein hässlicher, gewöhnlicher Name, wenn du mich fragst*» [7, s. 12]. /

«*Гарри. Мерзкое, заурядное имя, я тебе скажу*».

Эта реплика принадлежит тётке Гарри, она произносит её в обращении к своему мужу. Через определение имени с помощью лексем *hässlich* (*мерзкий, отвратительный*) и *gewöhnlich* (*обычный, заурядный*) миссис Дурсли определяет и своё отношение к носителю этого имени – племянник вызывает в ней чувства отвращения и брезгливости даже на фонетическом уровне.

Также мы можем сделать вывод об отношении семьи Дурсли к Гарри, проанализировав глаголы, которые употребляет автор в описании реплик персонажей, обращённых к их племяннику. Приведём несколько примеров из речи тёти Гарри:

1. <...> *ihre schrille Stimme durchbrach die morgendliche Stille* <...> «*Aufstehen!*», *kreischte sie* [7, s. 24–25]. / <...> её резкий голос пронзил утреннюю тишину <...> «*Вставай!*», – завизжала она.

2. «*Was hast du gesagt?*», *keifte seine Tante durch die Tür* [7, s. 25]. / «*Что ты сказал?*», – огрызнулась его тётя через дверь.

3. «*Und nun?*», *sagte Tante Petunia und sah Harry so zornig an, als hätte er persönlich diese Unannehmlichkeit ausgeheckt* [7, s. 28]. / «*Что теперь?*», – сказала тётя Петунья и посмотрела на Гарри так гневно, будто он самолично устроил эти неприятности.

Первый и второй примеры взяты из сцены, в которой тётя будит Гарри утром. Голос миссис Дурсли резкий, пронзительный (*schrill*), и к этому автор добавляет глагол *durchbrechen* (*проламывать, пробивать*). Таким образом, вербализуется некомфортная психологическая обстановка, в которой находится Гарри Поттер, – громкий, резкий звук воспринимается человеческим ухом как неприятный, а глаголы *проламывать* и *пробивать* имеют коннотационный оттенок принуждения, нежелания со стороны адресата. Так, пронзительный звук врывается в наш слух подобно разбойнику, вломившемуся в дом против воли хозяина. В этом контексте можно проследить как отношение тёти к племяннику, так и племянника к тётке. С одной стороны, она обращается к нему неприятным тоном, поскольку Гарри ей противен, с другой же стороны, можно говорить о том, что Гарри воспринимает её голос в таком ключе, ведь и он взаимно её недолюбливает.

Ещё одной лексемой, указывающей на принуждение со стороны адресанта в приведённом контексте, является глагол *aufstehen* (*вставать*). Мы полагаем, что он неслучайно исполь-

зается автором в речи героини в инфинитиве, имеющем форму приказа, – так тётя показывает племяннику своё превосходство, её слово в доме – закон, которому ненавистный племянник обязан подчиняться. И этот приказ отдаётся неприятным голосом, миссис Дурсли *kreischte* (*визжала*). Этот глагол тоже указывает на неприязненное отношение тётя к племяннику. Далее тётя «огрызается» после того, как Гарри вздохнул вместо того, чтобы поторопиться встать с кровати. Она воспринимает его как безвольное существо, которое должно подчиняться её приказам безропотно и немедленно, поэтому даже ответ в виде звука (вздоха) вызывает в ней негативные эмоции.

Третий пример взят из повествования о сборах в зоологический сад по случаю дня рождения сына четы Дурсли. Родственники узнают, что соседка, с которой обычно проводит время Гарри Поттер, пока семья посещает какие-либо мероприятия, не сможет принять мальчика этим днём, и его придётся взять с собой в поездку. Миссис Дурсли с гневом взирает на племянника, словно он виноват в этом. Лексема *Unannehmlichkeit* (*неприятность, неудобство*) передаёт чувства отвращения и неприязни семьи к своему родственнику.

Эти чувства подтверждает манера общения дяди с племянником:

1. «*Kämm dir die Haare!*», *bellte er als Morgengruß* [7, s. 26]. / «*Причешись!*», – *прорычал он вместо приветствия.*

2. *Er drehte sich auf seinem Sitz <...> und schrie Harry an <...>* [7, s. 32]. / *Он повернулся на сиденье <...> и заорал на Гарри <...>.*

3. *<...> polterte Onkel Vernon und besprühte Harry mit mächtig viel Spucke* [8, s. 8]. / *<...> загрохотал дядя Вернон и мощно обрызгал Гарри слюной.*

Здесь автор перевода использует глаголы *bellen* (*лаять, рычать*), *anschreien* (*накричать*), *poltern* (*громыхать*), имеющие значение громкого звука, который также обладает негативной коннотацией.

Эти лексические средства формируют образ людей неприятных и жестоких. Вместе с тем внешность родственников Гарри Поттера соответствует их характерам. Проанализируем образы обоих персонажей на основании описания их внешности:

Er war groß und bullig und hatte fast keinen Hals, dafür aber einen sehr großen Schnurrbart. Mrs. Dursley war dünn und blond und besaß doppelt so viel Hals, wie notwendig gewesen wäre [7, s. 5]. / *Он был высоким здоровяком, почти без шеи, зато с очень видными усами. Миссис Дурсли была худой блондинкой и обладала шеей, вдвойне превышающей необходимые размеры.*

Во-первых, обратим внимание на то, что описание внешности героев создаёт образ «идеальной» пары. Автор наделяет персонажей характеристиками, дополняющими друг друга. Например, используется пара антонимических прилагательных, характеризующих мужа и жену – *groß* (*крупный*) / *bullig* (*крепкий*) и *dünn* (*худая*). Также в данном контексте можно рассматривать в качестве антонимов отрицательный артикль *kein*, означающий отсутствие чего-либо, и прилагательное *doppelt* (*двойной*). Крепкое телосложение мужа «дополнено» хрупким телосложением жены, а отсутствие у мужа шеи компенсируется двойной шеей супруги. Так, в описании каждого из персонажей мы видим гротескный образ, однако если совместить их характеристики, получится нечто среднее, что наводит на мысль об их «идеальной совместимости».

Во-вторых, в создании образов персонажей автор прибегает к анималистическим и другим сравнениям, включая их в описание от третьего лица или в косвенную речь самих героев, характеризующую их отношение друг к другу. Приведём примеры:

1. *Die Dursleys sprachen oft über Harry, als ob er gar nicht da wäre – oder vielmehr, als ob er etwas ganz Widerwärtiges wäre, das sie nicht verstehen konnten, eine Schnecke vielleicht* [7, s. 28]. / Дурсли часто говорили о Гарри, словно его не было рядом – или, скорее, будто он был чем-то совершенно отвратительным, чего они не могли понять, например улиткой.

2. *Onkel Vernon <...> das Gesicht wie eine riesige Scheibe Rote Bete mit Schnurrbart <...>* [7, s. 32]. / Дядя Вернон <...> лицо как гигантский круглый ломоть красной свёклы с усами <...>.

3. *Tante Petunia, knochig und pferdegesichtig <...>* [7, s. 21]. / Тётя Петунья, костлявая и лошадинолицая <...>.

4. *Tante Petunia sagte oft, dass Dudley aussehe wie ein kleiner Engel – Harry sagte oft, Dudley sehe aus wie ein Schwein mit Perücke* [8, s. 27]. / Тётя Петунья часто говорила, что Дадли выглядел как ангел – Гарри часто говорил, что Дадли выглядел как свинья в парике.

В первом примере автор использует анималистическое сравнение в восприятии Гарри его родственниками. Уподобление улитке, с одной стороны, указывает на его физические характеристики – невысокий рост, неприметность. С другой стороны, используется прилагательное *widerwärtig* (отвратительный), что снова отражает неприязненное отношение дяди и тёти к своему племяннику – в их глазах он неприятен, как улитка.

Второй пример отражает внешний облик дяди Вернона, его лицо сравнивается с огромным ломтём свёклы. Это сравнение усиливается с помощью прилагательного *rot* (красный). Таким образом ставится двойной акцент на интенсивности цвета лица персонажа. Огромный ломоть красной свёклы может также иметь двойное значение: так подчёркивается телосложение дяди Вернона (он очень полный, грузный мужчина), и одновременно красный цвет отражает его раздражение – он вынужден терпеть мальчика в его доме.

В третьем примере тётя Петунья сравнивается с лошадью посредством прилагательного *pferdegesichtig* (лошадинолицый). В сочетании с определением *knochig* (костлявый) внешность персонажа представляется малоприятной. Тётя Петунья характеризуется не просто как очень худая женщина, но «костлявая», что имеет определённо негативную коннотацию, а сравнение лица с лошадиной мордой подчёркивает её бесчеловечность по отношению к главному герою.

Последний пример демонстрирует оппозиционное представление о кузене героя – Дадли. Мать называет его ангелом – *kleiner Engel* (маленький ангел, ангелочек), но двоюродный брат Гарри сравнивает его со свиньёй. Сравнение *wie ein Schwein mit Perücke* (как свинья в парике) указывает на внешнюю несуразность, а также может показывать разновекторность восприятия: с одной стороны, здесь подчёркнута полнота персонажа свинья, с другой – нечеловеческое, неуважительное отношение к окружающим.

Обратимся к описанию главного героя книг Дж. К. Роулинг – Гарри Поттера. Приведём одно из описаний:

<...> war Harry für sein Alter immer recht klein und dürr gewesen. Er sah sogar noch kleiner und dürrer aus, als er in Wirklichkeit war, denn alles, was er zum Anziehen hatte, waren die abgelegten Klamotten Dudley's <...> ein schmales Gesicht, knubbelige Knie <...> Das Einzige, das Harry an seinem Aussehen mochte, war eine sehr feine Narbe auf seiner Stirn <...> [7, s. 26]. /

<...> Гарри всё ещё был довольно маленьким и худеньким для своего возраста. Он выглядел ещё меньше и более худым, чем был на самом деле, поскольку всё, что было у него из

одежды, – это обноски (изношенная одежда) Дадли <...> узкое лицо, узловатые колени <...> единственное, что Гарри нравилось в его внешности, – аккуратный шрам на лбу <...>

В приведённом примере автор использует приём лексического повтора, употребляя в первом предложении прилагательные *klein* (маленький) и *dürr* (худой) и во втором предложении их же в сравнительной степени *kleiner* (меньше) и *dürre* (более худой), подчёркивая «неприметность» Гарри Поттера. Интересно также отметить, что по отношению ко всем характеристикам своей внешности, приобретённым во время проживания со своими нелюбимыми родственниками, Гарри употребляет определения с негативной коннотацией – *abgelegt* (изношенный), *schmal* (узкий, в контексте это прилагательное имеет отрицательное значение), *knubbelig* (узловатый) – эти прилагательные относятся к одежде и внешности персонажа. Однако по отношению к шраму, который, казалось бы, должен считаться физическим изъяном, используется определение *fein* (аккуратный, милый). Шрам на лбу – единственное воспоминание о матери Гарри, павшей от рук злого волшебника, поэтому он самое красивое и милое сердцу напоминание Гарри о его родной любящей семье.

Итак, были рассмотрены некоторые примеры из книг Дж. К. Роулинг, репрезентирующие образ персонажей членов семьи Дурсли и Гарри Поттера. Исследование показало, что в создании этих образов с большей частотностью используются лексические и стилистические приёмы, а именно, лексический повтор, анималистические сравнения, а также лексические единицы с эмоциональной окраской (в основном глаголы и прилагательные), отражающие отношения персонажей друг к другу и одновременно характеризующие их.

Список литературы

1. Башкеева В.В. Русский словесный портрет: лирика и проза конца XVIII – первой трети XIX века: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 351 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 363 с.
3. Городникова М.Д. Текст и его лингвистические свойства // Лингвистика текста и обучение чтению. М., 1987. 160 с.
4. Дмитриевская Л.Н. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус). Ярославль: Литера, 2005. 135 с.
5. Роднянская И.Б., Кожин В.В. Образ // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1968. 365 с.
6. Серова К.А. Прагматический фокус и перспектива в словесном портрете в английской прозе XX века (на материале романов В. Вульф и Д. Фаулза): Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1996. 189 с.
7. Rowling J.K. Harry Potter und der Stein der Weisen. Carlsen, 1998. 335 p.
8. Rowling J.K. Harry Potter und der Gefangene von Askaban. Carlsen, 1999. 448 p.

References

1. Bashkeeva V.V. Russian language portrait: lyrics and prose of the late XVIII – first third of XIX century: Doctor's degree thesis. M., 2000. 351 p. (In Russ.)
2. Vinogradov V.V. About the language of literary prose. M.: Science, 1980. 363 p. (In Russ.)
3. Gorodnikova M.D. Text and its linguistic features. *Linguistics of the Text and Teaching of Reading*. M., 1987. 160 p. (In Russ.)

4. *Dmitrievskaya L.N.* Landscape and portrait: the issue of defining and literary analysis (landscape and portrait in the writings of Z.N. Gippius). Yaroslavl: Litera, 2005. 135 p. (In Russ.)
5. *Rodnyanskaya I.B., Kozhnikov V.V.* The image. *Short Literary Encyclopedia*. M.: Sov. En- cycl., 1968. 365 p. (In Russ.)
6. *Serova K.A.* Pragmatical focus and perspective in the descriptive portrait in the English prose of the XX century (as exemplified in the novels by V. Wulf and J. Fowles): Ph. D. thesis. Saint- Petersburg, 1996. 189 p. (In Russ.)
7. *Rowling J.K.* Harry Potter und der Stein der Weisen. Carlsen, 1998. 335 p. (In Ger.)
8. *Rowling J.K.* Harry Potter und der Gefangene von Askaban. Carlsen, 1999. 448 p. (In Ger.).

Статья поступила в редакцию / Received 21.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 26.02.2025

Принята к публикации / Accepted 01.03.2025

Научная статья

УДК 81`255

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/143-151>

**Специфика перевода юридического текста
с английского языка на русский язык
(на материале трудового договора)**

Никита Алексеевич Белько¹

Научный руководитель: **Елена Юрьевна Оберемченко²**

^{1,2}Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону, Российская Федерация

¹Студент бакалавриата кафедры английской филологии, belko@sfedu.ru

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, eyoberemchenko@sfedu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности письменного перевода в сфере права и юриспруденции, выделяются определённые языковые средства и экстралингвистические факторы как значимый набор объектов детерминирующего алгоритма их функционирования в юридическом тексте, способствующие адекватному переводу. Уделяется внимание теории уровней эквивалентности и проблемам эквивалентности в контексте перевода юридических текстов.

Ключевые слова: юридический перевод, языковые средства, клише, штампы, эквивалентность

Для цитирования: Белько Н.А. Специфика перевода юридического текста с английского языка на русский язык (на материале трудового договора) / науч. рук. Е.Ю. Оберемченко // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 143–151.

Original article

**Peculiarities of legal translation from English into Russian
(based on the labour contract)**

Nikita A. Belko¹

Scientific advisor: **Elena Yu. Oberemchenko²**

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹Undergraduate Student, Department of English Philology, belko@sfedu.ru

²Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Translation and Information Technologies in Linguistics, eyoberemchenko@sfedu.ru

Abstract. In this article the features of legal translation are discussed. Certain linguistic means and extralinguistic factors are also analysed as a significant set of elements of the algorithm that

determines their functions in the legal text and contribution to adequate translation. Attention is paid to the theory of equivalence levels and the problem of equivalence in the context of legal text translation.

Key words: legal translation, linguistic means, cliches, stamps, equivalence

For citation: Belko N.A. Peculiarities of legal translation from English into Russian (based on the labour contract). *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 143–151. (In Russ.).

Право и юриспруденция – одни из основных сфер международной деятельности, что, в свою очередь, актуализирует вопросы юридического перевода. Юридический перевод требует не только определённых знаний в сфере юриспруденции, но и соблюдения строгих правил в использовании языковых средств при передаче содержания оригинала. **Цель настоящего исследования** – выявление тонкостей перевода юридического текста на основе анализа оригиналов и переводов английского и русского трудовых договоров. Достижению поставленной цели способствует **решение ряда задач**: дать определение юридическому переводу, проанализировать шаблоны английского и русского трудовых договоров, выявить языковые средства, использование которых характерно при юридическом переводе, выявить особенности юридического перевода относительно каждого уровня эквивалентности.

Юридическим переводом называют раздел перевода текстов и документов, специализирующихся на правовой тематике и актуализирующих использование языка в юридических целях как абсолютное [2, с. 29]. Для выполнения адекватного перевода текста юридической направленности необходимо иметь соответствующий уровень компетентности в правовой сфере, владеть специализированной терминологией, знать законодательства стран исходного и переводящего языка, а также учитывать лексические, грамматические и стилистические особенности юридического текста [3, с. 18]. Кроме того, важно понимать, что любой правовой документ оформляется строго по определённым правилам, имеет чёткую структуру и точные формулировки. Задача юридического текста заключается в том, чтобы передать информацию предельно чётко и исчерпывающе, не потеряв при этом ни одного смыслового элемента и не допустив неоднозначности в трактовке транслируемых нюансов смысла.

Английский юридический текст предполагает детерминирующий алгоритм функционирования в тексте определённых языковых средств и экстралингвистических факторов:

1. Языковые средства, повышающие объём ментальной информации, что расширяет влияние и распространение юридической информации [17, с. 133]. К ним относятся, например, лексические сокращения (*e. g.* = *exempli gratia* – «например»; *etc.* = *et cetera* – «и так далее»; *N. B.* = *nota bene* – «обрати внимание»). Кроме того, к подобным языковым средствам относятся и юридические терминологические сокращения (*NDA* = *Non-Disclosure Agreement* – «Договор о неразглашении»).

2. Языковые средства для сжатия информации. Такими средствами выступают термины, которым не характерна многозначность, что позволяет исключить двусмысленность [8, с. 65–80] (*social guarantees* – «социальные гарантии»; *probationary period* – «испытательный срок»).

3. Отсутствие или низкий порог наличия репрезентантов эмоциональной лексики. Помимо ментальной информации И.С. Алексеева обращает внимание на то, что в отдельных речевых ситуациях правовые документы могут выявлять эмоциональную составляющую через

юридические термины с архаичной окраской. Использование подобных терминов «создаёт колорит высокого стиля («отрешение от должности», «жилище неприкосновенно» и пр.)». По мнению И.С. Алексеевой, «эмоциональный оттенок юридического текста связан с его высоким статусом в обществе и отражает отношение к нему людей» [1, с. 218]. Необходимо подчеркнуть, что эмоциональная окраска выражается исключительно на лексическом уровне и не затрагивает синтаксический.

В.Б. Исаков выявляет «эмоциональную нейтральность» юридического текста как один из качественных компонентов алгоритма построения текста. Специалист в области юриспруденции не имеет права даже в неординарных ситуациях демонстрировать свою оценку и оказывать тем самым своё воздействие на реципиента [8, с. 65–80]. Использование в юридическом тексте терминов с архаичной окраской определённого содержания создаёт на своём уровне эффект денотативной экспрессивности [4].

4. В качестве способа передачи когнитивной информации в юридических текстах определяется тавтологическая когезия. Тавтологическая когезия представляет собой повторение одного и того же существительного в смежных фразах. Этот приём позволяет прояснить смысл сообщения и исключить возможность неправильного толкования, как в случае использования контекстуальных синонимов.

И.С. Алексеева выделяет два типа когезий – семантическую и формальную, и перевод последней требует особого внимания. Формальная когезия выступает в форме наречий, местоимений, союзов и т.п. (в английском: *as follows*; *hereto*; в русском: *в дальнейшем*; *на основании*), и опущение подобных слов при переводе ведёт к ослаблению логичности и связности юридического текста [1, с. 218].

5. Латинские выражения, способствующие прямой передаче смысла между разными правовыми и культурными системами, так как являются универсальными во всех языках (*quantum meruit* – «справедливое вознаграждение»; *per period* – «за к.-л. период времени») [19, с. 131].

6. Языковые средства, указывающие на объективность сообщаемой информации, к которым относятся пассивный залог, безличные предложения (*the agreement shall be submitted* – «соглашение должно быть представлено»; *the application must be approved* – «заявка должна быть одобрена») [16, с. 29–30]. Следует учитывать, что в некоторых случаях пассивный залог может переводиться на русский язык устойчивыми выражениями в активном залоге (*The Council shall be composed of* – «Совет состоит из»; *a national is not entitled* – «подданный не имеет права») [9, с. 210].

7. В лингвистике выявляют также такой маркер юридических текстов, как репрезентант предписывающего характера, он выражается в использовании форм настоящего времени и определённых модальных глаголов. Данная императивность представляется в трёх формах: обязующей (напр., *shall / be to* – «должен», «обязан»; *be due to* – «подлежать»; *will* (переводится с оттенком долженствования)), уполномочивающей (напр., *can* – «может», «можно»; *may* – «может», «вправе»), запрещающей (напр., *shall not* – «не может/должен»). Доминантность модальных интенций «долженствования», «разрешения» в предложениях такого юридического текста, как текст трудового договора, становится определяющим в разграничении с текстом естественного характера [1, с. 217; 5, с. 6–37].

Необходимо отметить, что модально-интенциональный фактор является определяющим в разграничении естественного и юридического языка. Кроме того, в правовой докумен-

тации не используют вариант условных предложений с союзом *if* («если»). В английском языке данный союз заменяет более торжественное и официальное *Should*, в то время как в русском языке вместо простого *если* принято употреблять *в случае, когда/если* (*Should the Employer terminate this Agreement at any time after Probationary Period, the Employee Shall be Entitled to Severance* – «Если работодатель расторгнет настоящее Соглашение по истечении Испытательного срока, то работник имеет право на выходное пособие») [12, с. 177].

8. К лексическим особенностям правовых документов относятся клише и штампы. Клише – это устойчивые выражения, выступающие в определённых контекстах стандартом и предназначенные для облегчения процесса коммуникации [14, с. 99]. Использование клишированной лексики в юридических документах направлено на достижение точности языковых норм права и быстроты передачи информации и поэтому является необходимым элементом в оформлении таких текстов. Штампы, в свою очередь, отличаются от клише лишь тем, что имеют ослабленное лексическое значение и экспрессивность, вызванное его продолжительным и частым использованием. Тем не менее именно эта черта делает использование штампов в речи неуместным. В юридических текстах подобные шаблонные выражения передают сообщение неточно и неполноценно, хотя изначально эти слова вводились юристами с целью уточнения какой-либо мысли [7, с.173–176].

Клише могут выражаться в:

- устойчивых предикативных единицах (*the evidence has been presented* – «предъявлено доказательство»; *inquiry revealed* – «расследованием установлено»);
- глагольно-именных конструкциях (*to find guilty* – «признать виновным»; *to initiate a criminal case* – «возбудить уголовное дело»);
- составных терминах (*labour contract* – «трудовой договор»; *third party* – «третье лицо»);
- именных конструкциях, с функцией обстоятельства (*in view of foregoing* – «на основании изложенного»; *within a period* – «в срок»).

Также различают три вида штампов:

- универсальные слова, которые не несут смысловой нагрузки, но могут заменять другие слова с конкретным лексическим значением (*факт, вопрос, мероприятие*);
- парные слова, которые не являются фразеологизмами, но часто используются вместе (*достигнутые успехи, приглашённые гости, широкое распространение*);
- избыточные штампы (многословие), состоящие из двух абсолютно одинаковых по смыслу выражений (*joint collaboration* – «совместное сотрудничество»; *in one's name, place and stead of* – «от ч.-л. имени / вместо к.-л.»).

Переводчику необходимо учитывать, что каждому клише в исходном языке есть соответствующее клише в языке перевода. Тем не менее это не означает, что перевод всегда будет буквальным, так как форма клише в разных языках может различаться (*hereinafter referred to as* – «именуемый в дальнейшем»; *paid off time* – «оплачиваемый отпуск») [6, с. 35].

Специалисты в области юридического перевода квалифицируют сложности транскодирования текстов в том, что правовые тексты опираются на правовое поле своей конкретной страны, а следовательно, и на её исторические традиции и культурные коды. Таким образом, выделяется ряд случаев, где первый не составляет особых трудностей при переводе, а последний является особо сложным:

- правовые системы и языки двух стран тесно связаны;
- правовые системы двух стран связаны, а языки сильно различаются;
- языки двух стран связаны, но различаются правовые системы;
- у двух стран различаются и правовые системы, и языки [18, с. 35; 20].

Важной задачей процесса перевода юридического текста является осмысление прагматической составляющей содержания и поставленных целей воздействия на получателя текста, анализ текста, достижение эквивалентности терминов. Существует множество определений понятию эквивалентности перевода. Все они выделяют сохранение равнозначности содержания и достижение максимальной смысловой точности перевода [11, с. 23].

Для выделения в содержании текста уровней, отличающихся по характеру информации, существует теория уровней эквивалентности, предложенная В.Н. Комиссаровым, которая состоит из следующих уровней:

1. Первый уровень – это уровень языковых знаков. К данному уровню относится определение денотативной и коннотативной составляющих слова, его стилевой характеристики и перевод вне контекста путём лексической подстановки. Существует несколько групп лексической подстановки:

- простая лексическая подстановка, подразумевающая абсолютно точное совпадение значений слов оригинала и перевода (*employer* – «работодатель»; *employee* – «работник»);
- простая альтернативная подстановка, которая используется при соотнесении слова, обозначающего конкретное явление, со словом, обозначающим класс подобных явлений (*wage, salary* – «заработная плата»);
- сложная подстановка с дифференциацией значения, производимая при переводе полисемичных единиц языка (*party* – «сторона, партия»);
- позиционно обусловленная подстановка, предполагающая замену слова, которое не имеет эквивалентного значения в языке перевода, схожей лексемой, основываясь на контексте.

Безэквивалентная лексика совершенно не имеет точного соответствия в языке перевода. Для ее передачи используются транслитерация и калькирование, вводятся сноски и производятся самые разнообразные переводческие трансформации.

Согласно позиции Н.В. Самотейкиной, важнейшей чертой правового текста является использование исключительно точных и однозначных формулировок и терминов. Чтобы достичь эквивалентности при переводе юридических терминов, используются следующие методы:

- описательный перевод (*lease* – «договор об аренде»);
- транслитерация термина с пояснением (*license* – «лицензия»);
- семантическое калькирование (*to ratify an agreement* – «утвердить соглашение»);
- пословный перевод (*Exclusive Distributor Agreement* – «Эксклюзивное Дистрибьюторское Соглашение»);
- перевод посредством описательного оборота (*employee with an address of ...* – «работник, проживающий по адресу...»).

2. Второй уровень по теории уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова – это уровень высказывания. Данный уровень предполагает передачу эквивалентного содержания целого высказывания посредством правильного выбора синтаксической структуры, который зависит

от правил употребления, ситуации, установленного порядка элементов высказывания. Как упоминалось выше, в качестве целостных юридических терминов могут выступать не только слова, но и словосочетания, которые также требуют соблюдения эквивалентности при переводе [15, с. 136] (*This Employment Contract, hereinafter referred to as the 'Contract', is made by and between ..., hereinafter referred to as the 'Employer' and ..., hereinafter referred to as the 'Employee', collectively referred to as the 'Parties'. The Parties agree and covenant to be bound by the terms set forth in this Contract as follows: – «..., именуемое в дальнейшем «Работодатель», с одной стороны и ..., именуемый в дальнейшем «Работник», с другой стороны, в дальнейшем именуемые «Стороны», а по отдельности «Сторона», заключили настоящий трудовой договор, в дальнейшем именуемый «Договор», о нижеследующем: »).*

3. Третий уровень в теории уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова – уровень сообщения. На данном уровне эквивалентность достигается в передаче смысла сообщения, касательно экстралингвистических явлений исходного языка и языка перевода таких, как языковые клише или устойчивые выражения. В данном случае подбор эквивалента зависит не от точного словарного соответствия, а от идентичности понятия.

4. Четвёртый уровень по теории уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова – уровень описания ситуации. Данный уровень затрагивает детальность описания ситуации, степень которой может различаться в разных языковых культурах.

5. Пятый уровень – это уровень цели коммуникации. Данный уровень акцентирует внимание на авторском намерении. Как в английских, так и в русских правовых текстах интенция может быть выражена через ряд лексических единиц и грамматических конструкций:

– инфинитивные и безличные конструкции, имеющие в составе глаголы, которые призывают следовать концепции автора (*It is agreed that the first fourteen days shall constitute a probationary period* – «Работнику устанавливается испытательный срок продолжительностью 14 дней»);

– вводные конструкции, указывающие на: а) отношения между частями текста (*таким образом, следовательно*); б) связь высказывания с предыдущей информацией (*в свою очередь*); в) иное выражение мысли (*известный как, иными словами*);

– лексические единицы с оттенком долженствования (*обязан, должен*) [13, с. 109].

Эквивалентность на данном уровне называют прагматической и классифицируют по степени:

– полная эквивалентность (в языке перевода сохраняется абсолютно идентичное авторское намерение);

– частичная прагматическая эквивалентность (в языке перевода отражается похожее намерение);

– нулевая прагматическая эквивалентность (в языке перевода не сохраняется исходное авторское намерение) [10, с. 180–184].

Таким образом, на основании анализа английского и русского трудовых договоров можно подчеркнуть, что главными требованиями к переводу правовых текстов является соблюдение чёткой структуры и использование точных формулировок. В процессе транскодирования текста представляется актуальным анализ и оценка ряда языковых средств, устойчивых в правовых текстах: средства, повышающие объём ментальной информации, сжимающие информацию, указывающие на объективность информации, латинские выражения, клише и штампы. Детерминируется связь юридических текстов с историческими и культур-

ными кодами своей страны, а также их устойчивое влияние на сложность перевода. Для достижения максимальной эквивалентности при переводе правовых документов необходимо рассматривать юридический текст на разных языковых уровнях: на уровне языковых знаков, на уровне высказывания, на уровне сообщения, детальности описания и согласно цели коммуникации.

Список литературы

1. *Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Санкт-Петербург: Издательство «Союз», 2008. 288 с.
2. *Апасова Ю.Н.* К вопросу понятия юридического перевода с точки зрения права // *НОМОТНЕТИКА: Философия, Социология, Право.* 2021. Том 46, № 1. С. 27–35.
3. *Барина И.А., Деревянных А.В.* О некоторых особенностях перевода юридического текста // *Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков.* 2023. № 19. С. 17–20.
4. *Вахитова Г.В.* Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 193 с.
5. *Голев Н.Д.* Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // *Юрислингвистика.* 2006. № 7. С. 8–39.
6. *Жвырблевская М.Н.* Особенности перевода юридических клише и штампов // *Языковая личность и перевод: Материалы VI Международного научно-образовательного форума молодых переводчиков им. Д.О. Половцева, посвящённого 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 11–12 ноября 2021 года / Редколлегия: С.В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 33–37.*
7. *Ивакина Н.Н.* Профессиональная речь юриста: учебное пособие. Москва: Норма, 2010. 447 с.
8. *Исаков В.Б.* Язык права // *Юрислингвистика.* 2000. № 2. С. 64–79.
9. *Медведева М.С.* Употребление и способы перевода страдательного залога в текстах правовой тематики // *Донецкие чтения – 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–28 октября 2021 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 4. Часть 1. Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. С. 209–211.*
10. *Морозова И.О.* Специфика достижения эквивалентности в процессе перевода // *Гуманитарные и социальные науки.* 2019. № 2. С. 178–186.
11. *Новицкая И.В., Монгуш А.О.* Эквивалентность перевода как исследовательская проблема // *Juvenis Scientia.* 2017. № 10. С. 23–26.
12. *Поплавский М.Ю.* Основные особенности юридического перевода // *Дискурсивные практики в современном мире: Материалы научно-практического круглого стола в рамках Международной научно-практической конференции, Москва, 15 декабря 2023 года. Москва: Государственный университет просвещения, 2024. С. 174–180.*
13. *Ракитина С.В.* Интенциональное содержание юридического текста // *Вестник Волгоградской академии МВД России.* 2017. № 2(41). С. 107–110.

14. Розенталь Д.Э, Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. 3-е изд., испр. и доп. М.: «Просвещение», 1985. 357 с.
15. Самотейкина Н.В. Эквивалентность и адекватность перевода юридических текстов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2(68). С. 135–138.
16. Скворцов О.Г. Перевод деловой и юридической документации: учебное пособие для студентов вуза, обучающихся по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика»; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. 139 с.
17. Тотмянина Ю.В. Инновация: от линейной к ментальной модели распространения информации // Коммуникология. 2013. Т. 1, № 1. С. 129–136.
18. Шуваев К.С. Проблема эквивалентности при переводе юридических текстов // Научно-образовательный потенциал молодёжи в решении актуальных проблем XXI века. 2020. № 16. С. 350–353.
19. Юсева Ю.В. Виды латинских заимствований в юридической лексике английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 2(883). С. 126–132.
20. Cao D. Translating Law // Translating Law, 2016. P. 1–189.

References

1. Alexeeva I.S. *Professional translation training: a methodological manual on the translation and interpreting for translators and tutors*. Saint Petersburg: Publishing House Soyuz, 2008. 288 p. (In Russ.).
2. Apasova Yu.N. Revisiting the concept of legal translation in legal contemplation. *NOMOTHIKA: Philosophy, Sociology, Law*, 2021, vol. 46, no. 1, pp. 27–35. (In Russ.).
3. Barinova I.A., Derevyannykh A.V. On specific issues in legal translation. *Issues in Romano-Germanic Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages*, 2023, no. 19, pp. 17–20. (In Russ.).
4. Vakhitova G.V. Methods of conveying the inner expressiveness of the text (based on the legal literature in Russian an English): Ph. D. thesis. Ufa, 2007. 193 p. (In Russ.).
5. Golev N.D. Legal communication in the reflection of natural language. *Yurilingvistika*, 2006, no. 7, pp. 8–39. (In Russ.).
6. Zhvyrblevskaya M.N. Peculiarities of the translation of legal cliches and stamps. *Linguistic Personality and Translation: Proceedings of the VI International scientific and educational forum of young translators named after D.O. Polovtsev and dedicated to the 100th anniversary of Belarusian State University, Minsk, 11-12th November 2021*. Editorial board: S.V. Vorobyova (head editor) et al. Minsk: Belarusian State University, 2021. P. 33–37. (In Russ.).
7. Ivakina N.N. *Professional lawyer's speech: methodological manual*. Moscow: Norma, 2010. 447 p. (In Russ.).
8. Isakov V.B. The language of law. *Yurilingvistika*, 2000, no. 2, pp. 64–79. (In Russ.).
9. Medvedeva M.S. The use and methods of translating the passive voice in legal texts. *Donetsk Readings – 2021: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Present Times: Proceedings of the VI International Scientific Conference, Donetsk, October 26-28, 2021*. Ed. by S.V. Bespalova. Vol. 4. Chapter 1. Donetsk: Donetsk National University, 2021. P. 209–211. (In Russ.).

10. *Morozova I.O.* Particularity of equivalence's achievement in translation process. *Human and Social Sciences*, 2019, no. 2, pp. 178–186. (In Russ.).
11. *Novitskaya I.V., Mongush A.O.* The equivalence of translation as a research problem. *Juvenis Scientia*, 2017, no. 10, pp. 23–26. (In Russ.).
12. *Poplawski M.* Basic features of legal translation. *Discursive Practice in the Modern World: Proceedings of the scientific and practical round table discussion within the framework of the International scientific and practical conference, Moscow, December 15, 2023.* Moscow: Federal State University of Education, 2024. P. 174–180. (In Russ.).
13. *Rakitina S.V.* Intentional contents of legal texts. *Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of The Russian Federation*, 2017, no. 2(41), pp. 107–110. (In Russ.).
14. *Rozental D.E., Telenkova M.A.* Dictionary of linguistic terms: teacher's manual. 3rd edit., rev. and comp. Moscow: «Prosveshenie», 1985. 357 p. (In Russ.).
15. *Samoteikina N.V.* Equivalence and adequacy of translation of legal texts. *International Journal of Human and Natural Sciences*, 2022, no. 5-2(68), pp. 135–138. (In Russ.).
16. *Skvortsov O.G.* Translation of business and legal papers: methodological manual for students studying for specialty 45.03.02 “Linguistics”; Ministry of science and higher education of Russian Federation, Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin, 2019. 139 p. (In Russ.).
17. *Totmyanina J.V.* Innovation: From linear to a mental model of information dissemination. *Communication Studies*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 129–136. (In Russ.).
18. *Shuvaev K.S.* The problem of equivalence in translating legal texts. *Scientific and Educational Potential of Youth in Solving Urgent Problems of the XXI Century*, 2020, no. 16, pp. 350–353. (In Russ.).
19. *Yuseva U.V.* Types of Latin loanwords and expressions in the legal vocabulary of the English language. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Human Sciences*, 2024, no. 2(883), pp. 126–132. (In Russ.).
20. *Cao D.* *Translating Law.* *Translating Law*, 2016, pp. 1–189.

Статья поступила в редакцию / Received 10.02.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 10.02.2025

Принята к публикации / Accepted 11.03.2025

Научная статья

УДК 82.091

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-1/152-159>

Хроника II Международной научной конференции «Гармония и алгебра текста: филология, семиотика, аналитика»

**Ольга Васильевна Николаева¹, Галина Ивановна Модина²,
Екатерина Владимировна Пивоварова³, Агата Андреевна Задорожная⁴,
Вера Борисовна Колычева⁵, Ирина Николаевна Кохан⁶,
Ирина Владимировна Михеева⁷, Анна Ильясовна Мухаметова⁸,
Инна Анатольевна Ситникова⁹**

¹⁻⁹Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

¹Доктор филологических наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии,
nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

²Доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии,
modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

³Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии,
pivovarova_ev@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

⁴Магистрант, ассистент кафедры романо-германской филологии, zadorozhnaia.aa@dvfu.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-8091-0435>

⁵Кандидат филологических наук, доцент Академического департамента английского языка,
kolycheva.vb@dvfu.ru

⁶Кандидат филологических наук, доцент Академического департамента английского языка,
kokhan-in@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5408-3310>

⁷Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии,
miheeva.iv@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4414-55922>

⁸Кандидат филологических наук, старший преподаватель Академического департамента английского языка, mukhametova.ai@dvfu.ru

⁹Старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, Sitnikova.ian@dvfu.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-8591-8221>

Аннотация. В хронике обозначены основные направления докладов, представленных на посвящённой 125-летию основания Восточного института на Дальнем Востоке России Второй Международной научной конференции «Гармония и алгебра текста: филология, семиотика, аналитика», состоявшейся 27–28 января 2025 г. Краткий обзор работы пленарных заседаний, лингвистических и литературоведческих секций выявляет особую роль Восточного вектора в научных исследованиях, внимание лингвистов и литературоведов к широкому кругу проблем: от «цифроцентричности» современного текста, месте искусственного интеллекта в коммуникации к пониманию феномена «текст» как фундамента традиционных куль-

турных смыслов и этических ценностей и важного инструмента межкультурного диалога. Конференция стала пространством активной презентации современных научных направлений анализа текста и взаимодействия исследователей России и зарубежных стран.

Ключевые слова: антропология текста, лингвистический анализ, лингвостилистический анализ, лингвокультурные аспекты текста, поэтика текста, лингвоаксиология, лингводидактика

Для цитирования: Николаева О.В., Модина Г.И., Пивоварова Е.В., Задорожная А.А., Колычева В.Б., Кохан И.Н., Михеева И.В., Мухаметова А.И., Ситникова И.А. Хроника II Международной научной конференции «Гармония и алгебра текста: филология, семиотика, аналитика» / под общ. ред. О.В. Николаевой, Г.И. Модиной, Е.В. Пивоваровой // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 1. С. 152–159.

Original article

Chronicle of the II International Scientific Conference “Harmony and Algebra of the Text: Philology, Semiotics, Analytics”

**Olga V. Nikolaeva¹, Galina I. Modina², Ekaterina V. Pivovarova³,
Agatha A. Zadorozhnaya⁴, Vera B. Kolycheva⁵, Irina N. Kokhan⁶, Irina V. Mikheeva⁷,
Anna I. Mukhametova⁸, Inna A. Sitnikova⁹**

¹⁻⁹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹Doctor of Philological Sciences, Department of Romance and Germanic Philology, Chair, nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

²Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Romance and Germanic Philology, modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

³Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, pivovarova_ev@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4407-8531>

⁴Post-Graduate Student, Assistant, Department of Romance and Germanic Philology, zadorozhnaia.aa@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8091-0435>

⁵Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Department of the English Language, kolycheva.vb@dvfu.ru

⁶Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Department of the English Language, kokhan-in@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5408-3310>

⁷Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, miheeva.iv@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4414-5592>

⁸Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Academic Department of the English Language, mukhametova.ai@dvfu.ru

⁹Senior Lecturer, Department of Romance and Germanic Philology, Sitnikova.ian@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8591-8221>

Abstract. The chronicle outlines the main directions of the reports presented at the Second International Scientific Conference “Harmony and Algebra of Text: Philology, Semiotics, Analytics”, held on January 27–28, 2025, dedicated to the 125th anniversary of the founding of the Oriental Ins-

titute in the Russian Far East. A brief overview of the work of the plenary sessions, linguistic and literary sections reveals the special role of the Eastern vector in scientific research, the attention of linguists and literary scholars to a wide range of problems: from the “digital centrality” of modern text, the place of artificial intelligence in communication to understanding the phenomenon of “text” as the foundation of traditional cultural meanings and ethical values and an important tool for intercultural dialogue. The conference became a space for active presentation of modern scientific areas of text analysis and interaction between researchers from Russia and foreign countries.

Key words: anthropology of the text, linguistic analysis, linguistic stylistic analysis, linguistic and cultural aspects of the text, poetics of the text, linguoaxology, linguodidactics

For citation: Nikolaeva O.V., Modina G.I., Pivovarova E.V., Zadorozhnaya A.A., Kolycheva V.B., Kokhan I.N., Mikheeva I.V., Mukhametova A.I., Sitnikova I.A. Chronicle of the II International Scientific Conference “Harmony and Algebra of the Text: Philology, Semiotics, Analytics” / ed. by O.V. Nikolaeva, G.I. Modina, E.V. Pivovarova. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 1, pp. 152–159. (In Russ.).

Дальневосточный федеральный университет во второй раз стал центром обсуждения актуальных проблем аспектного и системного анализа текста в рамках Международной научной конференции «Гармония и алгебра текста: филология, семиотика, аналитика». В крупнейшем университете на Дальнем Востоке России преподают и исследуют русский язык и русскую литературу, европейские языки и литературы, а также языки и литературы Восточной и Юго-Восточной Азии. В текущем году конференция приурочена к 125-летию основания Восточного института на Дальнем Востоке России, а Восточный вектор заметно представлен как в тематике докладов, так и в составе участников.

В рамках конференции с докладами выступили более 130 преподавателей университетов, научных сотрудников и аспирантов, а также студентов вместе с научными руководителями. Среди участников – представители 25 университетов России, а также зарубежные коллеги из Беларуси, Китая и Японии.

Пленарные и секционные заседания были посвящены вопросам лингвистики и поэтики текста, проблемам эффективного использования инновационных методик исследования текста, в том числе применения искусственного интеллекта и больших языковых моделей при анализе текста, а также проблемам иноязычного образования.

Пленарная дискуссия на открытии Конференции разворачивалась вокруг методологических проблем антропологии текста, антропоцентричности и цифроцентричности современного текста, культуросцентричности художественного текста. Так, доктор исторических наук, профессор Анатолий Михайлович Кузнецов в докладе «Антропология текста» поднял фундаментальные вопросы трансдисциплинарного подхода к тексту как важнейшему источнику информации о мире, обществе и самом человеке, вопросы текстообразования и смыслопорождения, подчеркнув идею о возникновении текста в глубокой истории, отметив и проиллюстрировав многообразие разных форм текста.

В докладе доктора филологических наук Ольги Васильевны Николаевой поднимались вопросы столкновения традиционного языкового антропоцентризма и ментального цифроцентризма в современном тексте на разных языках. Отмечено, что менталитет стремительно дви-

жется по пути цифровизации, но в целом языковое воплощение современных цифровых трендов во многом инертно и вполне традиционно антропоцентрично. «Искусственная» цифровая инновация интеллекта создаётся по модели функционирующего мозга человека, и в современном описании искусственного интеллекта преобладает антропоморфная метафора. «Цифроморфная» метафора, тем не менее, уже получает заметные очертания в языковой картине мира.

Доклад доктора филологических наук, профессора ДВО РАН Татьяны Владимировны Краюшкиной был посвящён фольклорным мотивам в тексте пьесы юкагирского драматурга Геннадия Дьячкова «Розовая чайка». В исследовании подчёркнуто, что драматург сохранил оригинальность юкагирских фольклорных произведений, а фольклоризм является стержневым элементом пьесы. Юкагирский фольклор, включённый в драму, подчёркивает первостепенность сохранения традиционных культурных смыслов, преемственности культурно-обусловленных духовных и ценностных ориентиров в обществе.

Пленарное заседание II продолжило цикл литературоведческих докладов конференции. Доклады участников о русской литературе XIX–XXI веков касались проблем иерархии национальной и региональной литератур, культурных контактов и поэтики художественного текста. Доклад А.В. Урманова (г. Благовещенск) «“Национальное” и “региональное” в творчестве Г.В. Барановича: синтез или дихотомия?» посвящён причудливому вплетению узнаваемых элементов русской классики в повествование о быте и нравах Приамурья времён «золотой лихорадки».

Тему дальневосточной литературы продолжил доклад А.А. Забияко (г. Благовещенск) «Поэтика “дорожных заметок и воспоминаний” С.В. Максимова “На Востоке. Поездка на Амур”»: художественные приёмы создания образов восприятия маньчжуров и китайцев». Особый интерес вызвало жанровое своеобразие «заметок», созданных на стыке романа-травелога и этнографического повествования.

Далее прозвучал пленарный доклад известного российского учёного, лингвиста, доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Владимира Ильича Карасика «Метафорическая мощь концепта», вызвавший особый интерес. Обращение к категориям концепта и символа, фундаментальный характер доклада сделали его актуальным как для лингвистов, так и литературоведов.

В докладе Т.Е. Автухович (г. Гродно) «Личность и творчество И. Босха в восприятии русских поэтов второй половины XX – начала XXI в.» речь шла об этапах осознания русскими поэтами духовного родства с нидерландским живописцем на основе единой и вневременной борьбы с бездуховностью в искусстве.

Пленарный доклад О.И. Осиповой (г. Владивосток) «Телесный код в повести Е. Джаббаровской “Руки женщин моей семьи были не для письма”» раскрыл функции телесной образности, способной служить языком культуры и универсальным языком восприятия и описания реальности.

Тему дальневосточной литературы завершил панорамный доклад Н.В. Киреевой (г. Благовещенск) «Жанровое своеобразие “амурского текста”», посвящённый новым исследовательским горизонтам этого литературного пространства. Подводя итоги пленарного заседания, участники и слушатели отметили научную ценность и глубину каждого выступления и задали вопросы, связанные с перспективами дальнейших изысканий.

На Пленарном заседании III под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры романо-германской филологии ДВФУ Галины Ивановны Модиной прозвучали доклады, посвящённые литературным явлениям Франции и Англии. Внимание авторов обращено к проблемам литературных традиций и культурных контактов, адаптации классических произведений и поэтики художественного текста. Е.В. Киричук (г. Челябинск) в докладе «Литературное долголетие: П.-Ж. Жув, А. Бошо, Ф. Чен» представила изящный и глубокий сравнительный анализ мотивов «французских верлибров» трёх современных поэтов, где новаторские тенденции сочетаются с традициями Малларме, мифологическими и христианскими мотивами. В вызвавшем особый интерес докладе В.А. Мильчиной «Эпизод из истории франко-русских культурных связей: Шарль Нодье и Николай Греч» (г. Москва) речь идёт не только о заглавных авторах, но и других гранях француско-русского культурного диалога, позволяющих видеть новые возможности сопоставительных изучений в этой области. С темой доклада В.А. Мильчиной созвучен доклад В.И. Пинковского о книге русского дипломата, ставшей ответом на предвзятое сочинение маркиза А. де Кюстина о России – «Психологизм в книге К.К. Лабенского «Un mot sur l'ouvrage de m. De Custine, intitulé “La Russie en 1839”»» (г. Магадан). Современным ракурсом исследования – бытование классического текста в культуре разных эпох – отмечен доклад М.Р. Ненароковой «Пересказы Шекспира для детей (XIX–XXI вв.): пример трагедии “Гамлет”» (г. Москва). Реабилитации незаслуженно забытого текста посвящён доклад Г.И. Модиной «Об одном “незначительном” тексте: “Путешествие в Италию” в контексте путевых дневников Флобера 1840-х гг.» (г. Владивосток). Подводя итоги, участники и слушатели конференции отметили широкую тематику и актуальную проблематику всех литературоведческих секций, междисциплинарный характер докладов, открывающих новые пространства и перспективы исследований.

На Закрытии конференции прозвучал пленарный доклад доктора филологических наук, профессора кафедры теории преподавания иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова Зои Григорьевны Прошиной «Особенности публицистических текстов на китайском варианте английского языка». Доклад продемонстрировал комплексный и многоаспектный анализ китайских СМИ на английском языке, вызвал живую дискуссию по целому ряду вопросов, связанных с проблемами вариативности современного английского языка. Участники отмечали глубокий и системный подход З.Г. Прошиной к исследованию особенностей китайской англоязычной публицистики, необходимость использования результатов исследования в преподавательской и переводческой деятельности.

Лингвистическое направление конференции было представлено в шести секциях.

Секция «Лингвистический анализ текста» под руководством доцента кафедры романо-германской филологии Ирины Владимировны Михеевой была посвящена актуальным аспектам изучения текста, в частности всестороннему рассмотрению семантики и особенностей функционирования текстовых скреп, союзов, предлогов, парцелированных конструкций, смыслообразующей метафоры текста на примере военной метафоры. Авторы докладов подвергли анализу текстовый материал современного русского, вьетнамского, французского и английского языков.

Так, проблематику текстовых скреп как одного из важнейших средств формирования внутритекстовых связей в своём докладе затронула Би Цзин, рассмотрев наречные и текстовые функции слова «дальше» в современном русском языке. В современном русском языке актив-

но исследуется не только процесс адвербиализации как способ пополнения русских наречий, но и процесс перехода наречий в другие грамматические классы.

П.М. Тюрин в своём докладе заострил внимание на особенностях взаимодействия текстовой скрепы «напротив» с союзом «и», что позволило автору выявить их новые текстообразующие функции и прийти к выводу о том, что текстовая скрепа «напротив» в сочетании с союзом «и» может функционировать как самостоятельно, так и объединяться с ним в новую текстовую скрепу «и напротив».

Исследование Ж.А. Хван также посвящено изучению средств текстовой связи, а именно: конструкции «вопрос в том, что», которая, по мнению автора, не только участвует в оформлении связи между фрагментами текста, но и выполняет определённые функции, например функцию стандартизированной текстовой скрепы.

В продолжении затронутой проблематики выступила А.Э. Ерышева с докладом, посвящённым семантике и функционированию сочинительного союза «*không những mà còn*» в современном вьетнамском языке. Автор рассмотрел семантику данного союза и особенности организуемых с его помощью конструкций в сопоставлении со свойствами его русского аналога «не только..., но и».

В исследовании А.И. Петренко рассмотрены парцеллированные конструкции с производным предлогом «вплоть до» в современном русском языке, автор приходит к выводу о том, что рассматриваемый предлог обладает свойством, располагающим к парцелляции вводимой им словоформы, и потому может участвовать в организации структуры текста.

От анализа текста фокус внимания участников секции сместился к анализу дискурса. Доклад И.В. Михеевой был посвящён системному анализу семантики и прагматики франкоязычного слогана на одежде, который автор рассматривает не просто как надпись, а как высказывание слоганоносителя и один из способов реализации коммуникативной стратегии самопрезентации личности, которая, в свою очередь, осуществляется благодаря ряду тактик, к которым прибегает адресант.

Особый интерес вызвала проблематика, затронутая в докладе Е.О. Снегура, в частности, военная метафора в современном англоязычном дискурсе. Проведя наглядную иллюстрацию семантической и прагматической сторон военных метафор в разных сферах англоязычного дискурса, автор приходит к интересному выводу: военная лексика способна выходить за рамки военного дискурса, где может выступать в других значениях и входить в состав военных метафор, которые способны хорошо приживаться в самых разных сферах дискурса.

Работа секции «Современные методики анализа медиатекста» под руководством доцента Академического департамента английского языка Ирины Николаевны Кохан отмечена наибольшим количеством докладов иностранных специалистов – выступили участники из Российской Федерации, Китая, Японии. В рамках работы секции поднят широкий круг вопросов от прагматического анализа заголовков статей международных новостных изданий, рассмотрения аксиологического и функционального инструментария медийных текстов, до установления прагматических установок СМИ с позиций актуальной концепции «hard power», «soft power», «smart power». Особого внимания были удостоены доклады, посвящённые использованию инструментов ИИ в рамках работы с большими базами данных СМИ. В ходе дискуссии выявлены проблемные поля и перспективные направления разработки современных и актуальных методик анализа медиатекста.

В рамках работы секции «Перевод и контрастивный анализ текстов на разных языках» под руководством Аллы Вадимовны Маношкиной выступающие осветили актуальные вопросы контрастивной лингвистики и адекватности перевода: являются ли концептуальные универсалии подлинно универсальными, или же их существование связано с искусственной унификацией понятий через перевод; рассмотрели текстовые стратегии в их пересечении с переводческими стратегиями; указали на необходимость глубокого понимания символической и философской многослойности в переводе при передаче апокалиптической атмосферы, религиозной символики и экспрессионистских образов; подчеркнули семантические тонкости в употреблении многозначных предлогов; выявили появления новых значений у заимствований, которые находятся в процессе ассимиляции в принимающем языке.

Секция «Жанровое своеобразие текста» под руководством кандидата филологических наук, доцента кафедры романо-германской филологии Пивоваровой Екатерины Владимировны стала одной из самых многочисленных – 13 участников из Дальневосточного федерального университета, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, Амурского государственного университета и Иркутского государственного университета представили результаты своих научных исследований.

Тематика докладов затрагивала самые разнообразные аспекты изучения устного и письменного текстов на русском, немецком, английском и корейском языках в профессиональной и интернет-коммуникации и различных типах дискурса (экополитическом, маркетинговом, кинодискурсе), текста в аспекте жанровой специфики, а также текста как результата жанровой эволюции. Наибольший интерес и самые многочисленные вопросы вызвали доклады об экополитическом дискурсе, в частности о его сущности, отличительных чертах, возможности его отграничения в рамках политического дискурса, а также о маркетинговом дискурсе и его отличиях от рекламного дискурса.

В работе секции «Лингвистический анализ художественного текста» под руководством доцента Академического департамента английского языка Анны Ильясовны Мухаметовой были представлены доклады, осветившие языковые аспекты литературного текста, например особенности функционирования диалектизмов, частиц в художественном тексте. Тщательному анализу подвергнуты языковые особенности воплощения образов персонажей в поэтических текстах и текстах романов. Особый интерес вызвал доклад Веры Олеговны Пирог на тему «Противопоставление образов персонажей как способ движения сюжета в тексте русской и немецкой литературной сказки», в котором изучены лингвистические аспекты сопоставления и противопоставления литературных персонажей. Работа данной секции показала интеграцию лингвистических и литературоведческих аспектов анализа текста.

Литературоведческое направление конференции было представлено в шести секциях. Доклады секции «Поэтика художественного текста» под руководством Инны Анатольевны Ситниковой были посвящены актуальным вопросам литературоведения, изучению фольклора и фольклорных мотивов в литературных произведениях, аксиологических основ культур народов Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, поэтике произведений русских писателей.

Был представлен подробный анализ существующих подходов к трактовке терминов «мотив» и «лейтмотив» в современном литературоведческом дискурсе с уточнением опреде-

лений этих терминов в контексте их употребления при работе с художественным текстом. Было отмечено, что чёткое понимание этих терминов важно для успешного исследования и анализа литературного произведения. Отклик аудитории вызвали доклады, посвящённые анализу и восприятию образа молодого человека на войне (Б.Ш. Окуджава «Будь здоров, школяр»), образа матери в лирике А.Т. Твардовского и женских образов (сестры и дочери) в нивхском фольклоре, вопросам о границах возможного вмешательства в чужую культуру и о роли личности в истории (А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом»). Был представлен подробный имманентный анализ поэтического текста, рассмотрены взгляды Л.Н. Толстого на природу и цели искусства (статья Л.Н. Толстого «Что такое искусство?», 1890-е гг.), их актуальность в контексте современности и раскрыт вопрос о возникновении русского формализма, обеспечившего становление литературоведения как научной дисциплины.

Результаты исследований показали их востребованность и в прикладном отношении специалистами, которые используют текстоцентрический подход на занятиях. Секция «Иноязычный текст в парадигме лингводидактики» под руководством доцента Академического департамента английского языка Веры Борисовны Колычевой была посвящена проблемам развития навыков критического мышления на занятиях, вопросам видеоигрового текста как инструмента формирования иноязычной коммуникативной компетенции, использованию аутентичных материалов в обучении китайскому языку на примере маньхуа, учебно-научного иноязычного текста как инструмента обучения видам речевой деятельности в профессиональном контексте.

В докладах продемонстрировано наличие лингвометодического и дидактического потенциала текста для повышения эффективности обучения студентов иноязычной коммуникативной деятельности. Особо отметили интересный содержательный доклад «*Battling with phonetic interference: English natural modifications in the speech of the Russian learners of English*» Елены Евгеньевны Андросовой и Полины Евгеньевны Андросовой (Амурский государственный университет).

Международная конференция была призвана объединить не только филологов, но и исследователей других социально-гуманитарных областей, всех, кто работает с текстом и над текстом. Исследования, представленные на конференции, были выполнены на материале художественных текстов, медиатекстов, научного текста, разных видов и типов интернет-текста.

Конференция является площадкой для конструктивного обмена опытом в аспектном и комплексном исследовании текстов на разных языках и текстов разных жанров, предоставляя возможность презентации интересных и эффективных исследовательских методов и методик анализа текста. Восточный институт – Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета уже по доброй традиции стал местом организации взаимодействия и партнёрства в рамках профессионального сообщества филологов России и зарубежных стран Востока и Запада.

Статья поступила в редакцию / Received 13.03.2025

Одобрена после рецензирования / Revised 26.02.2025

Принята к публикации / Accepted 13.03.2025